

Мария Констант, жена Достоевского

Анатолий Донов

АНАТОЛИЙ ДОНОВ

МАРИЯ КОНСТАНТ, ЖЕНА ДОСТОЕВСКОГО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

Историю жизни и судьбы первой жены Ф.М.Достоевского Марии Дмитриевны, урожденной Констант, по своему происхождению наполовину француженки, в большинстве случаев излагали явные недоброжелатели, а нередко и откровенные невежды. Исключения единичны.

Плоский, но очень расхожий стереотип нервной, экспансивной, болезненно мнительной женщины часто использовался для объяснения многих причин неурядиц и несчастливой жизни писателя в первом браке.

В данной книге автор попытался по возможности объективно описать жизненный путь М.Д.Достоевской, ее роль в становлении литературного творчества Федора Михайловича и приоткрыть малоизвестные эпизоды сложных человеческих отношений в семейной жизни великого писателя.

Подписано в печать 12.07.04. Формат 60x90$^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Печ. л. 10,5. Заказ № 820. Тираж 1000 экз.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.

ISBN 5-98361-009-0

ПРОЛОГ

Прошло около 150 лет со дня венчания Федора Михайловича Достоевского в церкви Одигитриевой божьей матери далекого сибирского городка Кузнецка Томской губернии и Марии Дмитриевны Констант (по первому мужу — Исаевой). История их любви нашла достаточно широкое отражение в различных публикациях последнего времени, особенно в Сибири.

К сожалению, образ первой жены Достоевского сложился на определенных литературных традициях, отражающих взгляды второй жены Федора Михайловича Анны Григорьевны Достоевской (в девичестве Сниткиной) и его дочери Любовь Федоровны Достоевской, достаточно четко обозначенных в известной ее книге «Достоевский в изображении своей дочери». Ведь даже сам факт женитьбы Достоевского и последующей совместной семилетней жизни его с Марией Дмитриевной часто трактуется как эпизод. А весьма сомнительные антропологические изыскания Л.Ф.Достоевской вызывают у автора этих строк (праправнука Марии Дмитриевны) лишь недоумение.

Известная сибирская писательница Мэри Моисеевна Кушникова вполне справедливо отмечает в книге[1]:

<…> После смерти Достоевского в 1881 г., вплоть до собственной кончины в 1918 г., Анна Григорьевна была единственной распорядительницей «посмертной биографии» мужа, великого писателя.

Как мы знаем, ничто человеческое ей не чуждо, и она бестрепетно исключила из памяти о нем все, что касалось «грозного чувства». Не было этого периода в жизни Достоевского. Вообще ничего на было <…> Столь авторитетный биограф писателя, как Анна Григорьевна, бывшая и слывшая его неизменной помощницей во всех делах, высказала мнение, которое, вполне естественно, прижилось не только в России, но и во всем мире. Не было допущено других толкований. Потому что не было таковых. Кроме единственного: Анны Григорьевны Достоевской <…>

Ревность заставляла Анну Григорьевну вымарывать имя Марии Дмитриевны Достоевской не только из переписки Достоевского, но, как ей казалось, из самой истории.

В силу этих обстоятельств даже потомкам М.Д.Достоевской было заказано высказывать свое мнение, а если быть до конца откровенным, не было никакого желания делать этого.

Но, видно, настало время по возможности беспристрастно взглянуть на личность первой жены Ф.М.Достоевского, оставившего нам в память о ней следующие строки: «Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь».

СЕМЬЯ КОНСТАНТ

Ф. Достоевский в письме к своему брату Михаилу писал[2]: *«Ее отец, сын французского эмигранта, m-r de Constant»...* В Астраханском государственном архиве есть много документов, часть из которых выявила Наталья Ивановна Левченко — научный сотрудник литературно-мемориального музея Достоевского в Семипалатинске, где можно проследить родословную Марии Дмитриевны Констант (Достоевской)[3].

Дед Марии Дмитриевны — Франсуа-Жером-Амадей де Констант — служил капитаном королевской дворцовой гвардии при дворе Людовика XVI в Париже до 1792 года.

29 мая 1792 г. Законодательное собрание Франции объявило о роспуске королевской гвардии, состоявшей из аристократов, которые ликовали по поводу неудачи французской революционной армии против австрийцев. Ее начальник герцог Коссе-Брисак был предан верховному суду. Сторонники монархии предложили Людовику XVI поразить своим вето этот декрет. Но правительство отказалось утвердить вето. Король вынужден был подписать декрет.

Для отмщения чести короля между венским и берлинским дворами был заключен Пильницкий договор. В Германию стекались бывшие солдаты королевской гвардии.

11 июля 1792 г. Законодательное собрание Франции объявило отечество в опасности. Приближался великий кризис. 10 августа 1792 г. Людовик XVI покинул дворец Тюильри, который стойко обороняли только швейцары и дворцовые гвардейцы, был взят под стражу и отведен в Тампль, тюрьму меньших размеров и легче охраняемую. Трон был опрокинут. 21 января 1793 г. король Франции Людовик XVI был казнен. Капитан Франсуа де Констант в силу своих роялистских убеждений остался не у дел и эмигрировал за границу. После годичных мытарств по Европе бравый капитан предстал в свите герцога Ришелье перед троном Российской императрицы.

Екатерина II, с сочувствием относившаяся к дворянской эмиграции из Франции, принимает участие в судьбе Франсуа. Он принял российское гражданство, православную веру, а вместе с ней и новое русское имя — Степан.

В то время Россия осваивала вновь приобретенные после победоносной войны с Турцией земли — Новороссию.

Степана Константа посылают в Екатеринослав в инженерные войска. Он женится на своей соотечественнице, француженке, видимо тоже из эмигрантов. К сожалению, ее имя в архивах найти не удалось. В 1799 году у них родился сын Дмитрий.

<...> В 1819 г. Дмитрий Степанович Констант окончил с отличием екатеринославскую гимназию и поступил на службу в Дворянское собрание, а в 1820 г. его определили переводчиком французского языка в штаб генерала И.И.Инзона (в этом же году на короткое время в этом же штабе, тоже в должности переводчика, находился ссыльный А.С.Пушкин). В 1821 г. Константа направляют на службу в Таганрог в Строительный комитет. В том же году он женится. Его жена была из дворянской семьи, очень состоятельной, звали ее Софья Александровна.

В семье Константов было 7 детей: 3 сына и 4 дочери. Первым родился сын Степан в 1823 году, а черед 1,5 года — 1 сентября 1824 года — дочь Мария (ГААО, ф. 460, о. 1, д. 454, 485).

С 1832 г. и до конца жизни служба Д.С.Константа была связана с таможнями. Подробные формулярные списки характеризуют его как человека честного и исполнительного <...>, его карьера успешно продвигалась, он награждался чинами, орденами, а в 1863 г. вышел в отставку в чине действительного статского советники (ГААО, ф. 460, о. 1, д. 4146).

Дмитрий Степанович был не только исправным чиновником, но и заботливым, любящим отцом. Старшая дочь Мария воспитывалась в Таганрогском пансионе благородных девиц, который окончила с похвальным листом. Старший сын Степан учился в Петербурге, в пансионе при Институте корпуса путей сообщений. Констант хотел поместить в Петербург в институт благородных девиц свою дочь Варвару, но в 1838 г. умирает жена. Семья уезжает в Астрахань, где Констант получает сначала должность капитана Астраханского карантинного порта, а на следующий год — директора Астраханского карантина.

Дмитрий Степанович очень заботился о продолжении образования и устройства своих детей. Старшие сыновья Степан и Георгий были определены в лейб-гвардии казачий полк, три дочери (Мария, Софья и Варвара) успешно окончили Астраханский институт благородных девиц. В 1841 г. «Астраханские губернские ведомости» (№ 29, 19 июля) сообщили об успехах сестер Констант, которые «на выпуске удивили всех игрой на фортепиано под аккомпанемент оркестра и чтением стихов на французском и русском языках». Отца, отдававшего много тепла и любви детям, очень любили и дочери и сыновья <...>.

Семья Констант была окружена интересными людьми, среди которых можно назвать купца П.А.Сапожникова, владельца прекрасной коллекции картин (она стала основой картинной галереи в Астрахани). Его сын служил у Константа, и семьи встречались.

Дружны они были и с директором гимназии Михаилом Степановичем Рыбушкиным. В 1856 г. проездом в Астрахани побывал знаменитый французский писатель А.Дюма, который навестил Константов (ГААО, ф. 679, о. 1, д. 3923) <...>

Карантин располагался далеко от города, на Бирючей Косе[4]. Он представлял собой целый городок. На бугре церковь, рядом больница, портовая канцелярия, трактир. Вдоль берега, обнесенного палисадом, — корпуса пассажирского квартала, корпуса товарного квартала, чумный квартал... Во всяком случае, сестрам Констант был нелегко на Бирючей Косе, где основное население составляли чиновники, моряки, солдаты карантинной роты. А старшей дочери Дмитрия Степановича Марии исполнилось уже 22 года. В 1846 г. Мария Дмитриевна выходит замуж за чиновника особых поручений начальника Астраханского таможенного округа — коллежского секретаря Александра Ивановича Исаева <...>

<...> А.И.Исаев родился в 1822 г. в Петрозаводске Олонецкой губернии, в семье дворянина. Неизвестно, с чем был связан его переезд в Астрахань, но из документов видно, что он в 1830-х годах жил в Астрахани, а в 1838 г. окончил неполный курс астраханской гимназии (ГААО, ф. 679, о. 1, д. 430). После выхода из гимназии Исаева определяют на военную службу и отправляют на Кавказ. Мы можем предположить, что к этому времени относится его знакомство с капитаном артиллерии И.В.Ждан-Пушкиным, так как места их кавказской службы совпадают (ГААО, ф. 681, о. 1, д. 2403).

Позднее, в 1840-х годах, Ждан-Пушкин будет служить в должности инспектора Омского кадетского корпуса и встретится с Ф.М.Достоевским. Об их знакомстве с Исаевым Достоевский пишет в письме И.В. Ждан-Пушкину: «Покойный А.И.Исаев, часто с величайшим уважением говаривал мне о Вас. Он знал Вас лично, не знаю, помните ли Вы его?» <...>

После службы на Кавказе Исаева переводят в Симбирск, а затем снова — в Астрахань, в должность адъютанта Отдельной роты Астраханского карантина. С этого момента его служба связана с таможенными учреждениями: чиновник особых поручений при Комитете по перевозкам казенного провианта, чиновник особых поручений начальника Астраханского таможенного округа. Служба проходила у него успешно, что отмечалось в формулярных списках (ГААО, ф. 679, о. 1, д. 430).

Первые годы службы Исаева в Астрахани проходили под началом директора Карантинного дома Д.С.Константа. Да и в последующие годы Исаев служил рядом, потому что таможенные учреждения находились не в самом городе, а неподалеку, возле Бирючей Косы.

Карантинные дома и таможенные учреждения строились вдали от поселений. Поэтому у чиновников этого ведомства был свой узкий круг, и так получилось, что А.И.Исаев женился на старшей дочери Констант Марии Дмитровне.

10 ноября 1847 г. в семье Исаевых родился сын Павел. Л.Ф.Достоевская в своей книге[5] («Ф.М.Достоевский в изображении своей дочери» с. 79) пишет о тех же событиях: *«Эта бесстыжая женщина [М.Д.Констант — прим. авт.] была дочерью наполеоновского мамелюка, попавшего в плен во время бегства из Москвы, переселившегося потом в Астрахань у Каспийского моря, годе он сменил имя и религию, чтобы жениться на молодой девушке из хорошей семьи, безумно в него влюбившейся. По странной игре природы Мария Дмитриевна унаследовала целиком и полностью русский тип своей матери. Я видела ее портрет, ничто не выдает восточное происхождение <...> Достоевский не имел ни малейшего представления об африканском происхождении своей жены, которое та тщательно скрывала; он узнал о нем гораздо позднее <...>*

Вот такое «изображение», которое продолжает тиражироваться по всему миру и по сей день.

Обратимся к самому Достоевскому. До нас дошло 3 письма Федора Михайловича к Дмитрию Степановичу Констант. Вот несколько фрагментов из этих писем[6]:

20.04.1857 г., г. Семипалатинск

<...> Не знаю, в состоянии ли я буду исполнить то, что положил в своем сердце, но заверяю Вас, что во мне твердое, непоколебимое желание составить счастье жены моей и устроить судьбу бедного Паши. Я люблю его как родного: я так любил его отца, что не могу не быть другом и сыну <...>

31.08.1857 г., г. Семипалатинск

<...> Вы мне написали столько лестных слов, благороднейший и многоуважаемый Дмитрий Степанович, что я, право, не знаю, чем заслужил их, клянусь Вам, что постараюсь заслужить Вашу доверенность ко мне. <...> Позвольте мне именоваться Вашим почтительнейшим родственником и примите уверение в том глубочайшем уважении, с которым я имею честь пребыть, милостивый государь, Вашим покорнейшим и всегдашним слугою <...>

15.03.1858 г., г. Семипалатинск

<...> Уведомляю Вас, многоуважаемый Дмитрий Степанович, что я подал в отставку по расстроенному здоровью и надеюсь, что мне разрешат жить в Москве. Делаю я это, во-первых, потому, что действительно болен; во-вторых, что здешняя служебная карьера

не представляет мне никакой выгоды, а в-третьих, средства к содержанию увеличатся вдвое с переездом в Москву. Мы думаем с Машей, если посчастливится перебраться в Москву, взять с собой Пашечку. Да и будущность незавидная выйти в офицеры Сибирского корпуса <...> Но когда мы уедем, оставлять его одного грешно, тем более что в России, я уверен, будет случай дать ему воспитание в лучшем заведении. Поверьте тоже, что, если б не было в нас этой уверенности, мы бы не захотели поступать опрометчиво. Паша к нам пишет довольно часто. Его принимают в Омске в хороших домах. Он кланяется Вам и сестрицам и просит напомнить Вам о себе.

Я тоже поручаю себя Вашему благорасположению, многоуважаемый Дмитрий Степанович. Как бы я желал, вместе с Машей, увидеть Вас и познакомиться с Вами лично. Может быть, бог и исполнит наше желание скоро. С чувством глубочайшего уважения и преданности, позвольте мне пребыть, милостивый государь, Вашим почтеннейшим родственником.

Федор Достоевский

Бог не дал, они никогда не встретятся.

Дмитрий Степанович Констант умер в Астрахани в августе 1863 г. за 8 месяцев до смерти своей дочери Марии Дмитриевны Достоевской, оставившую Пашу Исаева на попечении Федора Михайловича.

Из писем видно, что между зятем и тестем сложились теплые доверительные отношения.

После смерти отца судьба всех его остальных дочерей сложилась несчастливо. Но вернемся к нашему повествованию.

ИСАЕВА

Впервые годы замужества Марии Дмитриевны Александр Иванович Исаев, судя по документам[3] (ГААО, ф. 681, о. 1, д. 2403), был преуспевающим чиновником: <...> *Таможенные астраханские заведения относились к первой категории, Астрахань являлась важным портом, соединяющим русские и заграничные торговые пункты. Но в феврале 1851 г. Исаева направляют чиновником особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа. Для Исаева это назначение было, вероятно, неожиданным, так как из документов видно, что в Сибирь должен был ехать коллежский асессор Расов. Но это был человек преклонных лет, к тому же накануне отъезда он неожиданно заболел (ГААО, ф. 681, о. 1, д. 2403). <...>*

С большой степенью вероятности можно предположить, что в это время произошла размолвка между Исаевым и семьей Констант из-за пристрастия Александра Ивановича к спиртным напиткам.

<...> Сначала Исаевы живут в Петропавловске, а затем приезжают в Семипалатинск, где разместилась квартира начальника округа. Очевидно, это было связано с тем, что город недавно считался удобным местом торговли со Средней Азии и Китаем. <...> В обязанности чиновника Исаева входило: расследование дел о пропавших товарах, наблюдение за действиями надзирателей и таможенных застав, а также ремонт таможенных зданий. <...> В общем, хлебное место.

Человек с определенным складом характера и моральными принципами на таком месте явно бы не бедствовал. <...> В этой должности Исаев прослужил 3 года. В 1853 г. отношения Исаева и начальника округа Армстронга ухудшились. У Исаева стали удерживать жалование (ГААО, ф. 679, о. 1, д. 441). Возможная причина одна — пристрастие к спиртным напиткам. Но также известно, что Ф.М.Достоевский очень резко отзывался о самом Армстронге. Барон А.Е.Врангель (семипалатинский друг Ф.М.Достоевского — прим. авт.) вспоминал: «Гордый, надутый немец. Он выступал, как павлин, любуясь собой, ни на одну минуту не забывая своего положения, ни у кого никогда не бывал, всех и вся ругал и презирал. <...> Достоевский его ненавидел, острил на его счет и иначе не называл, как «благородный Армстронг»[7].

Так или иначе, но в начале 1854 г. А.И.Исаева отправили в отставку.

В это время, весной 1854 г., в Семипалатинске, где Достоевский служил солдатом в 7-м Сибирском линейном батальоне, по окончании четырехлетних каторжных работ в Омском остроге, состоялось его

знакомство с А.И.Исаевым на квартире батальонного командира Белихова. Вслед за тем произошло знакомство Федора Михайловича Достоевского с Марией Дмитриевной Исаевой.

Вот как описывает это знакомство Достоевский в письме к своему брату М.М.Достоевскому от 13.01.1856 г.[8]:

<...> Но не он привлекал меня к себе, а жена его Мария Дмитриевна. Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добрая, милая, грациозная, с превосходным, великодушным сердцем. Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исполняла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливое время проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину.

С ними почти все раззнакомились, частично через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец ему вышло место, в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений, при таможне; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унизителен. <...> Слава богу, теперь ей помогают родные, с которыми она была несколько в ссоре, через мужа. Родные ее в Астрахани. <...> Наконец, осталась родня мужа, родня дальняя; один из братьев мужа служил в Гвардейском финском стрелковом батальоне капитаном. Я знаю, что и фамилия мужа была очень порядочная.

Теперь вот что, мой друг; я давно уже люблю эту женщину, и я знаю, что и она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Не беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его. Мое решение принято, и, хоть бы земля развалилась подо мной, я его исполню. Но не могу же я теперь, не имея ничего, воспользоваться расположением ко мне этого благороднейшего существа и теперь склонить ее к этому браку. С мая месяца, когда я расстался с ней, моя жизнь была ад. Каждую неделю мы переписываемся. Александр Егорович (Врангель) был знаком с Исаевыми, но только в последнее время их жизни в Семипалатинске. Он видел Марью Дмитровну, но знает ее только несколько. Я был с ним несколько откровенен на этот счет, но не совершенно. Он не знает содержания этого письма, но, думаю, будет

говорить с тобой обо всем этом деле. <…> Само собой разумеется, что раньше события я никому в мире не напишу, что я намерен жениться. Тебе я говорю это под страшным секретом. Да и тебе, признаюсь, не хотел говорить. Это дело сердца, которое боится огласки, боится чужого взгляда и прикосновения. Так по крайне мере в моем характере. И потому, ради Христа, не говори об этом никому, совершенно никому. Да и про все письмо мое вообще не говори никому и никому не показывай. Ради бога, ни слова об этом сестрам; они тотчас испугаются за меня и начнутся советы благоразумия. А мне без того, что теперь для меня главное в жизни, не надо будет и самой жизни. В тебя только одного и верю, мой добрый, мой лучший друг. <…>

Это письмо написано уже после смерти А.И.Исаева, чему предшествовали некоторые события, достаточно подробно описанные бароном А.Е.Врангелем в своих «Воспоминаниях»[7]:

<…> Марии Дмитриевне было лет за тридцать, довольно красивая блондинка среднего роста. <…> Она была начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна. В Федоре Михайловиче она приняла горячее участие, приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него падучая болезнь, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он «без будущности», говорила она. Федор же Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом молодости. Достоевский пропадал у Исаевых по целым дням, усиленно тащил и меня, но несимпатична мне была та среда ради мужа ее. <…>

Во времена Достоевского Семипалатинск пил горькую. Захолустье засасывало людей, а слабовольных, как А.И.Исаев, и губило. Исаев был неразборчив в выборе приятелей по выпивке. Всегда находились охотники выпить за чужой счет. Местные выпивохи из чинушей знали слабость Исаева к выпивке и пользовались ею. А в результате всего высмеивали Исаева и распускали про него всякие «гадости». Достоевский возмущался таким поведением собутыльников Исаева, но был бессилен помочь ему.

Знакомство Исаевой с Достоевским не могло не быть замеченным местным чиновничьим обществом и, безусловно, явилось предметом сплетен со стороны семипалатинских обывательниц. Мария Дмитриевна по своему образованию и умственному развитию стояла значительно выше прочих городских дам, с большинством из которых у нее было мало

общего. Многие из них не понимали, для чего нужно было Исаевой общаться с больным и ссыльным солдатом. Но, не смотря на то, что Семипалатинск времен Достоевского был захолустьем, имя Достоевского как талантливого писателя уже было знакомо некоторым представителям городской интеллигенции, в том числе и М.Д.Исаевой.

Мария Дмитриевна умела поддерживать в обществе занимательный разговор, была интересной собеседницей и не давала скучать публике.

Глубокая любовь, которую чувствовал Федор Михайлович к Исаевой, по-видимому, не могла не отразиться и на Марии Дмитриевне, и ее дружба к Достоевскому постепенно переходила в чувство теплой привязанности к писателю.

Постепенно материальное положение Исаевых ухудшалось день ото дня. Не на что было приобрести одежду, росли долги в мясной и молочной лавке. Семья оказалась на грани нищеты. Сплетни местного общества, злорадствующего по поводу унизительного положения интеллигентной «француженки», оскорбляли и раздражали внучку французского дворянина. Но, наконец, Александру Ивановичу предложили место заседателя по корчемной части в г. Кузнецке Томской губернии в 600 верстах от Семипалатинска.

У Исаевых оставалось много долгов. Распродали все имущество, помог деньгами А.Е.Врангель. Сцену расставания Александр Егорович подробно представил в своих «Воспоминаниях»...[7].

Между Федором Михайловичем и Исаевой началась переписка. Из всех многочисленных писем сохранилось только одно. Остальные были или уничтожены Анной Григорьевной Сниткиной — второй женой Достоевского — или утеряны. Но об этом несколько позже. Приведем здесь несколько значительных фрагментов из этого сохранившегося письма[9]:

Из письма Ф.М.Достоевского

М.Д.Исаевой. 4 июня 1855 г. Семипалатинск

<...> *Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же приняли меня как родного. Я припоминаю, что я у Вас был как у себя дома. Александр Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я Вам моим тяжелым характером, а вы оба любили меня.* <...> *Вы же удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни.* <...> *Вы (сами) больны, раздражены, обижены, обижены уже тем, что не ценило Вас поганое общество, не понимало, а с Вашей энергией нельзя не возмущаться несправедливостью; это благородно и честно.*

Вот основание Вашего характера: но горе и жизнь, конечно, много преувеличили, много раздражили в Вас, но, боже мой! Все это выкупилось с лихвой, сторицею...

<...> Именно в самый день отъезда, утром, когда Петр Михайлович приглашал Врангеля куда-то на весь вечер, он отговорился и на вопрос: почему? отвечал: провожаю Исаевых. Тут были кое-кто. Петр Михайлович тотчас осведомился: стало, дескать, Вы коротко знакомы? Врангель резко отвечал: что хоть знакомство это недавнее, но все-таки это был один из приятнейших для него домов и что хозяйка этого дома, то есть Вы, такая женщина, какой он с Петербурга еще не встречал, да и не надеется более встретить, такая, «каких Вы, — прибавил он, — может быть, и не видывали и с которой знакомство я считаю себе за величайшую честь». <...>

<...> Я как будто вижу Вашу бабушку [речь идет о тетке Софьи Александровны Констант, у которой в Таганроге после смерти мужа остался дом и значительное состояние — прим. авт.]. Негодная старуха! Да она Вас сживет со свету. Пусть остается со своими моськами «по гроб своей жизни». Я надеюсь, Александр Иванович завещание вытянет, так должно, а ее не возьмет. Ее надо уверить, что так будет лучше: иначе она должна дать подписку, что умрет через три месяца (за каждый день по 1000 рублей) иначе не принимайте.

Неужели Вам, Вам, Мария Дмитриевна, придется ходить за ее моськами, да еще с Вашим здоровьем! Ведь эти старухи так несносны! <...>

<...> Пишите мне чаще и больше, пишите об Кузнецке, об новых людях, об себе как можно больше. Поцелуйте Пашу; верно, шалил дорогой! Прощайте, прощайте! Неужели не увидимся.

Ваш Достоевский.

В августе 1855 года Достоевский получил известие о смерти Александра Ивановича Исаева. Мария Дмитриевна осталась одна с маленьким сыном в далеком малознакомом сибирском городке без достаточных средств к существованию и надежд на благополучное будущее. Из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю[10]:

23 марта 1856 г. Семипалатинск

<...> La dame (la mienne) [речь о М.Д.Исаевой — прим. авт.] грустит, отчаивается, больна поминутно, теряет веру в надежды мои, в устройстве судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городке (она еще не переехала в Барнаул) людьми, которые смастерят что-нибудь очень недоброе; там есть женихи. <...> Она все ждет до сих пор известия от родных, которые там у себя, на краю света, должны решить здешнюю судьбу ее, — то есть возвратиться ли в Россию или переезжать в Барнаул [туда приглашал Достоевского

горный начальник Алтайских заводов, полковник Андрей Родионович Гернгросс — прим. авт.].

Письма ее последние ко мне во все последнее время становились все грустнее и тоскливее. Она писала под болезненным впечатлением: я знал, что она была больна. Я предугадывал, что она что-то скрывает от меня. Увы! Я этого Вам никогда не говорил: но еще в бытность Вашу здесь par ma jalousie incomparable (моей исключительной ревностью) я доводил ее до отчаяния, и вот не потому-то она теперь скрывает от меня. И что ж? Вдруг слышу здесь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражен как гром. В отчаянии я не знал, что делать, начал писать к ней, но в воскресенье получил от нее письмо, письмо приветливое, милое, как всегда, но скрытное еще более чем всегда. <...> Нет и помину о будущих надеждах наших, как будто мысль об этом уж совершенно отлагается в сторону. Какое-то полное неверие в возможность перемены в судьбе моей в скором времени и, наконец, громовое известие: она решилась прервать скрытность и робко спрашивает меня: «Что если б нашелся человек, пожилой, с добрыми качествами, служащий, обеспеченный, и этот человек сделал ей предложение — что ей ответить?» Она спрашивает моего совета. Она пишет, что у нее голова кружится от мысли, что она одна на краю света, с ребенком, что отец стар, может умереть, — тогда что с ней будет? Просит обсудить дело хладнокровно, как следует другу, и ответить немедленно <...> прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя. Неподвижная идея в моей голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь Вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! Ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее этим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее. Тут были и угрозы и ласки и униженные просьбы, не знаю что. <...> Но рассудите: что же делать было ей, бедной, заброшенной, болезненно мнительной и, наконец, потерявшей всю веру в устройство судьбы моей! Ведь не за солдата же выйти ей. <...>

Mais-elle m'aime, elle m'aime (но — она меня любит, она меня любит), это я знаю, я вижу по ее грусти, тоске, по ее неоднократным порывам в письмах и еще по многому, чего не напишу Вам я. Она с жадностью ждет перемены в судьбе моей, и все нет да нет ничего! Она приходит в отчаяние и, понимая, что она мать, что у ней есть

ребенок, поколебалась на возможность, если мои дела не устроятся, выйти замуж. Еще две почты назад она писала мне, успокаивая мою ревность, что она хотела бы мне сказать что-то, но боится меня, что кругом нее интригуют всякие гады, что все это так грубо делается, без малейшего знания приличия, уверяет в том же письме, что она более чем когда-нибудь чувствует, что я необходим ей, а она мне, и пишет: «Приезжайте скорее, вместе посмеемся». Конечно, посмеемся над проделками кумушек, давших себе слово выдать ее замуж! Я знаю, что если б малейшая надежда в судьбе моей — и она бы воскресла, укрепилась духом и, получив письмо отца (с разрешением), уехала бы в Барнаул или Астрахань. Что же касается до меня, то, конечно, мы были бы с ней счастливы. В браке со мной она была бы всю жизнь окружена хорошими людьми и хорошим, большим уважением, чем с тем чиновником. <...>

Голубчик мой! Пишу Вам все это для того, чтоб Вы действовали всем сердцем и всей душой в мою пользу. Как на брата надеюсь на Вас! Иначе я дойду до отчаяния! К чему мне жизнь тогда! Клянусь Вам, что я сделаю тогда что-нибудь решительное! Умоляю Вас, ангел мой! Я если Вам когда-нибудь понадобится человек, которого надо будет послать за Вас в огонь и воду, то этот человек готов, это я, а я не покидаю тех, кого люблю, ни в счастье, ни в беде, и доказал это! [в это время А.Е.Врангель хлопотал в Санкт-Петербурге через своих родственников и знакомых о помиловании Достоевского в связи с коронацией нового императора Александра II — прим. авт.]. <...>

Наконец: ради Христа, уведомьте меня обо всем ходе дел моих, как можно подробнее и поскорее; в этом полагаюсь совершенно на Вас. <...> Напишите мне, ради бога: Катерина Осиповна (Герпгросс) в Петербурге или нет? Похлопочите о моих и ее делах у Герпгроссов. Прощайте, обнимаю и целую Вас еще раз! Вы надежда моя, Вы спаситель мой!

Ваш Достоевский

И действительно, Федор Михайлович предпринимает решительные, крайние меры. Во-первых, он посылает письмо герою Крымской войны, известному военному инженеру Э.И.Тотлебену, брату своего однокашника по Инженерному училищу с которым они были близко знакомы по Петербургу, А.И. Тотлебена. Из письма Достоевского Эдуарду Ивановичу Тотлебену, 24.03.1856 г., г. Семипалатинск[11].

<...> с младшим братом Вашим, Адольфом Ивановичем, я был очень дружен, почти с детских лет любил его горячо. <...> Теперь я солдат, служу в Семипалатинске и нынешним летом произведен в унтер-офицеры. <...> Не скрою от Вас, что кроме теперешнего желания моего переменить свою участь на другую, более

соответствующую моим силам, одно обстоятельство, от которого, может быть, зависит счастье всей моей жизни (обстоятельство чисто личное), побудило меня попробовать осмелиться напомнить Вам о себе. <…>

Во-вторых, он организовывает через своих семипалатинских друзей и осуществляет достаточно авантюрную поездку в Кузнецк. К тому же открылись новые обстоятельства. Явился соперник в лице учителя рисования Кузнецкого уездного училища Николая Борисовича Вергунова, молодого человека двадцати четырех лет от роду, знакомого покойного Александра Ивановича Исаева.

С именем этого человека связано большое количество домыслов. Чтобы создать полное представление об этом эпизоде в биографии М.Д.Исаевой снова обратимся к документальным источникам.

Из писем Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю, Семипалатинск, 13.04.1856 г.[12]:

<…> *Говорит, что поездка дорого стоит, что в Барнауле надо новое обзаведение. Это правда. Я пишу, что употреблю все средства, чтоб с ней поделиться, она уже умоляет меня всем, что есть свято, не делать этого. Ждет ответа из Астрахани, где отец решит, что ей делать: остаться ли в Барнауле или ехать в Астрахань? Говорит, что если отец потребует, чтоб они приехали к нему, то надо ехать, и тут же пишет: не написать ли отцу, что я делаю ей предложение, и только скрыть от отца настоящие мои обстоятельства? Для меня это тоска, ад. Если б поскорее коронация и что-нибудь верное и скорое в судьбе моей, тогда бы она успокоилась.*

Семипалатинск, 23.05.1856 г. [ ]:

<…> *Дело в том, что она отказалась теперь формально ехать в Барнаул, но это бы ничего! Но во всех последних письмах, где все-таки мелькает нежность, привязанность и даже более, она мне намекает, что она не составит моего счастья, что мы оба слишком несчастны и что нам лучше [фраза не закончена: текст переходит на следующую страницу, оторванную, вероятно, А.Г.Достоевской. Далее следует текст, перешедший на поля сохранившегося листа — прим. авт.]* <…>

Семипалатинск, 14 июля 1856 г. [ ]:

<…> *Я увидел ее! Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого. Я так провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне… Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимое! К концу второго дня я уехал с полной надеждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всегда виноваты. Так и случилось… что она делает и на что решается, с ее необыкновенным, безграничным здравым смыслом. Ей 29 лет, она*

образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдающая, мучившаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири, ищущая счастье, самовольная, сильная, она готова выйти замуж теперь за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видевшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни. <...> Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями? <...> я ни в чем не убедил ее, но оставил сомнение: она плакала и мучилась. Мне жаль стало, и тогда она вся обратилась ко мне — меня жаль! Если б Вы знали, что это за ангел, друг мой! Вы никогда ее не знали: что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное — у ней сердце рыцарское: сгубит она себя. Не знает она себя, а я ее знаю! По ее же вызову я решился написать ему все, весь взгляд на вещи, ибо, прощаясь, она совершенно обратилась ко мне всем сердцем. С ним я сошелся: он плакал у меня, но он только и умеет плакать! Я знал свое ложное положение: ибо начни отсоветовать, представлять им будущее, оба скажут: для себя старается, нарочно изобретает ужасы в будущем. Притом же он с ней, а я далеко. Так и случилось. Я написал письмо длинное ему и ей вместе. Я представил все, что может произойти от неравного брака. <...> А он истинно по-кузнецки и глупо принял себя за личность и за оскорбление — дружескую, братскую просьбу мою (ибо сам просил у меня дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья, ибо ему 24 года, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущности и вечный Кузнецк. Представьте себе, что он всем этим обиделся: сверх того вооружил ее против меня, прочтя наизнанку мою мысль и уверив ее, что она ей оскорбительна. Мне написал ответ ругательный. Дурное сердце у него, я так думаю.

В то же время Достоевский хлопочет об устройстве Вергунова на более выгодное место, опасаясь за свою будущность (производство в офицеры проблематично, денег нет) и судьбу Исаевой, которую он пытался таким образом обустроить: «Она не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хотя бы деньги были»...

Со стороны Марии Дмитриевны тоже присутствовало чувство ревности. И не без некоторого основания: из «Воспоминаний ...» А.Е.Врангеля:

<...> Однажды, отправляясь с Достоевским к Плиевым, я увидел у них оборванную, грязную девушку лет 15-16, красивую блондинку. Мне объяснили, что это старшая дочь поляка О-го (казначей 7 линейного Сибирского батальона Карп Иванович Ординский, прим. автора), переведенного в Сибирь на службу за какую-то провинность. Теперь он был батальонный казначей, личность неприглядная и вечно пьяная.

Вдовец с тремя дочерьми, из которых Марина была старшей. Овдовев, он вскоре женился на своей кухарке, третировавшей бессердечно бедную девушку. Она исполняла обязанности работницы и служанки в доме. Она мыла полы, стирала белье и в отношении умственного развития была совершенно заброшена. М.Д.Исаева заинтересовалась бедной девочкой, приласкала ее, приняла в ней участие и просила Достоевского заняться ею <...>.

После отъезда Марии Дмитриевны в Кузнецк, Федор Михайлович <...> отправился теперь к О., и после некоторых пререканий, девушку стали отпускать в «Казаков Сад» (пригородная дача под Семипалатинском) учиться. Ей исполнилось уже 17 лет, она подросла, расцвела, похорошела и стала чрезвычайно развязна. Она очень оживляла наш дом, бегала, усиленно кокетничала и задорно заигрывала со своим учителем <...>. При отъезде моем, видя, как Федор Михайлович ретиво принялся за уроки с Мариной, явно благоволившей к своему учителю, я, признаться, обрадовался, думая: хандра пройдет, завяжется новое чувство и отвлечет его, может быть, от роковой страсти к М.Д.Исаевой. Но дело сложилось иначе. <...>

<...> В 1865 году, вернувшись как-то из моего летнего отпуска в Копенгаген [А.Б. Врангель служил там в качестве дипломатического посланника — прим. авт.], я нашел отчаянное письмо Достоевского из Висбадена. Оказывается, он проигрался там в пух и прах <...>. Эта новая страсть Достоевского — к игре — была для меня полной неожиданностью. В Сибири, где так развито было картежничество, он карт в руки не брал <...>. Нечего было делать, пришлось выручать старого друга; помог ему, хотя и сам не очень-то был при деньгах. Одновременно написал ему, просил непременно приехать ко мне в Копенгаген.

Приехал он ко мне 1-го октября. Прожил у меня неделю, очень понравился моей жене и много возился с двумя моими детьми <...>. Очень радостна была наша встреча: всплыли, конечно, воспоминания о Сибири, о «Казаковом Саде», о наших сердечных увлечениях и пр. и пр. Много говорили и о покойнице Марии Дмитриевне, и о красавице Марине О., которую так ревновала к нему его жена <...> Видимо Мария Дмитриевна через общих знакомых узнавала об этих пикантных подробностях. Кроме того, до Исаевой доходили также слухи в Кузнецк об успехах Федора Михайловича на танцевальных вечерах в Семипалатинском обществе. В общем, были причины для ревности с обеих сторон.

Между тем события развивались своим чередом. Письмо Достоевского было передано Тотлебену Врангелем. Тотлебен, приняв живое участие в судьбе писателя, направил его в Штаб

генерал-инспектора по инженерной части, Великого князя Николая Николаевича. В архивах штаба сохранилось дело «О производстве в прапорщики унтер-офицера (из политических преступников) Сибирского линейного батальона Федора Достоевского (ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив ф.312б з. 1022). Дело начато 23 мая 1856 г. на основании следующего ходатайства: *«К высокоторжественному дню коронации государя императора испрашивается милость: унтер-офицера Федора Достоевского произвести в прапорщики и дозволить ему литературные занятия с правом печатания, на узаконенных основаниях (там же, п.1).»* К ходатайству приложено письмо Достоевского Тотлебену, на котором имеется карандашная резолюция: *«Его величество приказать изволил написать представление в форме записки к г-ну военному министру, просить ходатайства о производстве Федора Достоевского в прапорщики в один из полков 2-й армии. Если же это признано будет неудобным, то с чином 14-го класса уволить его для определения к статским делам; в обоих случаях дозволить ему литературные занятиясправомпечатаниянаузаконенныхоснованиях».* Наосновании этого распоряжения 29 мая 1856 г. была составлена «записка» на имя военного министра Н.О.Сухозавета (2-го): *«В звании отставного полевого инженер-поручика Федор Достоевский по высочайшей конфирнации в 19-й день декабря 1849 г., последовавшей на докладе генерал-аудитора по военно-судному делу, произведенному по полевым уголовным законам над злоумышленниками против правительства, лишен всех прав состояния и отослан в каторжную работу в крепости на 4 года, с тем, чтобы по окончании этого срока был определен на службу рядовым за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти и покушение вместе с прочими к распространению сочинения противправительствапосредствомдомашнейлитографии. В декабре 1853 г., за окончанием 4-х летнего нахождения в каторжной работе, согласно вышеупомянутой конфирмации Достоевский определен на службу рядовым в один из Сибирских линейных батальонов и впоследствии произведен в унтер-офицеры. Ныне дошло до сведения моего, что унтер-офицер Достоевский чистосердечно раскаялся в своем преступлении и совершенно переменил образ прежних мыслей в отношении к правительству.*

Принимая во внимание молодые лета и неопытность Достоевского семь лет тому назад, которые допустили его увлечения сумасбродными идеями, отличные отзывы об нем всех прежних его сослуживцев и товарищей, свидетельствующих о его способностях, и

в особенности к литературным трудам, и хорошей нравственности, а также и продолжительное время, проведенное им в каторжных работах, я не сомневаюсь в искренности его раскаяния и потому, желая дать ему случай загладить свою вину и приносить пользу обществу, против которого он погрешил, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство исходатайствовать всемилостивейшее соизволение государя-императора о производстве Достоевского в прапорщики. <...>

<...> 10 июня 1856 г. военный министр Н.О.Сухозавет (2-й) сообщил Штабу генерал-инспектора по инженерной части решение на просьбу: *«По докладу государю императору отношения вашего <...> от 29-го прошедшего мая, его величество изволил отозваться, что если унтер-офицер Сибирского линейного № 7-ого батальона Достоевский по настоящему его поведению признается заслуживающим монаршего милосердия, то о производстве его в прапорщики или об увольнении от службы с чином 14-го класса, должно быть сделано представление по команде, а по воспоследовании на это разрешение, следует учредить над ним секретное наблюдение, впредь до совершенного удостоверения в благонадежности этого человека, после чего можно будет войти с особым представлением о дозволении ему печатать свои литературные труды <...>*

Почти одновременно в письме от 2 июня на имя военного министра Н.О.Сухозавета из Омска от Г.Х. Гасфорта по просьбе Достоевского поступает его стихотворение «На коронацию и заключение мира» с просьбой *«повергнуть оное на высочайшее государя императора воззрение и, если признается возможным, исходатайствовать высочайшее соизволение на напечатание оного в одном из петербургских периодических изданий. На полях просьбы помета: «Принять к сведению. 27 июня 1856 г. Генерал от артиллерии Сухозавет» <...>*

В манифесте, обнародованном в день коронации Александра II 26 августа 1856 г., было объявлено прощение бывшим петрашевцам. Им возвращались права дворянства и разрешалось жить в любых городах России за исключением двух столиц.

1 октября 1856 г. был отдан приказ о производстве Достоевского в прапорщики.

Федор Михайлович находился в неведении о происходящих вдали от него событиях.

В ноябре 1856 г. состоялось производство Достоевского в прапорщики, и он выезжает в Кузнецк с целью сделать Марии Дмитриевне предложение.

Но вернемся к Николаю Борисовичу Вергунову. Мог ли он действительно быть соперником Достоевского? Судя по развитию

дальнейших событий — нет. Мария Дмитриевна обладала достаточно острым умом, чтобы разглядеть Вергунова, понять ущербность его личности, ограниченность жизненного кругозора. Наиболее полно дает характеристику Бориса Николаевича и раскрывает его биографию новокузнецкая писательница и искусствовед Альбина Степановна Шадрина в своей книге «Двадцать два дня из жизни Ф.М.Достоевского[15].

<…> *Отрицать увлечение Марии Дмитриевны кузнецким учителем невозможно, оно было как наваждение — непродолжительным, неглубоким, скорее от отчаяния. Может быть, хотелось проверить чувство самого Достоевского* <…> *Вероятно ближе к истине сам Достоевский, утверждая, что «отсутствующие всегда виноваты». Женскую психологию порой трудно уместить в прокрустово ложе логики и здравого смысла* <…>

<…> С легкой руки Л.Ф.Достоевской пошла гулять по свету легенда «о красавце учителе», его пылком «романе» с Марией Дмитриевной, ее «африканских страстях» и т.д. В книге «Достоевский в изображении его дочери Л.Ф.Достоевской» характеристика Марии Дмитриевны удивляет откровенной неприязнью и вульгарностью: <…> *«Накануне своей свадьбы Мария Дмитриевна провела ночь у своего возлюбленного, ничтожного домашнего учителя, красивого мужчины, которого она отыскала после прибытия в Кузнецк и которого она втайне любила давно… но красивый молодой человек был столь незначителен, что Достоевскому никогда в голову не приходила мысль, что он может быть соперником».* Любовь Федоровна не предполагала, какие сохранились материалы в чужих руках, в архивах о сибирском периоде жизни писателя, когда писала свою книгу об отце.

Тенденциозное, исключительно вольное обхождение с фактами останется на совести Л.Ф.Достоевской. Действительно, далеко не романтическим героем выглядит Николай Борисович и на страницах архивных документов, а следовательно, и в жизни, но главное — лишены всякой достоверности домыслы, предположения и доказательства о продолжающемся романе, когда Мария Дмитриевна уже носила фамилию Достоевского.

В сущности, одаренная от природы натура Вергунова при скромном образовательном уровне, провинциальном мышлении и претенциозности не смогла реализовать себя полноценно ни в личной жизни, ни служебной деятельности. Неудачи, конфликты шли за ним по пятам, в «табели о рангах» остановился всего на четвертой ступени (губернский секретарь), да и жизнь оказалась удивительно короткой.

<...> Вергунов Н.Б. (1832-1870 гг.) родом из Томска, по одним источникам мещанского сословия, другим — купеческого. Закончил четыре класса гимназии, сдал экзамены на учителя приходского училища. Обратившись в 1854 г. В Томскую Дирекцию губернский училищ с заявлением о службе, он получил должность учителя в приходском училище г. Кузнецка. <...>

<...> Вергунов приступил к исполнению должности в марте 1854 г. Но, помимо службы в приходском училище для мальчиков, по просьбе смотрителя уездного училища преподает в нем арифметику и геометрию <...> Затем в 1855 г. знакомство и сближение с семьей Исаевых, Мария Дмитриевна своим интеллектом также образовывала недоучившегося гимназиста. Очевидно, М.Д.Исаева произвела громадное впечатление на Вергунова как своим внешним обликом, так и духовным миром <...>

Сложная ситуация классического треугольника благополучно разрешилась для двух сильных натур. Деликатно оставив возможность слабому присутствовать на их тожестве в качестве свидетеля со стороны жениха <...>

3 февраля 1857 г. в Семипалатинске открылась вакансия на должность приходского учителя. Вышедшему в отставку тремя годами раньше, после двадцати пяти лет службы в Кузнецком уездном училище учителю истории и географии А.Калмакову предложили занять эту должность. Но он обращается с просьбой *«поместить меня на должность Приходского учителя в Кузнецк, а г.Вергунова <...> переместить в Семипалатинск. Н.Вергунову, как говорится, сесть да ехать»*, а у Калмакова в Кузнецке дом и хозяйство, да со здоровьем неважно.

Просьбу А.Калмакова удовлетворили и Вергунова в июне 1857 г. переводят в Семипалатинск, хотя сам он обратился с прошением в дирекцию училищ Томской губернии о переводе его на родину, в Томск.

В дальнейшем из этого факта появилась версия, что отъезд Вергунова из Кузнецка в Семипалатинск был не без сопутствующего «флера».

Естественно, что появление Вергунова в Семипалатинске вряд ли понравилось Достоевскому, да и Мария Дмитриевна дорожила своей репутацией. Вероятно, Вергунову дали понять о неуместности визитов его в дом Достоевских.

После отъезда Достоевских в Россию Н.Б.Вергунов продолжает служить учителем в Семипалатинском Приходском училище, обзаводится семьей, в 1865 г. у него родилась дочь Елена. После конфликта со смотрителем Семипалатинского училища Делаткевичем

зимой 1864 г. семейство Вергуновых выехало на некоторое время в Барнаул (1864-1869 гг.). В 1869 г. он возвращается в Семипалатинск на должность преподавателя русского языка в уездное училище. В конце 1870 г. Н.Б.Вергунов скоропостижно скончался. Вот его послужной список (ГАТО. Ф. 125 п. 2 д.332, л.1):

Формулярный список о службе Коллежского Регистратора Николая Борисовича Вергунова, Учителя Русского языка Семипалатинского Уездного училища

Составлен мая 14 дн. 1870 года.

Чин, имя, отчество, фамилия, должн., лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и полученное содержание.

Коллежский Регистратор Николай Борисович Вергунов, Учитель Русского языка Семипалатинского Уездного училища, тридцати семи лет, вероисповедания православного. Знаков отличия не имеет. Получает штатного жалованья 350 руб. Из Городской Думы за преподавания Русского языка в женском училище 60 р.

Итого 410 р.

Из какого звания происходит

Из купцов

Есть ли имение…

Родовое…

Нет

Благоприобретенное

Нет

Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук; когда в службу вступил…

Обучался в Томской гимназии до 5 кл. По выдержании испытания в Педагогическом Совете Томской гимназии на звание Приходского Учителя, допущен к исправлению этой должности в Кузнецкое Уездное Училище (1854 г. 3 марта).

Указом Правительства Сената от 26 мая 1854 года за № 4261 исключен из податного состояния и утвержден в службе по учебной части (1854 мая 26). Г. Томским Гражданским Губернатором объявлена благодарность за преподавание в продолжение года ученикам Уездного училища Арифметики и Геометрии сверх своей обязанности (1855 ноября 11).

Г. Министром Народного Просвещения разрешено выдать ему за преподавание Арифметики и Геометрии ученикам уездного училища с 1 сентября 1854 года по 15 сентября 1855 года в виде платы 250 руб. 45 копеек.

По распоряжению начальства перемещен учителем в Семипалатинское Приходское училище (1857 июня 15).

По выдержании экзамена в Педагогическом Совете Томской Гимназии на звание домашнего учителя русского языка, получил свидетельство на это звание (1862 ноября 22).

Г. Директором училищ Томской губернии уволен согласно его прошению от должности учителя Семипалатинского Приходского училища (1864 сентября 18).

Указом Правительства Сената от 22 июня 1867 г. за № 4197, произведен за выслугу лет в чин Коллежского Регистратора со старшинством с 1866 марта 30.

Генерал-губернатором Западной Сибири, определен учителем русского языка в Семипалатинское уездное училище с 1869 июня 12. Под судом и следствием не был.

Был ли в походах против неприятия...

Не был.

Был ли в штрафах, под судом, следствием...

Не был.

Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени...

Не был

Был ли в отставке...

Не был

Холост или женат; на ком, имеет ли детей

Женат на Екатерине Александровне, у них дочь Елена, родившаяся 29 июня 1865 года. Жена и дочь вероисповедания православного, находятся при нем.

Штатный Смотритель Семипалатинского Училища

Подпись

Таким образом, легенда о поездках Вергунова за М.Д.Достоевской и его присутствие в ее доме в Твери, Владимире и Москве не выдерживают никакой критики.

Несмотря на все эти подробности, о которых нельзя не умолчать, за исключением лишь отдельных эпизодов, поведение участников этой любовной истории было во всех отношениях достойным и заслуживающим уважения.

Получив во время своего второго пребывания в Кузнецке от Марии Дмитриевны решительное «ДА», счастливый Достоевский вернулся в Семипалатинск и стал готовиться к свадьбе.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю:[16]

21 декабря 1856 г. Семипалатинск

<...> *Теперь друг мой, хочу объявить Вам об одном важном для меня деле. Вам, как другу моему, это должно быть открыто. Коротко и ясно: если не помешает одно обстоятельство [дело идет скорее всего об отсутствии денег для женитьбы и первоначального обзаведения — прим. авт.], то я до масленицы женюсь — Вы знаете на ком. Никто,*

кроме этой женщины, не составит моего счастья. Она же любит меня до сих пор, и я выполнял ее желание. Она сама мне сказала: «Да». То, что я писал Вам о ней летом, слишком мало имело влияния на ее привязанность ко мне. Она меня любит. Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал Вам летом письмо мое. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности. Еще летом по письмам ее я знал это. Мне было все открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если б Вы знали, что такое эта женщина!

Я Вам пишу наверно, что я женюсь, между прочим, может быть одно обстоятельство, о котором долго рассказывать, но которое может отдалить брак наш на неопределенное время. Это обстоятельство совершенно постороннее. Но мне, по всей видимости, кажется, что оно не случится. А если его не будет, то следующее письмо Вы получите от меня, когда все будет кончено.

Денег у меня нет ни копейки. По самым скромным и скупым расчетам мне, на все, надо 600 руб. серебром. Я намерен их занять у Ковригина (он в Омске, но скоро приедет). Мы с ним в последнее время сошлись очень хорошо. Я надеюсь, что он мне даст. А если не даст, то все рушится, по крайней мере, на неопределенное время. Я займу у Ковригина на дальний срок, т<о>е<есть> на год по крайней мере. Но с будущей почтой пишу в Москву к дяде, человеку богатому, который не раз помогал нашему семейству, и прошу у него 600 руб. серебром [это письмо к А.А.Куманину неизвестно. Но деньги он прислал — прим. авт.]. Если даст мне, то я тотчас же отдам Ковригину. Если же не даст, то надо самому достать деньги, ибо этот долг — священный долг и отдать его надо как можно скорее.

На брата я надеяться не могу. Если бы у него были деньги, он дал бы мне. Но он пишет, что обстоятельства его худы, по крайней мере теперь. И потому одна надежда и на отдачу долга и на средства к будущей жизни моей; это: если мне позволят печатать. Не удивляйтесь, друг мой, что я, не имея ничего, занимаю такие куши, как 600 руб. серебром. Но у меня есть готового для печати с лишком на 1000 руб. серебром. След<овательно>, будет чем отдать, если позволят печатать и если дядя не пришлет. Но если печатать не позволят еще год — я пропал. Тогда лучше не жить! Никогда в жизни моей не было для меня такой критической минуты, как теперь. И потому поймите, бесценнейший друг мой, как важно для меня хоть какое-нибудь известие о позволенье печатать. И потому умоляю Вас, как бога, если могли что-нибудь узнать об этом (я просил Вас об этом еще в прошлом письме), то уведомьте немедленно. Умоляю Вас об этом, и если в Вас еще прежние чувства ко мне, Вы примете мою просьбу и исполните ее <…>

<…> Но прежде чем прощусь с Вами в этом письме — еще просьба — об ней прошу Вас на коленях. Помните, я Вам писал летом

про Вергунова. Я просил Вас ходатайствовать за него у Гасфорта. Теперь он мне дороже брата родного. Слишком долго рассказывать мои отношения к нему. Но вот в чем дело. Ему последняя надежда устроить судьбу свою — это держать экзамен в Томске чтоб получить право на чин и место в 1000 руб. <> жалованьем. Всё дадут, если он выдержит экзамен. Но без протекции ничего не будет. Все зависит от директора гимназии Томской статского советника, Федора Семеновича Мещерина. Если бы кто-нибудь из лиц влиятельных написал о Вергунове Мещерину, уведомляя, что когда он будет держать экзамен, то обратить на него внимание, то конечно Мещерин все сделает. О Вергунове не грешно просить: он того стоит. <…>

Из письма Ф.М.Достоевского к М.М.Достоевскому 22 декабря 1856 г. Семипалатинск[17]:

<…> Может быть из прежних писем за последние 2 года и неоднократных намеков моих ты мог видеть, что я любил одну женщину. Имя ее Марья Дмитриевна Исаева. Она была жена моего лучшего друга, которого я любил как брата. Конечно, любовь моя к ней была скрытая и безнадежная. Муж ее был без места; наконец, после долгих ожиданий, он получил место, в городе Кузнецке, Томской губернии. Приехав туда, он через 2 месяца умер. Я был в отчаянии, разлучившись с нею. Можешь себе представить. Так увеличилось мое отчаяние, когда я узнал о смерти ее мужа. Одна с малолетним сыном, в отдаленном захолустье Сибири, без призора и без помощи! Я терял голову. Я занял и послал ей денег. Я был столько счастлив, что она приняла от меня. О том, что я сам входил в долги, я не рассуждал. Наконец, она списалась с своими родными, с отцом своим в Астрахани. С тех пор он помогал ей, и она жила кое-как. Отец звал ее к себе. Она бы поехала, но ей хотелось пристроить прежде сына в Сиб<ирский> кадетский корпус. В Астрахани ей бы не на что было воспитать его; надо бы платить за него деньги. Она боялась обременить отца и боялась упреков сестер, у которых она была бы нахлебницей. В Сибирском же кадетском корпусе дают воспитание прекрасное и выходящие только 3 года обязаны прослужить в Сибири. Переписка наша тянулась. Я уверен был, что и она по крайней мере поняла, что я люблю ее. Но я, быв солдатом, не мог ей предложить быть моей женой <…> Но теперь, тотчас же после производства, я спросил ее: хочет ли она быть моей женой, и честно, откровенно объяснил ей все мои обстоятельства. Она согласилась и отвечала мне: «Да». И потому брак наш совершится непременно <…> Если я женюсь, то свадьба будет сделана до середины февраля, то есть до масленицы. Так уж у нас решено, если все уладится и кончится благополучно <…> Я уверен, ты скажешь, что в 36 лет тело просит уже покоя, и тяжело навязывать себе обузу. На это я ничего

отвечать не буду. Ты скажешь: «Чем я буду жить?» Вопрос резонный; ибо, конечно, мне стыдно, да и нельзя рассчитывать женатому на то, что ты, н<а>пример, будешь содержать меня с женой. Но знай, мой бесценный друг, что мне надо немного, очень немного, чтоб жить вдвоем с женой. Я тебе ничего не пишу о Марье Дмитриевне. Это тихая женщина, которой по характеру, по уму и сердцу из 1000 не найдешь подобной. Она знает, что я немного могу предложить ей, но знает тоже, что мы очень нуждаться никогда не будем; знает, что я честный человек и составлю ее счастье <...>. О возможности иметь детей — заботится еще далеко. А если будут, то и воспитаны будут, будь уверен. Ты скажешь, что, может быть, заботы мелкие изнурят меня. Но что же за подлец я буду, представь себе, что из-за того только, чтоб прожить как в хлопочках, лениво и без забот, — отказаться от счастья иметь своей женой существо, которое мне дороже всего в мире, отказаться от надежды составить ее счастье и пройти мимо ее бедствий, страданий, волнений, беспомощности, забыть ее, бросить ее — для того только, что, может быть, некоторые заботы когда-нибудь потревожат мое драгоценнейшее существование. Но конец оправданиям! Примирись с фактом, друг мой <...>

Лучше не скажешь. Достоевский показал себя мужчиной в полном смысле этого слова.

В этом же письме Федор Михайлович дает описание внешнего облика Марии Дмитриевны: *«она блондинка, росту высокого среднего, с прекрасной тальей, похожа на Эмилию Федоровну [жена брата — прим. авт.] станом, как я ее помню».*

Дядя не подвел, из Москвы пришли необходимые деньги, и вопрос о свадьбе был решен. 27 января 1857 г. Достоевский выехал из Семипалатинска в Кузнецк.

Наиболее полно и достоверно описал свадьбу Ф.М.Достоевского В.Ф.Булгаков, секретарь Л.Н.Толстого, уроженец Кузнецка, который в 1904 г. собрал местный материал от сохранившихся старожилов свидетелей тех событий[18]:

— <...> *Весть о том, что на Исаевой женится какой-то приезжий офицер-писатель и что свадьбу эту устраивает Катанаева [жена местного исправника — прим. авт.] быстро облетела весь город, так что в феврале 1857 года, в день, назначенный для бракосочетания Одигитриевская церковь оказалась наполненной народом.*

В самом деле, благодаря участию Катанаевой, свадьба вышла весьма пышная. Вот что рассказывает Т.М.Темезева, которая присутствовала в церкви:

«За народом едва можно было протолкаться вперед. Конечно, присутствовало в церкви и все лучшее кузнецкое общество — Анна

Николаевна всех пригласила. Дамы были все разнаряжены. В церкви — полное освещение. Сначала, как водится, приехал жених. Конечно внимание всех на него обратилось и я смотрела с любопытством: хоть мне и было только лет шестнадцать, но я слышала, что он не простой человек, писатель. ... Он, помню, был уже немолодой, лет тридцати восьми; довольно высокий — выше, пожалуй, среднего роста... Лицо имел серьезное. Одет он был в военную форму, хорошо, и вообще, был мужчина видный.

Жениха сопровождали два шафера: учитель Вергунов и чиновник таможенного ведомства Сапожников. Скоро прибыла и невеста, также с двумя шаферами; один из них был сам исправник Иван Миронович Катанаев. Худенькая, стройная и высокая, Мария Дмитриевна одета была очень нарядно и красиво, — хотя и вдовушка. Венчал священник о.Евгений Тюменцев в услужении с дьяконом (по «Брачному обыску» — отцом П.Углянским). Были и певчие.

После совершения таинства молодые и гости отправились на вечер в дом, кажется, Катанаеых. Я не была там» <...>

Нередко видели Федора Михайловича в его военном плаще, гуляющим по улицам города, вместе с Марией Дмитриевной. Посещал он часто венчавшего его священника о.Евгения Тюменцева, которому после прислал в подарок свою автобиографию.

В этих посещениях знакомых, прогулках, вечерах, картах проходило время. Срок отпуска, данного Достоевскому, истекал. Скоро он вместе с женою действительно покинул Кузнецк. Перед самым отъездом были на могиле Исаева, где стоял лишь деревянный крест, положена чугунная плита, изготовленная по распоряжению Марии Дмитриевны.

Я был на местном кладбище, отыскал могилу и прочел эпитафию. Мне кажется, едва ли Федор Михайлович и его жена предпринимали что-нибудь тогда, не посоветовавшись предварительно, а если так, то мы имеем основание предполагать, что Федор Михайлович участвовал в составлении этой эпитафии или по крайней мере, видел и одобрил ее. Она не длинна и я позволю себе ее привести:

«Аз есмь воскресение и живот, веруй в мя имать живот вечный здесь покоится тело Александра Ивановича Исаева. Он умер 4 августа 1855 года» <...>

Сегодня на месте кладбища раскинулся городской парк.

ДОСТОЕВСКАЯ

В середине февраля 1857 г. Достоевские покинули навсегда Кузнецк и направились первоначально в Барнаул, где у Федора Михайловича было много знакомых. Они остановились у Петра Петровича Семенова Тян-Шанского, будущего крупного ученого-географа, вице-председателя и главы Русского Географического общества, известного путешественника. Из «Мемуаров» П.П.Семенова Тян-Шанского: *«Оживленный надеждой на лучшее будущее, Достоевский поехал в Кузнецк и через неделю возвратился ко мне с молодой женой и пасынком в самом лучшем настроении и, погостив у меня еще две недели, уехал в Семипалатинск»*[19].

Пребывание в Барнауле омрачилось сильным эпилептическим припадком у Федора Михайловича. Мария Дмитриевна была уже давно осведомлена о падучей болезни Достоевского и не придала этому факту того значения, которое впоследствии особо отмечали некоторые биографы Федора Михайловича. Естественно, она очень волновалась за здоровье своего мужа.

Из письма Ф.М.Достоевского своему брату М.М.Достоевскому 9 марта 1858 г. Семипалатинск[20]:

<...> В обратный путь (через Барнаул) я остановился в Барнауле у одного моего доброго знакомого. Тут меня посетило несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием. Доктор (ученый и дельный) сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня настоящая падучая, и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого <...> Женясь, я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто нервные припадки, которые могут пройти с переменою образа жизни. Если бы я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился. Для спокойствия моего и для того, чтобы посоветоваться с настоящими докторами и принять меры, мне необходимо выйти как можно скорее в отставку и переехать в Россию, но как это сделать? Одна надежда! Позволят печатать, получу денег и тогда перееду. Наконец, и кроме того меня пугает, если припадок случится в отправлении службы. В карауле, например, затянутый в узкий мундир — я задохнусь непременно, судя по рассказам свидетелей припадка, которые видели, что делается с моей грудью и с моим дыханием <...> В Семипалатинск я привез жену захворавшую <...> Жена моя теперь оправилась. Она просит

тебя простить ее, что не пишет тебе теперь ничего. Она напишет и скоро. Она уверяет меня, что не приготовилась. Всех вас она бесконечно любит. Она вас всех любила и прежде, когда я (в 54-м году) читал ей всякое письмо ваше, и знала о вас все подробности. По рассказам моим, она тебя чрезвычайно уважает и всё мне ставит в пример. Это доброе и нежное создание, немного быстрая, скорая, сильно впечатлительная, прошлая жизнь ее оставила на ее душе болезненные следы. Переходы в ее ощущениях быстры до невозможности; но никогда она не перестает быть доброю и благороднюю. Я ее очень люблю, она меня, и покамест всё идет порядочно. <...>

Между тем Достоевский обустраивал свою семейную жизнь в Семипалатинске и налаживал новые родственные связи с родными жены.

В Семипалатинске Достоевские сняли квартиру в доме почтальона Липухина. Исследователь семипалатинского периода жизни Достоевского А.В. Скандин[21] так описал бытовые условия и жизнь Достоевских: *«Квартира состояла из четырех комнат: первая маленькая комната была столовой, рядом спальня, налево у первой комнаты гостиная — большая угловая комната, а из гостиной налево дверь в кабинет. Меблированы комнаты были просто, но очень удобно: в гостиной диван, кресло и стулья были обиты тисненым дорогим ситцем, с красивыми букетами, перед диваном стоял стол, а возле кабинетной двери диванчик в виде французской буквы S и несколько маленьких столиков. У углового окна стояло кресло, на котором любил сидеть Федор Михайлович, и близ окна кусты волкомерии в деревянной кадочке. На окнах и дверях висели занавески; в остальных комнатах также было убрано мило, просто и уютно.*

Прислугой у Достоевских был один денщик, по имени Василий, которого они отдавали учить кулинарному искусству; в продолжение всей военной службы Достоевского он был у них поваром, лакеем и кучером. Достоевские отзывались о нем как о человеке незаменимом. Во время болезни Федора Михайловича, когда с ним случались припадки эпилепсии, Василий ходил за ним, как за ребенком. После отъезда из Семипалатинска Достоевских Василий поступил к А.Н.Гейбовичу, у которого прожил до 1885 года, почти ежедневно вспоминая о своих добрых господах Достоевских. Василий даже писал письма Достоевским в Тверь. Федор Михайлович, несмотря на то, что жил очень скромно, часто нуждался в деньгах. Да и понятно: жалованье было незначительное, а литературным трудом стал зарабатывать гораздо позднее: долго не разрешали печатать, хотя давно уже было кое-что готово у него к печати. Жить же было надо, и обзаводиться пришлось, по словам самого Достоевского, начиная с рубашек. Пришлось еще

выкупать некоторые вещи (даже образа) жены, бывшие в закладе у дьячка Петра Вас. Хлынова, в доме которого Исаевы жили и были ему должны <…>

<…> Деньги Достоевский расходовал, кроме своих домашних нужд, очень умеренных, и на бедных. Содержал долгое время слепого старика-татарина. По словам З.А.Сытиной («Историч. вестник», 1885 г., январь), Мария Дмитриевна несколько раз ездила с ней отвозить месячную провизию и деньги этому несчастному старику-слепцу. Не отказывал и другим совершенно несчастным беднякам.

Мария Дмитриевна в полной мере понимала значение литературной деятельности мужа и сумела устроить в семье уют. Обстановка была скромная, но вполне располагающая к работе, и Достоевский в это время много писал. Этот факт вынуждена признать даже Любовь Федоровна Достоевская[22] *«Будучи женщиной хитрой, Мария Дмитриевна разыгрывала роль примерной супруги, она сумела объединить вокруг себя образованных людей Семипалатинска и создать своего рода литературный салон. Она выдавала себя за француженку, говорила по-французски, как на своем родном языке, много читала, была хорошо воспитана. Барон Врангель в своих мемуарах говорит о ней с большим уважением и находит ее очаровательной* <…> Вопреки опасениям родных и знакомых, брак оказал на Достоевского благотворное влияние. Он поправился, повеселел и выглядел довольным <…>.*

Волнения последних двух лет и настойчивые советы врачей не откладывать лечение падучей побудили Достоевского взять в конце мая 1857 г. двухмесячный отпуск и отдохнуть в поселке Озерки в 16 верстах от Семипалатинска. Мария Дмитриевна настаивала на этом отдыхе решительным образом. Эпилепсия мужа и пугала, и мучила ее. Военная служба тяготила Достоевского — он думал об отставке и продолжении своей литературной деятельности. Из письма Ф.М.Достоевского Е.Н.Якушкину[23] (сын декабриста Н.Д.Якушкина, этнограф, юрист — прим.авт.).

1 июня 1857 г. Семипалатинск

<…> Меня уже многие торопили печатать. Я давно уже решился начать, но не знал, как обделать дело. Во-1-х) не знал, куда послать. Редакции журналов теперь для меня большей частью незнакомы <…> В последнее же время, то есть года 1,5 сряду, я обдумывал и занимался романом, к несчастью, слишком объемистым. Я говорю, к несчастью: потому что захочет ли «Вестник» напечатать роман величиною с Диккенсовы романы? Вот что главное. 2) что хотелось бы мне узнать: имеете ли вы уже в виду издателей или журнал, в

котором желали бы поместить что-нибудь мое. А 3-е) где лучше и выгоднее было бы поместить, то есть какой журнал в настоящее время можно предпочесть в этом смысле? <...>

Высочайшим указом правительствующему Сенату от 17 апреля 1857 г. Достоевскому вернули дворянское достоинство, а это означало почти полное прощение. Из письма Ф.М.Достоевского сестре В.М.Карелиной[24] 7 сентября, Семипалатинск;

<...> *О себе скажу одно: живем помаленьку, покамест хорошо. В будущем одни надежды, то есть надежды на себя, на свои силы с помощию божию, а это всего лучше* <...> *Если кой-какие дела (по литературе) удадутся, выйду в отставку. Служить мне больше нельзя, во 1-х, дорого, а время занято службой. А тут, на свободе, я конечно приобрету более. Но, разумеется, для этого надо переехать в Москву. Авось, это удастся* <...>

Родственники Достоевского восприняли Марию Дмитриевну холодно[25].

<...>*Жена тебе кланяется, она писала Вареньке и Верочке, ни одна не ответила. Это ей очень горько. Она говорит, что вы, значит, все на нее сердитесь, и не хотите ее в свою родню. Я разуверяю, но бесполезно. Она вас не знает лично. Ей очень грустно.* <...>

А вот у Достоевского сложились добрые отношения с тестем и, особенно, с сестрой Марии Дмитриевны Варварой Констант. Между ними началась переписка. Из письма Ф.М.Достоевского В.Д.Констант[26] 30 ноября 1857. Семипалатинск.

<...>*Если вы пишете, что слышали обо мне еще давно, гораздо раньше женитьбы моей на сестре Вашей, от покойного и незабвенного Александра Ивановича, то я скажу Вам, что я много, очень много раз слышал об вас от покойного, который говорил о вас даже с каким-то благоговением. Поверьте, что я чрезвычайно желаю хоть когда-нибудь увидеться с Вами и со всем Вашим домом. Не знаю только, могут ли когда-нибудь осуществиться мечты мои?* <...> *Благодарю Вас от всей души за прилагаемое Вами средство против моей болезни* <...> *Ваше лекарство я постараюсь употребить в свое время. Скажу Вам еще, что вот уже более трех месяцев, как у меня не было припадка, и я этому очень рад.* <...>

Достоевские вели жизнь скромную, но не скучную, часто бывали у своих друзей и хороших знакомых, в частности у Артемия Ивановича Гейбовича, который был его ротным командиром. Дочь Гейбовича З.А.Сытина оставила воспоминания об этих посещениях[27]:

<...>*Федор Михайлович очень уважал и любил все наше семейство; особенным же вниманием и расположением его пользовались я и моя сестра. Достоевские часто нас приглашали к себе, и мы бывали у них*

с отцом или матерью; иногда случалось, что заедут к нам Федор Михайлович или Марья Дмитриевна и увезут нас к себе. Мы очень любили бывать у Достоевских потому, что они были всегда очень добры и ласковы к нам, кормили нас всевозможными сластями и дарили нам разные вещицы <...>

<...>*В одно из таких наших посещений, когда мы были углублены в чтение священной истории Нового Завета, Зонтаг, — Федор Михайлович вынул из шкафа книгу в переплете и, подавая ее нам, сказал:*

— Вот вам, дети, книга, когда придете домой, то прочтите ее со вниманием, и, когда я приеду к вам, вы мне скажете, понравится она вам или нет.

Придя домой, мы тотчас раскрыли книгу, и одна из нас начала читать вслух, а другая со вниманием слушать. Первой в этой книге была повесть «Бедные люди». Мы прочли страницу, другую, и нас одолела страшная скука! Бросив скучное чтение, мы заглянули в конец книги, и, о радость! Там были всё стихи.

В течение следующего утра мы вытвердили эти стихи наизусть. Через несколько дней, как теперь помню, это было после обеда, Федор Михайлович и Марья Дмитриевна приехали с нами и увезли нас за город смотреть медведя. Когда мы возвращались оттуда, в самом хорошем настроении духа, Федор Михайлович спросил нас:

— Читали вы книгу, которую я дал вам?

— Как же, Федор Михайлович. Читали.

— Понравились вам «Бедные люди»? Расскажите мне, какое произвели на вас впечатление, когда читали их?

— Мы их вовсе не читали, Федор Михайлович, — отвечали мы на его вопрос, — начали было, да уж очень скучно показалось, так и бросили читать; но зато какие в этой книге стихи есть, мы все их выучили наизусть <...>

<...> *Все это мы рассказывали с большим увлечением, перебивая одна другую, как вдруг заметили, что лицо у него сделалось бледное, печальное. Мы сейчас же присмирели и, разумеется, остальных стихов не досказали.*

А Марья Дмитриевна засмеялась и говорит:

— Не огорчайся, Федечка, — они еще дети, и понятно, что им больше нравятся стихи. <...>

К концу 1857 г. наладились, наконец, отношения Марии Дмитриевны с родней мужа. Весной этого года они были счастливы.

Из записки М.Д.Достоевской сестре В.Д.Констант[28] 20 апреля 1857 г. Семипалатинск:

<...> Чтоб не потерять случай, а тем более, что мы так давно не писали одна другой, я принялась нацарапать тебе, Варя, несколько строк. Я думаю, вы уже надавали мне несколько эпитетов за мое молчание, но, право, и мне пришлось ожидать от вас весточки не мало число недель. Муж мой посылает вам всем поклон и просит полюбить его так же братски, как когда-то любила ты искренно доброго Александра Ивановича. Хотелось бы многое написать и так о чем поболтать, да подходит время отправки писем. Скажу тебе, Варя, откровенно — если бы я не была так счастлива и за себя и за судьбу Паши, то, право, нужно было поссориться с тобою, как с недоброю сестрою, но в счастье мы все прощаем. Я не только любима и балуема своим умным, добрым, влюбленным в меня мужем, — даже уважаема и его родными. Письма их так милы и приветливы, что, право, остальное стало для меня трын-травою. Столько я получила подарков, и все один другого лучше, что теперь будь покойна, придется мало тебя беспокоить своими поручениями.

Поцелуй за меня Соню, Лиду и поклонись всем, кто захочет меня вспомнить. Если ты не поленишься и будешь писать мне, то я всегда с удовольствием буду отвечать тебе. Паша кланяется тебе и Лиде, он очень любим и умно балуем Федором Михайловичем <...>

Это почти единственный дошедший до нас автограф Марии Дмитриевны Достоевской. Можно только предположить, как сложились бы их семейные отношения с Федором Михайловичем впоследствии, если бы не смертельная болезнь Марии Дмитриевны, не позволившая им иметь детей и унесшая её через шесть лет в могилу.

В начале января 1858 г. Достоевский направил прошение на имя командира Сибирского корпуса Г.Х. Гасфорта об отставке по болезни. Гасфорт пойдя навстречу его просьбе, отправил в марте 1858 г. рапорт об увольнении Достоевского в военное министерство. К рапорту было приложено письмо Достоевского к Александру II.[29]

Одновременно Федор Михайлович послал М.Н.Каткову, редактору журнала «Русской вестник», письмо с просьбой напечатать «большой роман» и высылке ему авансом 500 рублей. Деньги от Каткова за повесть «Село Степанчиково и его обитатели» были получены в конце апреля 1858 г., а вот работа над «большим романом» (по всей видимости, первоначальные замыслы «Преступления и наказания») откладывалась: *«Поверите ли, что у меня давно уже начат один роман, который давно уже оставлен мною, единственно за недостатком некоторых материалов и впечатлений, которые нужно собрать самому, лично, с натуры»*[30].

Параллельно Достоевский написал в журнал «Русское слово» повесть «Дядюшкин сон», которую переслал в редакцию через брата Михаила Михайловича.

Мария Дмитриевна с участием относилась к литературной деятельности мужа[31]: *«Жена кланяется. Она меня ободряет...»* Оба ждут решения вопроса об отставке и переезде в Россию, желательно в Москву. Семипалатинск изрядно надоел[32]: *«Живу в Семипалатинске, который надоел мне смертельно; жизнь в нем болезненно мучит меня...»*

В декабре 1858 г. Достоевскому объявили о запрещении ему въезда в Санкт-Петербургскую и Московскую губернии, он выбрал местом жительства г.Тверь. 18 марта 1859 г. благодаря ходатайству генерал-адъютанта Э.И.Тотлебена, состоялся высочайший приказ об увольнении в отставку по болезни прапорщика Достоевского с награждением следующим чином. Достоевские стали собираться в дорогу. Федор Михайлович приобрел по случаю тарантас за 115 рублей, перед отъездом пристроил своего денщика Василия Гейбовичу, зная, что с ним там будут обращаться по-человечески. Очень кстати пришлись присланные братом Михаилом жилеты и рубашки. Продали обстановку и ненужные вещи. 2 июля 1859 г. Достоевские навсегда покинули Семипалатинск и отправились в трудный 4000-верстный путь в Россию. Заехав на 4 дня в Омск, чтобы забрать из кадетского корпуса Пашу Исаева, они через Казань приехали в Тверь, числа 18-19 августа.

Из письма Ф.М.Достоевского брату Михаилу[33] 24 августа 1859 г. Тверь.

<...> Все что ты советуешь мне — очень хорошо. Я почти так и поступил, но что мне стоило сыскать квартиру, каких хлопот! Денег у меня всего 20 руб. и непроданный тарантас, в котором я приехал <...> Ты советуешь не покупать даже чашки. Чашки-то, положим; но самовар непременно надо купить. Вот и расход. К тому же сапоги и башмаки плохи. Одним словом, поместились мы как на булавочном кончике. Впрочем, это ничего. Все уладится, бог даст <...>

<...> Теперь еще просьба и великая. Вот что: у жены нет никакой шляпки (при отъезде мы шляпки продали. Не тащить же их было 4000 верст!). Хоть жена, видя наше безденежье, и не хочет никакой шляпки, но посуди сам: неужели ей целый месяц сидеть взаперти, в комнате? Не пользоваться воздухом, желтеть и худеть? Моцион нужен для здоровья, и поэтому я непременно желаю купить ей шляпку. В здешних магазинах нет ничего, шляпки есть летние, гладкие, а жена хочет осеннюю, расхожую и как можно дешевле. И потому вот какая моя убедительнейшая к тебе просьба. Пошли или сам зайди к т-те Вихман и,

если есть готовая, купи, а нет, закажи. Шляпка должна быть серенькая или сиреневая, безо всяких украшений и цац, без цветов, одним словом, как можно проще, дешевле и изящнее (отнюдь не белая) — расхожая в полном смысле слова. Другую хорошенькую зимнюю шляпку мы сделаем после. А теперь только что-нибудь надеть на голову, не простоволосой же ей ходить? Если т-те Вихман скажет, что шляпки летние, а осенних фасонов еще нет, то закажи осеннюю, и пусть она сама сделает какой угодно осенний фасон, хоть прошлогодний. Без украшений, дешевая, но как можно изящнее. У нас в Семипалатинске была расхожая шляпка за 9 целковых (то есть здесь 15), но до того изящная, что годилась графине.

Ради бога, брат, не откажи. Продам тарантас — деньги отдам тотчас. Есть у Вихман ленты (мы здесь видели образцы от Вихман же) с продольными мелкими полосками серенькими и беленькими. Вот таких бы лент к шляпке. Жаль, что не могу прислать образчика. Если можно — привези шляпку с собою. Если же нет — закажи, и, когда будет готова, пусть отправят по железной. Но чтоб она тебя не задерживала в Петербурге. <...>

Читая эти строки, невольно улыбнешься. Ох уж эти женщины! Проехали 4000 верст по бездорожью, устали, в дороге болели: в первой половине путешествия у Достоевского было два припадка, а Мария Дмитриевна тоже хворала; денег почти нет, общее положение неопределенное. Но — «красота спасет мир». Вполне естественна трогательная забота писателя о самочувствии и внешнем виде своей жены, но вызывает улыбку такая осведомленность в тонкостях дамского туалета и недурной вкус.

В Твери Достоевские остановились сначала в гостинице, затем наняли квартиру из трех небольших комнат. Спустя некоторое время Федор Михайлович начинает хлопоты о разрешении жить в Петербурге. Из письма Ф.М.Достоевского М.М.Достоевскому[34] 19 сентября 1859 г., Тверь:

<...> *Ходил к Баранову [Баранов П.Т., граф, тверской генерал-губернатор — прим.авт.] с письмом к Долгорукому [Долгорукий В.А., князь, шеф жандармов и главный начальник III отделения, — прим. авт.]. Он мне обещал сделать все (то есть не более как переслать письмо), но сказал, что напрасно я теперь подаю, что князя Долгорукого теперь нет в Петербурге, а в вояже он не доложит, и потому советовал отложить мне до половины октября, когда князь воротится в Петербург. Тогда и просил прийти с письмом. Рассудив, я полагаю, что это справедливо.*

Тем более, что если через месяц князь будет в Петербурге, то дело сделает скоро, особенно при ходатайствах и рекомендациях,

например от Эдуарда Ивановича. Так что я даже надеюсь к 1-му декабря быть у вас. И потому подождем. <...>

А Марии Дмитриевне делалось все хуже, туберкулез исподволь подтачивал ее здоровье, что сказывалось как на ее внешнем облике, так и на характере. Обострились раздражительность, мнительность, страх за будущее мужа и сына. Семейные отношения обострились: Из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю[35] 22 сентября 1859 г., Тверь:

<...> *Если спросите обо мне, то что Вам сказать: взял на себя заботы семейные и тяну их. Но я верю, что еще не кончилась моя жизнь и не хочу умирать. Хотел бы посоветоваться с докторами. Но пока не доберусь до Петербурга — не буду лечиться! Что пачкаться у дураков! Теперь я заперт в Твери, и это хуже Семипалатинска. Хоть Семипалатинск, в последнее время, изменился совершенно (не осталось ни одной симпатической личности, ни одного светлого воспоминания), но Тверь в тысячу раз гаже. Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движения, никаких интересов — даже библиотеки нет порядочной. Настоящая тюрьма! Намереваюсь как можно скорее выбраться отсюда* <...> *Мы с Марьей Дмитриевной все три года Вас так часто вспоминали и с каким удовольствием. Она очень желала бы Вас видеть. Всё хворает* <...>

Достоевские продолжили знакомство с четой тверского губернатора Баранова. Жена П. Т. Баранова Анна Алексеевна (урожденная Васильчикова), родственница писателя В.А.Соллогуба, знакомого с Федором Михайловичем в 1840-х годах, несколько раз приглашала «бывать у них запросто по вечерам». Росли надежды на скорое возвращение в Петербург. *«Положение мое здесь тяжелое, скверное и грустное. Сердце высохнет. Кончатся ли когда-нибудь мои бедствия и даст ли мне бог наконец возможность обнять вас всех и обновиться в новой и лучшей жизни»*[36].

Федор Михайлович, чтобы ускорить дело, обратился через своего сибирского друга А.Е.Врангеля по старой памяти к Эдуарду Ивановичу Тотлебену.

Из письма Ф.М.Достоевского Э.И.Тотлебену[37] 4 сентября 1859 г., Тверь:

<...> *Мне хотелось бы пользоваться советами ученого медика, специалиста, в Петербурге. Но и кроме болезни, у меня есть другие причины, по которым мне надобно непременно жить в Петербурге, не менее важные и, может быть, еще важнее. Я женат; у меня есть пасынок; я должен содержать жену и воспитать сына. Состояния я не имею никакого. Я живу своим трудом, и трудом нелегким — литературным* <...>

<...> У меня есть даже и теперь дело, об издании выбора из моих сочинений, которое никаким образом не может устроиться без моего личного участия, а между тем оно могло бы меня обеспечить года на два, а при успехе и гораздо более, так что я, может быть, в первый раз в жизни, имел бы возможность, обеспечив себя, писать не на заказ, не для денег, не к сроку, а совестливо, честно, обдуманно, не продавая пера своего за кусок насущного хлеба. Я уже не говорю о всех других причинах <...> Граф Баранов принял меня прекрасно и обещал все со своей стороны; но советовал только подождать до половины октября, потому что князя нет в Петербурге. Я знаю, что я могу надеяться; но я знаю тоже, что за формальностями дело может протянуться чрезвычайно долго <...> Я слышал тоже, что князь чрезвычайно мнителен в этих делах, и потому, может быть, не решится скоро доложить государю. Эдуард Иванович! Спасите меня еще раз! Употребите Ваше влияние, как и три года назад. Может быть, если б Вы сказали обо мне князю Долгорукому, то побудили бы его поскорее кончить дело. На Вас вся надежда моя <...>

10 октября 1859 г. Достоевский решается подать прошение самому Александру II[38]:

1859

Александру II

Между 10-18 октября 1859 г. Тверь.

Ваше Императорское величество,

Я бывший государственный преступник, осмеливаюсь повергнуть перед великим троном Вашим мою смиренную просьбу. <...> Ваше императорское величество! В Вашей воле вся судьба моя, здоровье, жизнь! Благоволите дозволить мне переехать в С.-Петербург для пользования советами столичных врачей. Воскресите меня и даруйте мне возможность с поправлением здоровья быть полезным моему семейству и, может быть, хоть чем-нибудь моему Отечеству! В Петербурге живут постоянно двое братьев моих, с которыми я десять лет был в разлуке; братские заботы их обо мне могли бы облегчить тяжелое мое положение. Но несмотря на все надежды мои, дурной исход болезни или смерть моя могут оставить без всякой помощи мою жену и пасынка. Покамест во мне есть хоть капля здоровья и силы, я буду работать для их обеспечения. Но в будущем волен бог, а человеческие надежды неверны. Государь всемилостивейший! Простите мне еще и другую просьбу и благоволите оказать чрезвычайную милость, повелев принять моего пасынка, двенадцатилетнего Павла Исаева, на казенный счет в одну из с.-петербургских гимназий. Он — потомственный дворянин, сын губернского секретаря Александра Исаева, умершего

в Сибири на службе Вашего императорского величества, в городе Кузнецке Томской губернии, — умершего единственно по недостатку медицинских пособий, невозможных в глухом краю, где служил он, и оставившего жену и сына без всякого состояния. Если же прием в гимназию для Павла Исаева невозможен, то благоволите, государь, повелеть принять его в один из с.-петербургских кадетских корпусов. Вы осчастливите его бедную мать, которая ежедневно учит своего сына молиться о счастии Вашего императорского величества и всего августейшего дома Вашего. <…>

Федор Достоевский

Прошение дошло до Александра Николаевича и возымело действие[39]:

<…> На письме Достоевского к Александру II имеется пометка «27 ноября», вероятно, дата поступления прошения в III отделение, и запись рукой В.А.Долгорукова: *«Высочайше повелено относительно Исаева снестись с кем следует. 27 ноября 1859 г.»* и несколько ниже — вторая: *«Что касается до самого Достоевского, то просьба его уже решена по письму, которое он ко мне писал <…>»*

Обо всем этом Федор Михайлович до поры был в неведении, и они с Марией Дмитриевной жили в ожидании событий, часто вспоминая своих сибирских друзей. Здоровье у Марьи Дмитриевны было неважное, нервы расстроены[40]:

«А Марья Дмитриевна даже иногда плачет, вспоминая о Вас. Ей-богу. Она Вам, кажется, и письмо приготовила. Напишите, наконец, о всех семипалатинских и аягузских, если там есть нас знающие <…> Мы тоже в ожидании живем довольно скучно. Покамест не переехали в Петербург, не покупаем даже самых необходимых вещей. Знакомства веду я один, Марья Дмитриевна не хочет, потому что принимать у нас негде. Да и знакомых-то три-четыре дома. Знаком со многими, а хожу к немногим, к тем, к кому приятно ходить. Тверь как город до невероятности скучный. Удобств мало. Дороговизна ужасная. Обстроен очень хорошо, но скучно. Театр ничтожный <…> Мы несколько раз были на станции. Там хорошо <…> Марья Дмитриевна убивается за судьбу сына. Ей всё кажется, что если я умру, то они останутся с подрастающим сыном опять в таком же горе, как и после первого вдовства. Она напугана, и хоть сама не говорит мне всего, но я вижу ее беспокойство. А так как жизнь в Твери я еще не знаю когда кончится, и Паша не пристроен и только теряет дорогое время, то я в решительную минуту пустился на крайнюю меру и написал к государю, надеясь на его милосердие…»

В начале ноября 1859 Достоевский предпринял, видимо, без официального разрешения, поездку в Москву без Марии Дмитриевны,

для встречи с родными. Из письма Ф.М.Достоевского В.М.Карелиной (сестре Федора Михайловича)[41]: 12 ноября 1859 г., Тверь:

<...> *Вот уже четыре дня, как я опять в Твери, и только теперь собрался уведомить тебя, милая Варенька, о моем приезде. Все разные дела и маленькие хлопоты. Ехал я благополучно, только опоздал 5 минут на первый поезд и принужден был ехать с пассажирским. Приехал домой в 10-м часу и весь вечер рассказывал жене о моих приключениях. Тебя, голубчик Варенька, я расхваливал до небес, (Верочку тоже), — да и мог ли я иначе сделать. Мне так хочется опять увидеть тебя. Рассчитывая теперь, я вижу, что мне надо погостить в Москве подолее. Кроме приятности сойтись с вами еще ближе, — могут быть и дела (литературные), я это предчувствую. А потому, может, еще до праздников удастся еще раз побывать в Москве. Я так воспламенил мою жену, что и ей хочется ехать. Не знаю, удастся ли вместе. Если приедем оба, то остановимся в гостинице и, не пивши чаю, прямо к тебе, голубчик сестрица. Но ведь когда это еще будет! Да и будет ли?*

О моих делах в Петербурге нет еще никакого слуху: когда-то еще получу позволение. А до тех пор жду, — а ждать — положение самое несносное. <...>

Наконец, 25 ноября 1859 года Ф.М.Достоевский получил официальное разрешение на постоянное жительство в столице. Переезд в Петербург состоялся только в 20-х числах декабря 1859 г. из-за желудочной болезни Федора Михайловича.

Брат Михаил нанял им в Петербурге квартиру с мебелью и обстановкой, а в марте 1860 года семья переехала в двухэтажный каменный дом купца Палибина в третьей роте Измайловского полка (ныне 3-я Красноармейская улица, д.5), где и прожили до сентября 1861 г.

Об этом периоде семейной жизни Достоевских сохранилось мало достоверных источников. Сначала Достоевский с женой и пасынком жили в квартире №10 в первом этаже, а затем в квартире №12 во втором этаже[42].

Друзья встретили Достоевского восторженно. Молодежь смотрела на него только как мученика, с ним была слава петрашевца. В литературной среде возвращение Достоевского из ссылки прошло менее заметно. В 1860 году в Москве вышло в свет первое собрание сочинений Ф.М.Достоевского в двух томах. «Бедные люди», «Двойник», «Маленький герой» перечитывались с волнением. «Село Степанчиково» и «Дядюшкин сон» было встречено читателями и критиками более прохладно.

Приехав в Петербург, Мария Дмитриевна сразу окунулась в круг литературной элиты, наиболее передовых людей своего времени.

10 января 1860 года в «Пассаже» состоялся первый вечер, организованный Литературным фондом. Открыл его И.С.Тургенев. Неоднократно выступал в «Пассаже» на вечерах Литературного фонда и Федор Михайлович. Знакомство с Тургеневым, Страховым, Некрасовым, Писемским произвело на Марию Федоровну большое впечатление.

Из воспоминаний Н.Н. Страхова (литературный критик, публицист, друг Достоевского)[43]:

<...> *Помню также, как я первый раз увидел, почти мельком, его первую жену, Марью Дмитриевну; она произвела на меня очень приятное впечатление бледностью и нежными чертами своего лица, хотя эти черты были неправильны и мелки; видно было и расположение к болезни, которая свела ее в могилу* <...>

Иван Сергеевич Тургенев сохранил добрые отношения с Марьей Дмитриевной до самой ее кончины и неизменно передавал приветы в своих письмах к Федору Михайловичу.

Наряду с литературными вечерами большой успех вызывали и любительские спектакли в пользу самого Литературного фонда.

14 апреля 1860 года в зале домовладелицы М.Ф.Руадзе была поставлена пьеса Н.В. Гоголя «Ревизор». Роль почтмейстера Шпекина виртуозно исполнил Федор Михайлович. Кульминационной стала сцена прихода к Хлестакову купцов, роли которых исполняли И.С.Тургенев, Д.В.Григорович, Н.А.Некрасов, А.Н.Майков, А.В.Дружинин, А.А.Криевский, Н.Н.Панаев. П.Н.Вейнберг (поэт, переводчик, историк литературы — прим. авт.) вспоминал: *«Очень трудно выразить словами тот энтузиазм, который охватил всех присутствующих, как одного человека, когда появились знаменитые купцы. Да и было от чего волноваться и увлекаться зрителям! Один вид Тургенева, с пенсне на носу и головою сахара в руках, в длиннополом сюртуке — чего стоил!»*[44].

М.Д.Достоевская по возможности присутствовала на этих вечерах, и это очень скрашивало ей жизнь после долгого пребывания в глухих сибирских углах.

Но болезнь делала свое дело.

Из воспоминаний племянницы Ф.М.Достоевского Е.М.Достоевской-Манассеиной[45]:

<...> *Семья М.М.Достоевского жила на углу Неглинной улицы и Екатерининского канала. Их квартира была в третьем этаже, а на первом помещался склад товара фабрики. Ф.М. и М.Д.Достоевские, приехав,* [сентябрь 1861 г. — прим. авт.] *поселились во втором этаже, куда дети Михаила Михайловича часто заходили по дороге.* <...> *Екатерина Михайловна вспоминала, что Мария Дмитриевна была больной, раздражительной женщиной, но сам Федор Михайлович очень*

любил и баловал детей, давал им мелочь на гостинцы и часто бывал у них в семье.

Из письма Н.М. Достоевского А.М.Достоевскому, 1861 г.[46]:

«Про брата Федора я и писать не буду. Теплая, ангельская душа. <...> Этот человек всегда готов жертвовать собой для блага ближнего. Жена его очень добрая особа, но жаль, что очень больная женщина. У ней чахотка...»

В сентябре 1860 года было объявлено об издании нового ежемесячного литературного и политического журнала «Время», первый номер которого вышел в январе 1861 года. Официальным редактором был М.М.Достоевский, идейным вдохновителем и практическим руководителем — Ф.М.Достоевский.

Журнал «Время» в 1861-1862 годах опубликовал романы «Униженные и оскорбленные» и «Записки из Мертвого дома», которые имели огромный успех. Перед Федором Михайловичем открылись новые горизонты.

По приезде в Петербург в самом конце 1859 г. Ф.М.Достоевский познакомился в доме своего старшего брата с женой друга Достоевского врача С.Д.Яновского, А.И.Шуберт, актрисой Александринского театра. Федор Михайлович увлекся интересной молодой женщиной, но вряд ли серьезно. Из письма Ф.М.Достоевского А.И.Шуберт 12 июня 1860 г., Петербург[47]:

<...>*Дорогой друг, я Вас до того бескорыстно и чисто люблю, что страшно обрадовался, когда Вы мне написали о чувстве благодарности за детей. Значит, Вы еще способны жить и жить полною жизнью. Обрадовался я, и в то же время ужасно испугался за Вас. Вы пишете, чтоб я Вас побранил. Не возьмусь за это по совершенной бесполезности* <...>*Что же касается до совета, которого вы требуете от меня (как от сердцеведа; NB. Не принимаю Вашего слова на свой счет; какой я сердцевед перед Вами!),-то опять, что же я тут буду советовать? Все это известно Вам самой в тысячу раз лучше, чем мне. Вам известно: с одной стороны счастье, блаженство; с другой — заботы, мука, расстройство, да и в самом чувстве не то, что прежде; менее свободы, больше рабства. Вот всё, что скажу я, а там рассуждайте сами* <...> *Как я счастлив, что Вы так благородно и нежно ко мне доверчивы; вот так друг! Я откровенно Вам говорю: я Вас люблю очень и горячо, до того, что сам Вам сказал, что не влюблен в Вас, потому что дорожил Вашим правильным мнением обо мне и, боже мой, как горевал, когда мне показалось, что Вы лишили меня Вашей доверенности; винил себя. Вот мука-то была! Но Вашим письмом Вы всё рассеяли, добрая моя бесконечно. Дай Вам бог всякого счастья! Я так рад, что уверен*

в себе, что не влюблен в Вас! Это мне дает возможность быть еще преданнее Вам, не опасаясь за свое сердце. Я буду знать, что я предан бескорыстно. Прощайте, голубчик мой, с благоговением и верою целую Вашу маленькую шаловливую ручку и жму ее от всего сердца.

Весь Ваш Ф. Достоевский

Естественно, что это знакомство и переписка не прибавили теплоты в отношениях между Достоевским и Марией Дмитриевной, если до нее доходили какие-нибудь сведения об этом мимолетном увлечении писателя.

В июне 1862 года Федор Михайлович получил разрешение на выезд за границу для поправки здоровья, куда он стремился попасть давно. Из письма Ф.М.Достоевского брату А.М.Достоевскому[48] 6 июня 1862 г., Петербург:

<...> *Не вини меня: я человек больной, постоянно больной, а дела в последнее время навалил на себя столько, что едва расхлебал. Не с моими силами брать на себя столько. Но слава богу: дело у нас удалось, зато здоровье мое до того расстроилось, что теперь (именно завтра) уезжаю за границу до сентября лечиться. У меня падучая, а сверх того много других мелких недугов, развившихся в Петербурге* <...> *Хотя наши дела по журналу идут неслыханно хорошо (у нас на этот год 4200 подписчиков), но мы наделали долгов за прошлый год, и только разве третий и четвертый год журнала дадут нам спокойствие и устойчивое положение. Вот я теперь еду (один), оставляю брата, а сам думаю: как то он один без меня будет? Я все-таки был ревностный помощник.*

Еду я один. Жена моя остается в Петербурге. Денег нет, чтобы ехать вместе, да и нельзя ей своего сына (моего пасынка) оставить, который готовится к экзамену в гимназию <...>

Мария Дмитриевна тоже, конечно, нуждалась в лечении. Но из-за отсутствия нужных средств оставалась в Петербурге, куда в скором времени к ней приехала сестра Варвара из Астрахани. Много хлопот доставлял ей Паша, никак не могший определиться в гимназии. Посещал ее брат Степан Констант, служивший в лейб-гвардии казачьем полку. Душа ее стремилась в другую сторону — на восток, в Астрахань, к отцу, здоровье которого к этому времени ухудшилось.

В начале сентября 1862 г. Достоевский вернулся из-за границы в Петербург.

Неожиданно над журналом «Время» сгустились тучи. В апрельском номере за 1863 г. в журнале была опубликована статья Н.Н. Страхова «Роковой вопрос» по актуальному тогда «польскому

вопросу». Статья была понята превратно, дело доведено до государя. 26 мая 1863 г. журнал был закрыт без всяких условий, навсегда.

В семейных отношениях у Достоевских тоже назревал кризис. У Марии Дмитриевны обострилась болезнь, состояние ухудшилось. В Петербурге, с его влажным климатом оставаться не было никакой возможности. В конце мая 1863 г. они выехали на лето во Владимир, куда ее сопровождал Федор Михайлович.

Из письма Ф.М.Достоевского И.С.Тургеневу[49] 17 июня 1863 г., Петербург:

<...> *Но дело в том, что последнее письмо Ваше застало меня в самое хлопотливое и трудное время, то есть во время запрещения нашего журнала. Тут было столько возни, тоски и прочего, очень дурного, что решительно целый месяц не подымалась рука взять перо. Верите ли Вы этому? А что касается до предыдущих писем, то болезнь жены (чахотка), расставание мое с нею (потому что она, пережив весну (то есть не умерев в Петербурге), оставила Петербург на лето, и может быть и далее, причем я сам ее сопровождал из Петербурга, в котором она не могла переносить более климата); наконец моя серьезная и довольно долгая болезнь по возвращении из Петербурга [В подлиннике описка. Следует читать: из Москвы, ред.] все это опять-таки помешало мне писать к Вам до сих пор* <...>

<...>*Итак, наш журнал запрещен, что, думаю, Вы, может быть, уже как-нибудь и знаете, предположив, что в Бадене есть русские газеты. Запрещение это случилось довольно для нас неожиданно. У нас в апрельской книжке была статья «Роковой вопрос». Вы знаете направление нашего журнала: это направление по преимуществу русское и даже антизападное. Ну, стали бы мы стоять за поляков? Несмотря на то нас обвинили в антипатриотических убеждениях, в сочувствии к полякам и запретили журнал за статью в высшей степени, по-нашему, патриотическую. Правда, что в статье были некоторые неловкости изложения, недомолвки, которые и подали повод ошибочно перетолковать её. Эти недомолвки, как мы сами видим теперь, были действительно весьма серьезные, и мы сами виноваты в этом. Но мы понадеялись на прежнее и известное в литературе направление нашего журнала, так что думали, что статью поймут и недомолвок не примут в превратном смысле, — в этом-то и была наша ошибка* <...>.

<...> *Вы пишете, что намерены прожить в Баден Бадене все лето. Знаете ли, что, может быть, мы с Вами и увидимся в Бадене. Я прошусь за границу и имею надежду, что поеду. Я очень болен падучею, которая все усиливается и приводит меня даже в отчаяние. Если б Вы знали, в какой тоске бываю я иногда после припадков по целым*

неделям! Я собственно еду в Берлин и в Париж, по возможности на короткий срок, единственно для того, чтобы посоветоваться с докторами — специалистами по падучей болезни (Труссо в Париже и Рамберг в Берлине). У нас же нет специалистов, и я получаю такие разнообразные и противоречащие советы от здешних докторов, что решительно потерял к ним веру. Если буду недалеко от Вас, нарочно заеду, чтоб с вами повидаться <...>.

Здесь Федор Михайлович несколько слукавил. Была еще одна причина поездки за границу и причина эта имела имя: Суслова Аполлинария Прокофьевна, девица 24 лет от роду.

Автору этих строк трудно объективно судить об увлечении великого писателя Сусловой, в силу естественного неприятия личности этой женщины, как родственнику Марии Дмитриевны Достоевской. Однако, позволю себе высказать мнение именно с этой стороны. Оставим в стороне легенду Л.Ф.Достоевской о присланном А.П.Сусловой еще в 1861 году письма с «объяснением в любви», якобы найденном дочерью писателя в бумагах отца (никто этого письма не видел — прим.авт.). Не подлежит лишь сомнению факт, что в октябре 1861 г. в журнале братьев Достоевских появилось произведение А.П.Сусловой — повесть «Покуда», как отмечают литературные критики, весьма слабая в художественном отношении. Видимо в это время и состоялось знакомство Аполлинарии Прокофьевны с Федором Михайловичем, которая произвела на него неизгладимое впечатление[50]: <...> *стройная девушка с большими серо-голубыми глазами, с красивыми чертами умного, волевого лица, с гордо вскинутой головой, обрамленной прекрасными рыжеватыми косами <...>.*

<...> Суслова относилась к тому нигилистически настроенному поколению русской молодежи, которое выросло во второй половине 1850-х г.г. В III Отделении Суслова и ее сестры числились среди «девиц», известных под именем «стриженых» и «принадлежащих к партии нигилистов». Эмансипация женщин, нередко понимаемая в духе времени как раскрепощенность от семейных, моральных, общественных, да и вообще всяких уз, отвечала натуре Сусловой <...>

В общем, как говорит современная молодежь, «продвинутая» девушка. И в этом, собственно, ничего дурного нет; каждый волен выбирать манеру поведения и жизненное кредо. Но, когда действия и поступки человека задевают судьбы других людей, то это обстоятельство следует рассматривать в рамках общечеловеческих ценностей, таких как мораль, воспитанность, порядочность и многое другое.

Безусловно, что Аполлинария Суслова была предметом сильной страсти Достоевского. Можно понять еще нестарого мужчину, отягощенного семейными заботами рядом со смертельно больной женой, встретившего неординарную, молодую, красивую девушку, явно стремившуюся сблизиться с ним. В Аполлинарии не было той женственности, связанной со слабостью, которая у Достоевского всегда ассоциировалась с его детством и матерью. В ней увидел он нечто от амазонки. Это была иная порода, для него непривычная, тот новый тип своевольной властительницы, с каким ему еще не приходилось встречаться.

Его особенно притягивало ее самоутверждение. Это было и сложнее, и значительнее простого эгоизма: она считала себя вправе совершать все, что ей заблагорассудится, потому что отвергала все моральные условности и запрещения. Она даже не столько отвергала их теоретически, сколько презирала в действительности <...>.

Она постоянно искала свободы, но понимала ее по-своему — отказываясь от обязанностей по отношению к окружающим и считая, что она ни с кем не связана.[51]

К сожалению, эта «свобода» нравов доходила у Аполлинарии до цинизма. Все принималось сразу без рассуждений, в каком-то исступленном порыве. Чего стоит один только эпизод с кратковременной любовной интригой Сусловой с молодым испанцем, студентом-медиком Сальвадором. Она прекрасно понимала, каким ударом по мужскому самолюбию Достоевского будет эта связь, но даже не удосужилась предупредить о нежелательности приезда его в Париж. Мелодрама развивалась на глазах Федора Михайловича. Когда же красавец-студент бросил ее, опять обратилась к Достоевскому.

Особенно поражает нравственная слепота Сусловой в отношении Марии Дмитриевны. Отлично осведомленная о смертельной болезни жены Достоевского, ждать-то осталось всего ничего, Аполлинария Прокофьевна потребовала развода писателя с умирающей женщиной. Достоевский предстал перед грозным судьей. Перед своей совестью. Его решения самые твердые, клятвы самые пылкие, выводы самые непреложные — все это вдруг заколебалось в глубинах его души. И чем больше он размышлял над всем виденным, тем сильнее становилось его смятение.

У каждого человека есть свои основы жизни; потрясение этих основ вызывает в нем жестокое смятение, и Федор Михайлович испытал такое смятение. Разобраться в том, что происходит, было делом нелегким. Свести сложное к простому всегда очень трудно. Кому не доводилось хоть раз в жизни, в роковой час, заглядывать в свою совесть и спрашивать у самого себя, какой сделать выбор?

Из писем Ф.М.Достоевского Н.М. Достоевскому[52] 11 августа 1862 г., Париж:

<...> *Как-то мне грустно теперь, и тоска. Голова болит притом. Думаю о всех вас: думаю часто и о Марье Дмитриевне. Как бы, как бы хотелось получить об ней добрые известия! Что-то ее здоровье?* <...> *Не была ли у тебя Варвара Дмитриевна? Я ее очень люблю; милое, благородное существо. Она что-то говорила, провожая меня, что ей хотелось бы тебя навестить* <...>

<...> *Что услышишь об мамаше, тотчас же мне сообщи.* <...>

А Мария Дмитриевна в это время медленно угасала во Владимире. В конце августа 1863 г. умер отец в Астрахани — ее последняя жизненная опора. Это известие не добавило ей бодрости и душевных сил. Она знала и чувствовала неладное в отношениях с мужем и отвечала молчанием.

Из писем Ф.М.Достоевского к В.Д.Констант 20-27 августа 1863 г., Париж, Баден-Баден[53]:

<...> *Здоровье мое так себе. В Париже останусь, я думаю, недолго. Может быть, поеду в Италию. Все зависит от обстоятельств. Напишите мне, голубчик, о всем, что знаете о Паше и что услышите (на случай, если услышите) о Марье Дмитриевне. Беспокоюсь я ужасно и сердечно о ее здоровье. Дай ей бог лучшего!* <...>

Наконец напишите мне хоть два словечка собственно и о себе. То есть что и как Ваше расположение духа, здоровье и проч. Голубчик мой, я Вас крепко люблю и уважаю, и не считайте, стало быть, моей просьбы любопытством. Да пишите скорее, потому что я, может быть, в Париже долго не останусь, так чтоб письмецо Ваше здесь застало меня <...>.

<...> *Все дело в том, что здесь, в Бадене, я проигрался на рулетке весь, совершенно, дотла. Я проиграл до 3-х тысяч с лишком франков. У меня в кармане теперь только 250 франков. Я выехал из Парижа, чтобы ехать в Рим. На эти деньги нельзя ехать в Рим и поэтому остановлюсь на перепутье в Турине ждать из Петербурга денег. Пишу я брату, чтоб выслал, но так как этого мало, то написал и Марье Дмитриевне, чтоб она из высланных мною ей денег прислала мне 100 руб. Но только 100 руб., и не больше. Она ведь очень, очень добрая и, пожалуй, захочет выслать все, что я ей из Парижа послал* <...>

Из письма Ф.М.Достоевского М.М.Достоевскому, 8 сентября 1863 г., Турин[54]:

<...> *Ты спрашиваешь, почему я так скоро оставил Париж. Во 1-х, он мне омерзел, а во-вторых, я сообразовался с положением той особы, с которой путешествую [А.П.Сусловой — прим.авт.]*

<…> О подробностях моего путешествия вообще расскажу на словах. Разных приключений много, но скучно ужасно, несмотря на А<поллинарию> П<рокофьевну>. Тут и счастье принимать тяжело, потому что отделился от всех, кого до сих пор любил и по ком много раз страдал. Искать счастья, бросив всё, даже то, чему мог быть полезным, — эгоизм, и эта мысль отравляет теперь мое счастье (если только есть оно в самом деле). <…>

<…>В Бадене видел Тургенева. И я был у него два раза, и он был у меня. Тургенев А<пполинарию> П<рокофьевну> не видел. Я скрыл <…>.

Дай бог небесного царствия дяде. Думаю, тетке много хлопот и пакостей предстоит вынести. Насчет наследства нам не надеюсь. Однако ты уведомь тотчас, ежели что будет [20 августа 1863 г. умер их дядя, А.А. Куманин — прим.авт.] <…>

<…> Поблагодари Варвару Дмитриевну, как увидишь. Экая славная душа у ней. Боюсь вот чего, боюсь, что Марья Дмитриевна что-нибудь напишет тебе неприятное. Но не думаю. Конечно, до половины октября ей, может, не нужно будет денег. Но почем знать? Я, может быть, поставил её в фальшивое положение. У ней была трата в 100 руб. [на лечение — прим.авт.], которую она не решилась сделать, и после моего письма о том, что ей посылаю деньги — сделала эту трату. И вот теперь, может, без денег. Трепещу от этого. Хоть бы кто-нибудь меня о ее здоровье уведомил. <…>

Из письма Ф.М.Достоевского В.Д.Констант, 8 сентября 1863 г., Турин[55]:

<…> Слава богу, вышел из беды. Боюсь, однако, что вам доставил много хлопот и вот чего (главное) боюсь: не будет ли в претензии на Вас Марья Дмитриевна за Ваше самовольное распоряжение ее деньгами? А я ей, как нарочно, из Турина еще написал и просил отнюдь более 100 р. от себя мне не посылать, потому (писал я ей), что мне приятнее знать, что она хоть на некоторое время обеспечена. Видите: хоть я ей и выдал до октября денег достаточно, но я Вам рассказывал, возвратясь из Владимира, что она лечится и что в случае излечения ей надо дать доктору по крайней мере 100 р. Она говорила мне, что 100 р. для нее страшно много и что она не может. И вот теперь, получив мое письмо, где я уведомляю, что посылаю ей деньги, она, может быть, по щедрости своей (а она щедрая и благородная) и решилась, дать эти 100 р., надеясь на мои деньги. Да кто знает, может, еще что-нибудь и купила себе. Так что теперь почти трепещу, что ей недостанет до октября. А это мне вдвое хуже, чем если бы мне недостало.

Вы знаете сами, что брата она смерть не любит [М.М.Достоевского — прим.авт.]. Рассердится, пожалуй, оттого, что деньгами ее воспользовались, потому что у брата не было мне выслать. Наизусть знаю, что она обвинит брата. А след<овательно>, пожалуй, и Вам что-нибудь напишет. Добрый, милый друг мой, не рассердитесь, не отвечайте ей жестко, если она Вам что жесткое напишет. Напишите ей так: что во всяком случае я бы был без денег и погиб бы. А след<овательно>, надо было помочь. Время очевидно не терпело. Писать ей было некогда <...>

<...> О себе не пишу Вам никаких подробностей. Спешу. Уезжаю немедленно. А надобно еще Марье Дмитриевне написать. Время нет. <...>

<...> О здоровье Марьи Дмитриевны ничего не знаю. Ну что, если и в Риме от нее писем не найду. <...>

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву, 18 сентября 1863 г. Рим[56]:

<...> О смерти твоего дедушки [Д.С.Констант — прим.авт.] мне писала Варвара Дмитриевна. Конечно, может быть, лучше не писать мамаше. Так и Варвара Дмитриевна советует. Хотя, впрочем, мамаша, может быть, рассердится на это. От нее я еще ни одного письма не получил. И как я всё это время мучился, думая, что она так больна, что уже и писать не может, и бог знает что еще думал <...> Я мамаше больше всех писал, поминутно писал <...> Дня через три из Рима поеду в Неаполь, где пробуду с неделю, и потом ворочусь в Петербург через Турин и Женеву. В Петербурге буду к половине октября. <...>

Поклон тебе, Коле и всем нашим добрым знакомым. Тетю и Колю навещай. До свидания, скоро увидимся.

Тебя очень любящий твой Ф. Достоевский.

Итак, неожиданно проявила себя сила слабого. Выбор сделан, Федор Михайлович Достоевский возвращается в Россию к больной жене, оставив А.П.Суслову. Человечность победила бесчеловечность.

Нельзя однозначно относиться к личности Аполлинарии Прокофьевны, мол в этом человеке было одно дурное — необузданная жестокость, заблуждения, злое упрямство, надменность и эгоизм. Она была женщиной, женщиной красивой, неглупой и в значительной степени бескорыстной. Это показало развитие дальнейших событий в их отношениях с Федором Михайловичем. Вот какую характеристику дал А.П.Сусловой сам Достоевский полтора года спустя:

Из письма Ф.М.Достоевского Н.П.Сусловой (сестре А.П.Сусловой — прим.авт.), 19 апреля 1865 г., Петербург:[57]

<...> Аполлинария — большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви ее, жалуется и упрекает меня беспрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: «Ты немножко опоздал приехать», то есть, что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад еще горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю ее, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: «Ты немножко опоздал приехать» <...>

Я люблю её еще до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее. Она не стоит такой любви. Мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдет себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастье <...>

В октябре 1863 года Достоевский вернулся в Россию и 10 ноября 1863 г. уже из Владимира пишет В.Д.Констант письмо[58]:

<...> по некоторым крайним обстоятельствам, о которых рассказывать долго, мы, то есть я и Марья Дмитриевна, решили переехать совсем в Москву <...>

<...> Здоровье Марьи Дмитриевны очень нехорошо. Вот уже два месяца она ужасно больна. Её залечил прежний доктор; теперь новый. Наиболее изнурила её двухмесячная изнурительная лихорадка. Конечно, в таком состоянии переезжать всем домом в Москву не совсем удобно. Но что ж делать? Другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя <...> В Москве я потерял мой сак (который поменьше) с некоторыми вещами и паспортом <...>

Фраза «по некоторым крайним обстоятельствам» вызвала у некоторых биографов Достоевского ряд фантастических домыслов. Опять всплыла «зловещая» фигура несчастного Н.Б. Вергунова.

Из книги М. Кушниковой, В. Тогулева «Загадки провинции», Новокузнецк, 1996 г.:

<...> Другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя <...>

Так не странная ли цепочка? В июне 1863 г. Мария Дмитриевна — во Владимире, Достоевский — чуть позже за границей с А.П.Сусловой. В августе Вергунов начинает хлопотать о чине (!??) Переписка? Побывка у Марии Дмитриевны во Владимире. Оправдана ли догадка? <...> Не оказалось ли, что в июле 1863 г. Вергунов во

Владимире побывал? Возможно, Мария Дмитриевна, по оценке самого Достоевского, чрезвычайно правдивая, ему о том сказала. А может, по Владимиру пошли слухи… И отсюда — «другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя».

Из книги Л.Ф.Достоевской[59]:

<…> *Мария Дмитриевна плохо перенесла перемену климата. Влажный и гнилой воздух Петербурга способствовал развитию туберкулеза легких, который уже давно ей угрожал. Напуганная Мария Дмитриевна возвратилась в Тверь, [М.Д.Достоевская после декабря 1859 г. никогда больше в Твери не была — прим. авт.] где был более здоровый климат. Но было слишком поздно; болезнь развивалась, и через несколько месяцев Марию Дмитриевну едва можно было знать. Кашляющая и харкающая кровью женщина скоро стала вызывать отвращение у своего молодого любовника, до сих пор всюду следовавшего за ней. Он пресытился ею и бежит из Твери, не оставив адреса. Это довело Марию Дмитриевну до крайности. Во время одной из сцен, которые она постоянно устраивала своему мужу, она во всем призналась Достоевскому, рассказав во всех подробностях историю своей любви к молодому учителю. С утонченной жестокостью она сообщила отцу, как они вместе веселились и насмехались над обманутым мужем, призналась, что никогда не любила его и вышла замуж только по расчету. «Женщина, хоть немного уважающая себя — сказала эта бесстыжая моему отцу, — никогда не может полюбить человека, проведшего четыре года на каторге в обществе воров и убийц.»*

Бедный отец! Сердце его разрывалось, когда он слушал безумную исповедь своей жены. Вот какова была эта любовь, великая любовь, в которую он столь наивно верил все эти годы! Эту мегеру он считал любящей и преданной женой! Достоевского охватил ужас перед Марией Дмитриевной, он покинул её, бежал в Петербург и искал утешения у брата Михаила, у своих племянниц и племянников. Ему было теперь сорок лет, и его еще никто не любил. С грустью он повторял позорные слова Марии Дмитриевны: «Ни одна женщина не полюбит бывшего каторжника».

Лишь дочь раба могла следовать этому принципу лакейской души, подобная мысль никогда не зародилась бы в великодушной европейской душе <…>

<…> *Достоевский страдал и был близок к отчаянию; несмотря на это, он продолжал посылать деньги Марии Дмитриевне, он окружил ее надежными слугами, писал ее сестрам в Москву, прося их навестить ее в Твери, позднее ездил сам туда несколько раз, чтобы*

убедиться, не нуждается ли в чем-нибудь его больная жена. Их брак был разорван, но чувство долга по отношению к той, которая носила его имя, всегда оставалось неизменным в литовском сердце Достоевского. Это однако, не обезоруживало Марию Дмитриевну. Она ненавидела моего отца той неумолимой ненавистью, которая свойственна лишь негритянкам <…> Теперь она ненавидела также и своего первого мужа и с презрением говорила о нем <…>

Такие вот ужасы. Но вернемся к причинам, побудившим Федора Михайловича срочно переезжать с женой из Владимира в Москву. А причины были банальными. Из письма Ф.М.Достоевского М.М.Достоевскому, 19 ноября 1863 г., Москва[60]:

<…> Ты знаешь или нет, что бабушка неделю назад была в Петербурге и привезла Саше [А.М.Голеновская — младшая сестра Ф.М.Достоевского — прим. автора] все остальные 8 тысяч рублей? Пожалуй тебе и не сказали. Мое мнение — лучше как можно позже приезжай в Москву, в самом конце ноября; тут, может быть, и приедешь прямо к разделу. Да и не мешкать в Москву. Мы здесь нанимаем квартиру, и как только перееду, как только устроимся,-тотчас же я и в Петербург. Хлопоты не дают мне ровно ни капли времени писать <…> Кланяйся всем кому следует. О разделе наследства здесь ничего не знают, кроме того, что в конце ноября <…>

Речь здесь идет о деньгах по завещанию Александра Алексеевича Куманина, мужа тетки Достоевского и, как уже указывалось выше, богатого московского купца первой гильдии.

Вот и все крайние обстоятельства. Федору Михайловичу необходимо было срочно справить новый паспорт вместо утерянного и вступить в наследство в Москве.

К этому еще добавились заботы о возобновлении нового журнала вместо запрещенного «Времени». Из письма Ф.М.Достоевского В.Д.Констант[61] 19 ноября 1863 г., Москва:

<…> Обстоятельства, видите, до которых пор задержали в Москве. Но к 25-му (не позже, а может, и раньше) я уверен что буду в Петербурге. Сокрушаюсь я ужасно о Паше: что с ним и как он? Наконец, хватает ли ему денег, чтоб жить <…> Марья Дмитриевна, кажется, в Москве поправится. Мы хлопочем, ищем квартиру и проч. и проч. Я её познакомил с родными. Как устрою, так в Петербург. Дела по журналу стали страшно хлопотливы: требуют, чтоб мы изменили название «Время». Оно положительно запрещено. И потому брат переменил название: вместо «Времени» будет называться «Правда» <…>

После нового 1864 года состояние Марии Дмитриевны опять ухудшилось.

Из письма Ф.М.Достоевского В.Ф. Констант[62] 10 января 1864 г., Москва:

<...> *Любезнейший друг Варвара Дмитриевна, спешу Вам написать несколько строк с Пашей, который высылается в Петербург обратно несколько раньше, чем может быть, сам рассчитывал. Он не произвел здесь того эффекта, на который, видимо, надеялся. Случилось то, что я предвидел и ему предсказывал, а именно: он был довольно несносен Марье Дмитриевне. Легкомыслен он чрезвычайно, и, разумеется, неуменье вести себя с очень больною Марьей Дмитриевной (при всех его стараниях) тому причиною. Впрочем, Марья Дмитриевна от болезни стала раздражительна до последней степени. Ей несравненно хуже, чем как было в ноябре, так что я серьезно опасаюсь за весну. Жалко ее мне ужасно, и вообще, жизнь моя здесь не красна. Но кажется, я необходим для нее и потому остаюсь. В Петербург я приеду в начале февраля. Ради бога, голубчик, Варвара Дмитриевна, хоть очень изредка, нисколько не утруждая себя, наблюдайте отчасти с Пашей* <...>

Здесь нашлось у меня кой-какое знакомство. Стараюсь по возможности меньше себя развлекать, чтоб больше работать. У Марьи Дмитриевны поминутно смерть на уме: грустит и приходит в отчаяние. Такие минуты очень тяжелы для нее. Нервы у ней раздражены в высшей степени. Грудь плоха, и иссохла она как спичка. Ужас! Больно и тяжело смотреть.

До свидания, голубчик мой, передайте мой поклон Юрию Егоровичу [Комаров Ю.Е., гражданский муж В.Д.Констант — прим. авт.]. Целую Ваши руки и пребываю Ваш весь

Ф.Достоевский.

Федору Михайловичу действительно было тяжело — уход за больной женой отнимал много сил, времени и нервов, а тут еще участились припадки падучей. Поездка в Петербург по литературным и издательским делам поэтому откладывалась *«Про себя вот что скажу: отсюда нельзя сотрудничать в Петербург. Журнал издается походя, а я далеко; здесь я бы мог только повести писать, да и то не сумел* <...>

<...> *Марья Дмитриевна очень нездорова, и это много задерживает меня в Москве (то есть будет задерживать)* <...>»

В конце февраля 1864 г. Достоевский осуществляет все же поездку в Петербург на неделю и возвращается в Москву.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[63]: 29 февраля 1864 г., Москва.

Милый друг, Паша, вчера приехал в Москву, порядочно изломанный, и, приехав, опять почувствовал те же боли, как и в Петербурге, когда Бессер ездил. Чувствую и теперь, но думаю, что это с дороги и пройдет. Мамаша была очень слаба, до крайности. Теперь ей легче. Здесь все стояла оттепель и туман. Сегодня только немножко приморозило и показалось солнце. Тотчас же мамаше и лучше стало. Тетка Варвара Дмитриевна приедет, я думаю, сегодня или завтра. Мамаша давно уже ее ждет и ждала раньше, чем меня <...>

<...> *Мамаша очень раздражительна. Нервы ее расстроены до крайности. Нет никакой возможности поговорить о твоем приезде в Москву. Впрочем, здоровье ее еще не на последней степени расстройства. И, кто знает, может быть, переживет весну, а если переживет весну, то переживет и лето и даже поправится. Из этого, впрочем, не суди, что ей много лучше. Она очень слаба* <...>

Из писем Ф.М.Достоевского М.М.Достоевскому[64]: 20 марта 1864 г., Москва.

<...> *Слава богу, я теперь, кажется, совершенно выздоровел. Все еще на диете (строгой), все еще с бесчисленными осторожностями, но все-таки болезнь прошла, и то хорошо. А какие муки я вынес. Теперь только нервы сильнейшим образом расстроены. Боюсь припадка: когда ж ему и быть, если не теперь?*

Марья Дмитриевна очень слаба: вряд ли проживет до пасхи. Алекс<андр> Павлов<ич> прямо сказал мне, что ни за один день не ручается. У нас теперь живет Варвара Дмитриевна. Если б не она, то не знаю, что и было с нами. Она слишком помогла всем нам своим присутствием и уходом за Марьей Дмитриевной <...>

26 марта 1864 г., Москва[65]*:*

<...> *Не слыхал ли чего о Паше? Кроме одного письма — ничего не написал, а я велел каждую неделю. Что с ним делается, как он живет? Ради бога, урвись как-нибудь или поговорить с ним, или пошли к нему на квартиру, что там делается? Это негодяй какой-то!*

Вот что еще, брат: он, пожалуй, будет еще потом меня упрекать за то, что я его не выписал в Москву, чтоб проститься с матерью. Но Марья Дмитриевна положительно не хочет его видеть и сама тогда прогнала из Москвы. Ее мысли не изменились и теперь. Она не хочет его видеть. Чахоточную и обвинять нельзя в ее расположении духа. Она сказала, что позовет его, когда почувствует, что умирает, чтоб благословить. Но она может умереть нынче вечером, а между тем

сегодня утром рассчитывала, как будет летом жить на даче и как через три года переедет в Таганрог или в Астрахань. Напомнить же ей о Паше невозможно. Она ужасно мнительна, сейчас испугается и скажет: «Значит, я очень слаба и умираю». Чего же мучить ее в последние, может быть, часы ее жизни? И потому я не могу напомнить о Паше <...>

<...> Еще одна важная очень просьба: как умрет Марья Дмитриевна, я тотчас же пришлю телеграмму к тебе, чтоб ты немедленно отправил Пашу, непременно в тот же день, в Москву. Невозможно, чтоб он и на похоронах не присутствовал. Платье у него все цветное, и потому очень надо, перед отправлением, успеть ему, где-нибудь в магазине готовых плат<ьев> черное — сюртук: штаны, жилет <...> дешевую цену. Все это я тебе <...> прошу и умоляю как единственного моего друга, сделай это и окажи мне эту великую услугу в моем тяжелом положении немедленно, как получишь телеграмму. А она будет, может быть, скоро.

15 апреля 1864 г., Москва[66]:

<...> Вчера с Марьей Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить <...> Она со всеми простилась, со всеми примирилась, всем распорядилась. Передает всему твоему семейству поклон с желанием долго жить <...>С тобой изъявила желание примириться. (Ты знаешь, друг мой, она всю жизнь была убеждена, что ты ее тайный враг.) Ночь провела дурно <...>

<...> Марья Дмитриевна умирает тихо, в полной памяти. Пашу благословила заочно <...>

<...> Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить (ее слова). Помяните ее добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней <...>

Нашлись, однако, такие и к глубокому сожалению, из ближайшего окружения Ф.М.Достоевского. По некоторым сведениям, Мария Дмитриевна Достоевская была похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище. Автор этих строк в июле 1985 года попытался найти ее могилу, но безуспешно.

По прошествии многих лет остается открытым вопрос — кто была Марья Дмитриевна для Достоевского писателя и человека.

Не вызывает сомнений, что он любил её. Это признают все. Известный исследователь жизни и творчества Достоевского П.П.Гроссман пишет в своей книге[67]:

<...> В личном разговоре Анна Григорьевна Достоевская сообщила мне несколько дополнительных сведений о первом браке Достоевского:

«Федор Михайлович сильно любил свою первую жену. В жизни его это было первое настоящее чувство <...>» А ведь общеизвестно, что Анну Григорьевну трудно заподозрить в симпатии к Марии Дмитриевне, которую она никогда не видела.

Из всех писем самого Федора Михайловича и воспоминаний современников о М.Д.Достоевской автор этой книги не нашел ничего существенного, позволяющего дурно отзываться о личности первой жены великого писателя. Положительных же оценок достаточно: А.Е.Врангель, дипломат, ученый: *«Она была начитана, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна...»*

П.П.Семенов Тян-Шанский: *«Она оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества... и была она «хороший человек» в самом высоком значении этого слова».*

Чокан Велиханов: казахский просветитель, историк, этнограф: *«Мария Дмитриевна — сама любезность, простота и обаяние. Она умна, а главное, добрый человек».*

А.С.Долинин, профессор, литературовед, писатель: *«Публикуемые приписки М.Д.Достоевской показывают, что это была женщина образованная, чувствительная и вполне «ровня» своему знаменитому мужу...»*

Орест Миллер, профессор (вдове Достоевского А.Г.Достоевской): *«С грустью сижу над письмами Федора Михайловича к Врангелю. Неотмолимый грех берете Вы на душу, скрывая от общества такую великодушную черту, как отношения [Достоевского] к Марье Дмитриевне...»*

Ф.М.Достоевский: *«Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал всю жизнь...»*

Что же дало повод многим исследователям жизни Достоевского впоследствии писать о несчастной судьбе писателя в первом браке. Всего две фразы, однозначно истолкованные, из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю от 31 марта — 14 апреля 1865 г.[68]:

М.Д.Достоевская

<…> О друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо <…> Все расскажу Вам при свидании, — теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастливы вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу <…>.

Есть хорошая русская пословица: «Милые бранятся — только тешатся». Нельзя, конечно, соотнести ее в полной мере к такому тонкому предмету, как семейные отношения двух любящих друг друга людей. Но и отметать разом все хорошее негоже.

В семейной жизни бывает всякое: размолвки, недопонимание, ревность, обиды и многое другое. Особенно, если это усугубляется плохими бытовыми условиями, безденежьем, болезнями и, что особенно важно, отсутствием общих детей.

Достоевский любил детей и очень хотел их иметь. Это явственно просматривается на всем протяжении его жизненного и творческого пути.

Мария Дмитриевна чувствовала и понимала его состояние, но из-за своей болезни не могла подарить ему ребенка, отчего еще больше раздражалась и страдала.

Интимная жизнь супругов постепенно пришла к концу, осталась только взаимная привязанность и память о былой любви[69]:

<…> Когда она умерла — я хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уже год, а чувство все то же, не уменьшается <…>

П.А.Исаев

Много лет спустя в 1873 г. состоялся интересный диалог между Варварой Васильевной Тимофеевой, работавшей корректором в журнале «Гражданин» с Ф.М.Достоевским, редактором журнала. Варвара Васильевна оставила воспоминания об этом диалоге[70]:

<…> Один разговор особенно памятен мне. Было это в самом начале июня 1873 г., Достоевский приехал тогда в Петербург из Ст. Руссы <…>бодрый, отдохнувший <…>

В ходе беседы Достоевский неожиданно обратился к Варваре Васильевне со словами:

<...> А знаете, какой я вам сейчас скажу комплимент? Уж наверное вы такого ни от кого не слыхали. — И, помолчав, он прибавил: — Вы мне чрезвычайно напоминаете мою первую жену. Я ведь женат вторично, и от второй жены у меня двое детей. — А впервые я женился еще в Сибири. И первая жена — вы и лицом и фигурой удивительно на нее похожи, — она, бедная, умерла от чахотки. (Об этом сходстве он уже говорил при мне как-то Страхову: «не правда ли, она ужасно похожа на Марью Дмитриевну?» Я не поняла тогда, кто это Марья Дмитриевна, но и Страхов тогда подтвердил: «Да, пожалуй... несколько напоминает»).

— Комплимент вам тут, конечно, не потому, что это была жена моя, — продолжил Федор Михайлович, — что же это за комплимент! — а потому, что была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорела, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова — да! — и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок. Хотя, когда я женился на ней, у нее был уже сын. Я женился уже на вдове. Ну, что же, довольны вы моим комплиментом? — закончил он тоном шутки.

— Очень довольна, Федор Михайлович, только боюсь...

— Чего вы боитесь?

— Что вы во мне ошибаетесь, и я недостойна такого сравнения. Я не всегда такая.

— А вы будьте всегда, — внушительно, строго сказал он. — Стремитесь всегда к самому высшему идеалу! <...>

Помнил, Федор Михайлович, до конца жизни помнил свою Машу, и, там, в сибирских далях был с ней счастлив.

Вот эту память и не могла видимо простить Марии Дмитриевне Анна Григорьевна Сниткина — вторая жена Достоевского.

Образ Марии Дмитриевны растворился в литературных персонажах писателя Достоевского.

Красота, впечатлительность и порывистость Настасьи Филипповны в «Идиоте». Отчаяние, жертвенность и безумная истеричность Екатерины Ивановны Мармеладовой в «Преступлении и наказании». Ум, доброта и самопожертвенность Катерины Ивановны в «Братьях Карамазовых». Все это писатель черпал от Марьи Дмитриевны.

При встрече Достоевского с Врангелем в Копенгагене Федор Михайлович произнес знаменательные слова, которые можно считать эпиграфом прожитой с Марией Дмитриевной жизни[71]:

«Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая женщина. Не следует от неё требовать вечно жить и только думать о вас, это недостойный эгоизм, который надо уметь побороть.»

ПАША. СЫН ИЛИ ПАСЫНОК

В библиографической литературе слабо отображена тема взаимоотношений Ф.М.Достоевского со своим пасынком Павлом Александровичем Исаевым, сыном первой жены писателя. Характер этих взаимоотношений традиционно рассматривается в свете не беспристрастного взгляда на родственников мужа второй жены Федора Михайловича Анны Григорьевны Достоевской. Что же за человек был Павел Исаев с которым Достоевский общался на протяжении 25-ти лет своей жизни? Ведь один только факт, что Павел Исаев воспитывался Ф.М.Достоевским более десяти лет, говорит о многом.

Впервые Федор Михайлович увидел своего будущего пасынка восьмилетним мальчиком в 1854 году в Семипалатинске, где проживала семья Исаевых. Из воспоминаний А.Е.Врангеля[72]: *«Федор Михайлович общался немного более меня, особенно часто он навещал семью Исаевых. Сидел у них по вечерам и соглашался давать уроки их единственному ребенку — Паше, шустрому мальчику восьми-девяти лет»...*

Нарождающаяся любовь Достоевского к Марии Дмитриевне естественным образом отразилась и в отношении ее единственного сына, который жил рядом с пьющим отцом, видел страдания матери и по-детски переживал и жалел их обоих.

Смерть отца в Кузнецке произвела на Пашу сильное неизгладимое впечатление.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю

14 августа 1855. Семипалатинск[73]:

<...> Помните Вы их мальчика, Пашу? Он обезумел от слез и отчаяния. Среди ночи вскакивает с постели, бежит к образу, которым его благословил отец за два часа до смерти, сам становится на колени и молится, с ее слов, за упокой души отца. <...>

Судьба не благоволила в этот жизненный период маленькому Паше. Вечное отсутствие денег, слезы матери, жизнь на грани нищеты. Многие детские радости были ему недоступны, хватало только на самое необходимое.

Достоевский так описывает положение вещей в это время в письме к брату Михаилу Михайловичу 13 января 1856 г.[74]:

«Она осталась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком, и без куска хлеба. Даже похоронить было мужа нечем. У меня денег не было. Я тотчас занял у Алекс<андра> Егор<овича> сначала 25 и потом 40 руб. серебр<ом> и послал ей...»

Федор Михайлович после смерти Александра Ивановича Исаева принял горячее участие в судьбе Паши, несмотря на свои более чем стесненные жизненные обстоятельства.

Из письма Ф.М.Достоевского М.М.Достоевскому

24 марта 1856 г. Семипалатинск[75]*:*

<...> Спаси меня! Помоги мне! Есть у меня до тебя 2 просьбы, одна ничтожная, другая важная, но обе, исполненные, помогли бы мне, и ты бы сделал мне благодеяние, слышишь, брат, благодеяние! Вот эти просьбы <...>: 1-е, о чем прошу тебя. У ней есть сын, мальчик, которому едва только минуло 8 лет. Когда умер муж, она, как мать, как заброшенная на край света, и наконец, как слабая женщина, пришла в страшное отчаяние о судьбе ребенка. Я ее обнадеживал. Старик-отец писал ей, что он не оставит внука, отдаст его в гимназию и потом в университет. Но что будет, думает она, если умрет старик, тогда кто будет содержать сына? И потому она думает, что лучше будет отдать его в корпус, где нынче так прекрасно воспитывают и где правительство не оставляет своих воспитанников уже всю жизнь, даже во время службы, раз уже взяв их на свое попечение. По чину мужа его нельзя иначе отдать, как в Павловский корпус [Павловский кадетский корпус в Петербурге — прим. авт.]. Я вполне согласился с нею и сказал ей, что Голеновский, мой родственник, [Н.Н. Голеновский, муж младшей сестры Достоевского Александры — инспектор классов в Павловском кадетском корпусе — прим. авт.] занимает в этом корпусе значительное место, что он имел бы особое попечение за ребенком и его нравственностью и что, наконец, ты, как родной брат мне, не отказал бы исполнить мою усердную просьбу, хоть иногда брать ребенка по воскресеньям к себе. Таким образом не остался бы он совершенным сироткой, посещал бы хороший дом, где видел бы хорошие примеры, и таким образом ей можно было быть спокойною и за развитие его характера и нравственности. Когда же она дала мне слово быть моею женою, я подтвердил ей, что буду хлопотать у родных моих о ее сыне, и в случае если она достигнет поместить его в Павловский корпус (что она сделает и сама, не утруждая никого просьбами), то родные мои, некоторым образом уже как родные и ее сыну, примут в нем и участие более горячее, более родственное. Это ей было очень приятно. Она, бедная, была в такой тоске. Скажу тебе, милый мой, что я действительно надеялся крепко на тебя. Чтобы стоило тебе в самом деле иногда взять его к себе в воскресенье. Не объел же бы тебя бедненький сиротка. А за сиротку тебе бог еще больше подаст <...>. К тому же, самое поступление мальчика

еще не скоро будет, ему еще только 8 лет. Теперь пойми меня: я хочу просить тебя, чтоб ты написал ей в этом смысле <...>

На эту тему прошу тебя написать покороче и получше. Пойми, что ты для меня можешь сделать, тем более, что это тебе ничего не стоит. Ты вольешь в нее надежду. Она увидит, что она не оставлена, а главное, страшно поможешь мне в делах моих. Ибо расположение родных моих к ней, для нее, теперь, чрезвычайно важно; ибо я уведомил ее, что писал тебе о возможности нашего брака. Само собою разумеется, об этом браке ни слова. Адресовать: Ее высок<облагородию> М<арии> Дм<итриевне> Исаевой, в город Кузнецк, Томской губернии.

Ради Христа, сделай это для меня, брат. Ты мне сделаешь, повторяю, благодеяние. На коленях прошу тебя об этом. Не убей меня отказом! <...>

В ответном письме М.М.Достоевский упрекает брата[76]: *«ты опять оскорбил меня до глубины сердца. Просить на двух страницах о том, о чем и просить не следует брату. Конечно, ее ребенок будет принят у нас как свой родной. Насчет этого и сомневаться не следовало...»*

Однако ждать целых полтора года приема в Павловский корпус у Марии Дмитриевны не хватило терпения, да и так далеко отпускать сына от себя она не хотела. Поэтому Достоевский хлопочет о поступлении Павла Исаева в Сибирский корпус, расположенный в Омске.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю

26 мая 1856. Семипалатинск[77]:

<...> *О Паше она просит меня хлопотать в Сибирский корпус, просит и Вас похлопотать у Гасфорта, не примет ли даже в этом году в малолетнее отделение (Паше девятый год)? Я обещался хлопотать бескорыстно и потому, умоляю, что можете — сделайте* <...>

Из письма Ф.М.Достоевского В.М.Карепиной (Варвара Михайловна — сестра Достоевского — прим. авт.)[78]:

22 декабря 1856 г. Семипалатинск

<...> *Наконец она успела списаться с своими родными, с отцом своим. Отец ее живет в Астрахани, занимает там значительную должность (директор карантина), в значительном чине и получает большое жалование. Но у него на руках еще три дочери, девушки, и сыновья, в гвардии. Фамилия отца — Констант. Он внук французского эмигранта, [на самом деле сын — прим. авт.] в 1-ю революцию, дворянина, приехавшего в Россию и оставшегося жить в ней. Но дети его, по матери, русские. Мария Дмитриевна старшая дочь,*

и ее отец любит больше всех. Но, кроме жалования у него ничего нет, и более 300 руб. серебром он ей не мог выслать. По крайней мере, она уже ни в чем не нуждалась с тех пор, как написала родным о том, что лишилась мужа. Отец звал ее в Россию. Но ей не хотелось ехать прежде помещения своего 8-летнего сына в Сиб<ирский> кадетский корпус. Поехав же с сыном в Астрахань, ей не на что было бы воспитывать сына. Там надо платить, а денег у нее не было. Отец бы не оставил, но он очень стар и, кроме жалованья, ничего не имеет <...> В Сибирском же кадетском корпусе дают воспитанье превосходное, выпускают лучших учеников в артиллерию, с обязанностью прослужить в Сибири только три года. Короче, она решилась остаться. Я имею здесь много знакомых. В Омске были люди, занимавшие довольно значительные должности, меня знавшие и готовые от всей души сделать для меня что можно. Я просил о сыне Марьи Дмитриевны; мне обещали, и, кажется, наверно, он будет помещен на будущий год в корпус. <...>

Летом 1857 г. через полгода после свадьбы Федора Михайловича с Марьей Дмитриевной П.А.Исаев был определен казеннокоштным воспитанником в Сибирский кадетский корпус.

Из рапорта Достоевского командиру Сибирского линейного № 7 батальона подполковнику Белихову[79]:

27 июля 1857 г. Семипалатинск

Рапорт

Вчерашнего числа, возвратясь из двухмесячного отпуска, данного мне для излечения от застарелой падучей болезни в форпосте Озерном, я получил из Семипалатинской городской полиции извещение, что пасынок мой, девятилетний Исаев, принят в Сибирский кадетский корпус. <...> Как вотчим Павла Исаева, я обязан распорядиться о доставлении его в Сибирский кадетский корпус, непременно к 1-му числу августа сего года или, по крайней мере, в первых числах того же месяца. Имея доверенного человека для препровождения Павла Исаева, именно почтальона семипалатинского почтамта Липухина, я, если уж не могу получить тотчас же прогонных денег, непременно должен снабдить моего пасынка подорожною, чтобы не было задержек в дороге <...>

<...> Прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Достоевский

Семипалатинск

27-го июля 1857 года

С этого числа Ф.М.Достоевский стал официальным вотчимом П.А.Исаева.

Через два дня 29 июля 1857 года Достоевский посылает письмо инспектору классов Сибирского кадетского корпуса И.В. Ждан-Пушкину с которым был знаком со времени пребывания в Омской крепости, в котором пишет[80]:

Милостивый государь Иван Викентьевич,

Когда-то Вы обратили внимание на жалкую судьбу двух несчастных, — меня и Дурова, и приняли нас в Вашем доме. Я всегда слышал о Вас то, что научило меня искренно уважать Вас; доброта же Ваша к нам научила меня и любить Вас. Без боязни и доверчиво обращаюсь к Вам теперь с убедительнейшею просьбою, ибо знаю, кого прошу <...> Получив чин, я женился. На вдове моего покойного друга, которого я любил и уважал, Александра Ивановича Исаева <...>

Я помню, что я писал к Вам о его сиротке-сыне, придумывая, как бы поместить его в Сибирский корпус, что очень хотелось бедной вдове, его матери, по смерти своего мужа пришедшей почти в отчаяние. Она подавала просьбы, писала письма — и вот решение вышло (благодаря заботливости доброго и благородного Якова Александровича Слуцкого) уже в то время, когда она, уже шесть месяцев, как сделалась моей женой. И хоть мне грустно и тяжело отпустить такого маленького мальчика, о котором я дал себе слово заботиться, из уважения к памяти его отца, но отказаться от такого случая невозможно <...> Одно тяжело: мальчик слишком молод, еще дитя, и никогда не расставался с родными. Ради бога, будьте ему покровителем! Обратите на него Ваше внимание. Я знаю и верю, что Вы и без просьб свято исполните долг свой, как начальник; но иногда слово ласки, ободрения или снисхождения много заменит бедному сиротке. Будьте же великодушны! Я помню доброту Вашу, благородство Ваше и потому смело прошу, в надежде, что Вы простите меня за эту просьбу. <...>

<...> Я учил моего пасынка Вас любить и уважать, как будущего своего начальника. Полюбите его, если можно, благороднейший Иван Викентьевич! Ему скоро 10 лет. Он добр, с прекрасными наклонностями, с острыми способностями, с честолюбием (это я заметил), но пылок, резов и, кажется, будет страстною и горячею натурою. За верность портрета я ручаюсь. Но согласитесь, что если он верен, то как легко этому мальчику совратиться с пути в впасть в дурные наклонности! А вместе с тем, как легко при руководстве сделать из него прекрасного человека. <...>

Из письма Ф.М.Достоевского В.Д.Констант[81]:

Семипалатинск 31 августа 1857 г.

<...> *Я просил всех принять в Паше участие: все дали обещание. Были тоже посланы письма кадетам в старших классах, чтоб они приняли Пашу лучше. Отправили мы его с добрым и честным человеком, хозяином дома, в котором мы квартируем и которого Паша очень любил. Он смотрел за Пашей как нянька и доставил его превосходно.*

Паша был рад тому, что он уже кадет, хотя и плакал, расставаясь с нами <...> *Это мальчик добрый, очень остроумный, с большими способностями, благородный и честный, с способностью крепко привязаться и полюбить, но с зародышем страстей сильных.* <...>

Интересную характеристику Паше Исаеву в этом возрасте дал Евгений Тюменцев (священник, венчавший Федора Михайловича в Кузнецке) уже много лет спустя, в 1884 г.[82]:

«У Марии Дмитриевны был сынок Паша, лет девяти; об нем, кажется упоминалось при похоронах Федора Михайловича, между прочими детьми Анны Гавриловны (здесь и далее автор письма ошибочно называет Анну Григорьевну Достоевскую Анной Гавриловной).

Этот Паша, помню, — отличный резвушка, способный; его какова судьба».

От Ждан-Пушкина Достоевский получил *«теплый, добродушный ответ и который встретил его как родного и поместил у себя».*

Однако способности Паши Исаева оказались явно завышены в глазах окружающих. Из письма Ф.М.Достоевского В.Д.Констант от 30.11.1857 г[83]:

<...> *Я получил письмо от Ждан-Пушкина, инспектора корпуса, наполненное известиями о Паше. Он пишет, что он очень шалит и худо учится. Мне кажется, это в порядке вещей. Где ему привыкнуть, так вдруг, к совершенно новому порядку вещей, который до сих пор ему и во сне не снился? Я писал об этом и Пушкину, умоляя его иметь Пашу в неослабном надзоре. Пушкин превосходный человек, понимает свое дело, и мы крепко на него надеемся.* <...>

Из письма Ф.М.Достоевского Д.С.Констант[84]:

15 марта 1858 г. Семипалатинск

<...> *Покамест мы в Сибири, в Сибирском кадетском корпусе он все-таки получает образование. Но когда мы уедем, оставлять его одного грешно, тем более, что в России, я уверен, будет случай дать ему воспитание в лучшем заведении. Поверьте тоже, что если б не было в нас этой уверенности, мы бы не захотели поступать опрометчиво.*

Паша к нам пишет довольно часто. Его принимают в Омске в хороших домах. Он кланяется Вам и сестрицам и просит напомнить Вам о себе. <...>

После двух лет обучения в Сибирском кадетском корпусе Достоевские на пути из Сибири в Россию забрали Пашу оттуда в надежде продолжить его образование в Петербурге или Москве.

Во время пребывания в Твери Федор Михайлович также был сильно озабочен дальнейшей судьбой своего приемного сына и, как уже отмечалось выше, послал прошение на имя Александра II о возможности принятия на казенный счет двенадцатилетнего Павла Исаева в одну из с.-петербургских гимназий. На что был получен положительный ответ.

Отвлечемся немного от канвы нашего повествования и задумаемся над этим фактом.

С точки зрения нашего современника это событие весьма неординарно. Рассудите сами, дорогой читатель: будущий великий русский писатель, бывший каторжанин ходатайствует перед первым лицом в государстве о судьбе никому неизвестного мальчика. Дело рассматривается в высших инстанциях и получает положительное решение. Это высокое доверие просто необходимо было оправдать. К сожалению мой прадед Павел Исаев не сделал этого из-за своей беспечности, легкомысленного характера и юного возраста.

После переезда родителей в Петербург, принятия по высочайшему повелению в гимназию, он через два года был отчислен из нее за «детскую шалость», на современном языке — за плохое поведение и неуспеваемость. Тем самым сильно огорчив свою мать и приемного отца.

В 1860—63 гг. Павел Исаев проживал, в основном, в Петербурге с матерью и отчимом. Вращался в кругу знакомых и родственников Федора Михайловича. Особенно сблизился с семьей старшего брата Достоевского — Михаила Михайловича, где была молодежь — племянники писателя Михаил и Федор.

После исключения из гимназии, в конце 1861 г., Исаев пытался несколько раз восстановиться, но, как видно из сохранившейся переписки, безуспешно, несмотря на постоянно нанимаемых Федором Михайловичем репетиторов. Этим он приносил дополнительное беспокойство и огорчение и без того больной Марии Дмитриевне.

Достоевского постоянно волновала судьба пасынка.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[85]:

16 августа 1863 г. Париж

Милый Паша, спешу тебя, голубчик, уведомить, что я наконец-то кое-как добрался до Парижа и хоть устал и немного

болен, но все-таки дорога обошлась гораздо легче, чем я думал. Был, впрочем, маленький припадок. Из Берлина я написал брату, Коле и мамаше. Слышал ли ты об этих письмах? Если навещал Колю, [младший брат Ф.М.Достоевского — прим. авт.] как я просил тебя, то он, верно, тебе сказал, что получил от меня письмо. Думаю я об тебе много, Паша. Держал ли ты экзамен и что выдержал? Со страхом буду ждать от тебя известия. Когда это письмо придет к тебе, наверно уже будет все решено, и ты можешь меня тотчас уведомить. Пиши ко мне обо всем откровенно и по-дружески — как ты живешь, что делаешь? Советую не откладывать письма, как ты откладываешь к мамаше, потому что я совершенно не знаю, останусь ли долго в Париже и сколько именно, след<овательно>, старайся, чтоб письмо твое успело застать меня. Ворочусь я в свое время и, надеюсь, не запоздаю. Буду писать тебе еще. <...> Старайся, Паша, избегать глупых знакомств и Юсуповых садов. Глупо ведь это все ужасно, особенно в твой возраст, когда надобно о себе подумать. Пожалуйста, пиши мне о себе подробнее.

Из письма Ф.М.Достоевского В.Д.Констант

20 августа 1863 г. Париж[86]*:*

<...> О своих интимных делах я Вам ничего не пишу: «Письмо вздор, письма пишут аптекари». А напишу Вам кой про какие делишки. Дело в том, голубчик Варвара Дмитриевна, что я к Вам с некоторой маленькой просьбой. Видите ли: я, дорогой, прожил дня четыре в Висбадене, ну и играл, разумеется, на рулетке. Да Вы что думаете? Ведь выиграл, а не проиграл; хоть не столько выиграл, сколько хотел, не 100 000, а все-таки некоторую маленькую капельку выиграл. (Кстати. Не говорите об этом никому, милая Варвара Дмитриевна. То есть, хоть Вам и некому сказать, так как Вы мало кого видите, но я разумею, главное, Пашу. Он еще глуп и, пожалуй, заберет в голову, что можно составить игрой карьеру, ну и будет на это надеяться. Ведь забрал же он себе недавно в голову, что будет в магазине приказчиком, чтобы добывать себе деньги, и след<овательно>, не надо учиться, и это мне объявил. Ну, и не следует ему знать, что его папаша посещает рулетки. И потому ни слова.) <...>

<...> Здоровье мое так себе. В Париже останусь, я думаю, недолго. Может быть, поеду в Италию. Все зависит от обстоятельств. Напишите мне, голубчик, о всем, что знаете о Паше и что услышите (на случай, если услышите) о Марье Дмитриевне <...> Да напишите все, что слышали (если только слышали) о брате Коле, как его здоровье. Да наставляйте, голубчик, Пашу. Напишите, что говорит о нем Родевич, если что услышите. Беспокоит меня Паша ужасно. <...>

Ваш Достоевский

В это время у Достоевского в полном разгаре продолжался роман с Аполлинарией Сусловой…

Через неделю.

Из письма Ф.М.Достоевского В.Д.Констант[87]:

27 августа 1863 г. Баден-Баден

<…> Милый друг и сестра, Варвара Дмитриевна, пишу Вам только несколько строк, чтоб уведомить и попросить. <…> Все дело в том, что здесь, в Бадене, я проигрался на рулетке весь, совершенно, дотла. <…> У меня в кармане теперь только 250 франков <…> Пишу к брату, чтоб выслал, но так как этого мало, то написал и Марье Дмитриевне, чтоб она из высланных мною ей денег прислала мне 100 руб. <…>

Теперь, милая тетенька, вот какая до Вас огромная просьба <…> прошу Вас убедительнейше, немедленно, с получением сего, взять из тех денег 100 руб. и передать их брату Мих<аилу> Мих<айлови>чу для отправки мне в Турин. Он их отправил через банкира. Все это чтоб выиграть время <…>

Вот и вся моя просьба к Вам, просьба покорнейшая. Целую Ваши ручки, тетенька, и умоляю Вас поскорей распорядиться. Я в Турине буду без гроша и заложу или продам часы. Приключения бывают разные; если б их не было, то и жить было бы скучно <…>

Ваш весь Федор Достоевский

Письмо Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[88]

18 сентября 1863 г. Рим

<…> Варвара Дмитриевна мне писала недавно, но ничего не написала о твоем экзамене [Речь идет об экзамене, дающем право на поступление в гимназию — прим. авт.]. Из этого заключаю, что ты его не выдержал. Если б выдержал, она бы непременно написала мне об этом, чтоб меня обрадовать. Что мне сказать тебе на это, Паша? Друг мой, покамест я жив и здоров, ты на меня можешь, конечно, надеяться, но потом? Да что деньги; еще это второе дело. В солдаты можно пойти, в крайнем случае. Но быть невеждой сознательно, по своей воле, отстать от своего поколения, быть ниже и хуже других и, не имея образования, не понимать, стало быть, того, что кругом происходит — и беспрерывно чувствовать это — вот что скверно и ужасно будет. Будут дни, что проклянешь сам судьбу свою и вспомнишь наши слова. Ты думаешь, конечно, что с учением всегда можно поспеть. Нет брат, учение вещь трудная, потому что требует огромного, усидчивого терпения; а коль не сделаешь к этому привычки с ранних лет — никогда потом не приучиться. Ну да что говорить! Много ведь раз я говорил тебе об этом <…>

Дня через три из Рима поеду в Неаполь, где пробуду неделю, а потом ворочусь в Петербург через Турин и Женеву. В Петербурге буду в половине октября. <...> Много мне писал о тебе откровенно Михаил Васильевич (Родевич). Много из сообщенного им о тебе мне очень не понравилось, Паша, прямо тебе говорю. Надеюсь, впрочем, на твое доброе сердце. И на Михаила Васильевича, житье с которым, верно, принесет тебе хоть какую-нибудь пользу. <...>

В связи с тем, что Мария Дмитриевна находилась во Владимире, Паша Исаев был предоставлен сам себе, без должного присмотра, Федор Михайлович нанял ему наставника. Это был Михаил Васильевич Родевич, с августа 1862 г. сотрудничавший с Достоевским в журнале «Время». В 1863 г. во время поездки Ф.М.Достоевского за границу Павел Исаев и Родевич жили вместе. Однако репетиторство Родевича закончилось в конечном итоге конфликтом Достоевского с ним. Причиной конфликта был не столько скверный и легкомысленный характер воспитанника, шестнадцатилетнего подростка, сколько неоднозначное поведение самого учителя.

Из письма Ф.М.Достоевского М.В. Родевичу[89]:

Июль—август 1864. Петербург

Милостивый г-н Родевич.

Вы прислали Паше наглое письмо. По неопытности он показал его мне. Вообще Вы оставили на Пашу впечатление отвратительное, — Вы, бывший его учитель и некоторое время наставник <...>

<...> Уезжая за границу, я поручил Вам Пашу, не только как учителю, но и как наставнику. Вы торжественно обещались мне добросовестно исполнить свою обязанность. За границу Вы писали мне письмо, в котором старались утвердить меня в убеждении, что Вы хороший наставник. Помню, Вы наполнили письмо Ваше разными психологическими наблюдениями над характером моего пасынка. А между тем Вам нужны были только деньги. Вы взяли деньги вперед и пошли по всем по трем. Никогда не прощу себе этой ошибки <...> Вы тогда еще не дали мне никакого повода судить о Вас дурно. А между тем что ж вышло на деле? Едва я уехал, пошло полное, грязное безобразие. В отношении к своему ученику и воспитаннику Вы вели себя безнравственно и нечестно. Денег я выдал Вам вперед кучу, почти за все время, и к тому же обеспечил Вас на случай, если бы опоздал за границей. Раньше месяца Вы уже требовали от тетки [В.Д.Констант — прим. авт.] моего пасынка новых ресурсов. Кончилось тем, что Вы, обрадовавшись деньгам и раньше срока растратив их, несколько дней даже не кормили его, и отсылали кормиться куда угодно. Что же мог подумать ученик о своем наставнике? <...> Какой грязный цинизм вливали Вы в молодую душу. Вы посылали его с подобными расписками

от себя: «Обязуюсь уплатить тому лицу, у которого Исаев займет столько-то, через 2 недели и т.д.» Вы посылали его закладывать по лавкам свои часы, чтоб добыть денег, стыдясь, вероятно, идти закладывать сами, Вы, наставник вверенного ему воспитанника! И не стыдно это было Вам? Вы посылали его с Вашими статьями по разным редакциям, выставляя моему пасынку (обеспеченному мною вполне) на вид, что если он добудет из редакций деньги, то тогда может взять себе на обед. Для такой ли грязи вверил я Вам 15-летнего мальчика? Так ли поступать Вы мне обещали? Всего не перечислить <…> Но случаев было тысячи, и все носили один и тот же характер грязи, цинизма и разнузданности. Вот один из тысячи случаев: Вы вздумали носить мои рубашки. Из-за этого завелся у Вас грязный спор с моим пасынком. Воспитанник принужден был доказывать своему наставнику, что нельзя обходиться легкомысленно с чужой собственностью, и не давал Вам моего белья, спорил с Вами и стал запирать от Вас ящики. Ну, разве возможны, разве мыслимы такие споры между воспитанником и его воспитателем? Где же были после этого Ваши совесть, когда Вы просили меня найти Вам место воспитателя в каком-нибудь русском семействе, живущем за границей? Или Вы, может быть, сами не знаете, что творите?

Да, милостливый государь, Вы безобразно понимали звание наставника: когда Вы начали водить к себе на квартиру девок и взманили этим Пашу завести себе тоже девку, Вы вступили с ним в препинание о том, что Вы имеете право водить б<…>й, а он как воспитанник не имеет! Может быть, даже и теперь считаете, что грязь, цинизм и малодушие самая лучшая метода воспитания после этого? Да на кого же я оставлял моего пасынка?

Милостивый государь, я жалею, что Паша, вероятно, жалея Вас, скрыл от меня наигадчайшие Ваши проделки. Он объявил мне только, сейчас же по приезде моем из-за границы, о том, что Вы не умели вести хозяйства и что он голодал. Эту беспорядочность я хоть и пробовал про себя извинить в молодом человеке, [Родевичу в ту пору было 25 лет — прим. авт.] но, однако ж, тотчас удалил Вас от него. Жалею только, что оставил Вас на некоторое время приходящим давать уроки учителем. При первой возможности (а у меня было много хлопот, я должен был ехать из Петербурга [ухаживать за умирающей женой — прим. авт.] я отказал Вам и как учителю. Но если б я только знал тогда обо всем (об девках и о рубашках, например, я узнал только на днях, теперь), то уверяю Вас, что я бы не так кончил дело, я бы огласил Вас публично, чтоб избавить общество от такого наставника и учителя. Говорю Вам серьезно <…>

<…> Вы претендуете, что нельзя публично сказать: «Надо покончить с Родевичем». И что Вы написали Паше в Вашей записке, которую имели наглость препоручить передать мне? Я подслушиваю у дверей? У каких? Когда? Зачем? И где Вы это видели? Много людей честных меня знают лично и знают, способен ли я подслушивать. Вы упрекаете меня раздражительностью. Я слишком хорошо знаю сам, милостивый государь, больные, дурные и даже некоторые смешные стороны моего характера. И каюсь в том пор<ой>, но не Вам судить, потому что я и не способен обидеть напрасно <…> Если я и раздражителен (что в себе нисколько не оправдываю), то я не обидлив, я сумею загладить неловкость и обиду, и человек не мучится от меня, потому что видит, что это только наружность, внешность, и зла нет. Очень много людей кончили тем, что любили меня, чего и Вам желаю <…>

Федор Михайлович в этом письме дает сам себе характеристику. Что же касается педагогических способностей и морального облика Родевича, то в вопросе «об девках» здесь наблюдается явный перебор, с учетом юного возраста как воспитателя, так и воспитанника.

На новый 1864-й год Павел Исаев приехал из Петербурга в Москву, чтобы навестить больную мать, но ничего кроме расстройства и неприятия своим поведением со стороны Марии Дмитриевны не привнес.

Из письма Ф.М.Достоевского В.Д.Констант[90]:

10 января 1864 г. Москва

<…> Случилось то, что я предвидел и ему предсказывал, а именно: он был довольно несносен Марье Дмитриевне. Легкомыслен он чрезвычайно, и, разумеется, неуменье вести себя с очень больною Марьей Дмитриевной (при всех его стараниях) тому причиною <…>

Достоевского сильно раздражило легкомыслие пасынка.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[91]:

28 января 1864 г. Москва

Скажи, пожалуйста, что с тобою делается, Паша? Или ты болен, так что не можешь двух слов написать, или ты окончательно глуп. Ты отвез от меня в Петербург 545 р. и не почел за нужное уведомить меня: довез ли их, отдал ли? Но ты с ума сошел! Если б не брат, который уведомил меня о получении, что бы я мог подумать об этих деньгах? <…>

<…> Ты должен был написать мне о квартире, о твоих занятиях, о Родевиче, о тетке, о том, как тебя приняли у брата. Ты ничего до сих пор не написал. Ты не только дурной сын, с скверным, ехидным сердцем (о здоровье матери хоть бы осведомился, по крайней мере)

— но ты просто глуп. Воображаю, как ты ведешь себя в Петербурге. Я строго спрошу по приезде, будь уверен.

А теперь с получением этого письма, пиши мне, не медля ни одной минуты, о всем, об чем я тебя спрашивал. Письма пиши аккуратно каждую неделю. Не то будет худо, Паша.

Ф.Достоевский

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[92]:

29 февраля 1864 г. Москва

<…> *Сделай одолжение, Паша, исполни все, о чем я тебя просил, то есть занимайся и приучай себя к труду. Погибнешь, если поедешь по-другому* <…>

<…> *Еще раз говорю тебе, Паша, старайся о себе. Не сделай так, чтоб я наконец рукой на тебя махнул. Пропадешь как червь. Ведь ты в 17 лет сложения еще не знаешь и даже хвалишься, что у тебя тупые способности (из фанфаронства). Плохо это, брат. Еще немного, и ведь на меня же падет срам из-за тебя. Скажут, что я тобой не занимался. Меня же обвинят. Из-за чего я этому буду подвергаться? Ты теперь остался без присмотру. Сделай же что-нибудь для себя сам* <…>

<…> *Во всяком случае помни, что ты не барин и не капиталист, и имей в виду, что ты готовишься сам себя кормить и содержать в жизни. Меня же во всяком случае ненадолго хватит* <…>

<…> *Смотри, Паша, ожидаю от тебя хорошего. Сделай же что-нибудь для себя, обрати внимание на мои слова. Не желай себе сам дурного. Теперь тебе жизнь легка. Не суди о будущем по-теперешнему. Жизнь, брат, очень тяжела. Не прохлаждайся, изгони эту подлую привычку. Старайся в меньший срок сделать как можно больше дела* <…>.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[93]:

20 марта 1864. Москва

Любезный Паша, ты отговариваешься в своем непростительном молчанье тем, что желал сделать лучше, то есть сюрприз, прислав нам в письме свою карточку. Ну можно ли быть в твои лета так легкомысленным? Ведь я не от каприза приказал тебе писать каждую неделю. Мне надо знать о тебе, знать о твоем здоровье. И о том (в подробности), что ты делаешь? Ты этого не понял и из-за карточки доставил мне бездну беспокойства, да еще во время тяжелой болезни моей <…>

Мамаша нездорова очень. Хоть бы эта мысль, что ты, может быть, скоро осиротеешь, удержала тебя хоть сколько-нибудь от ветрености и заставила бы серьезно смотреть на жизнь. Я все до сих пор стоял за то, что у тебя сердце есть доброе. Если уж этого не будет, так куда ж ты будешь годиться?

Напиши мне подробно о том, как ты живешь, ходи к Мих<аилу> Мих<айловичу>, но не надоедай ему очень. Надеюсь на тебя. Приеду — сделаю экзамен. Да вот еще что: «Будете писать» пишется не «будите писать», как ты пишешь, а будете писать <...>

Твой весь Ф.Достоевский

Содержание этих писем не нуждается в комментариях.

Из письма Ф.М.Достоевского М.М.Достоевскому[94]:

26 марта 1864 Москва

<...> Не слыхал ли чего о Паше? Кроме одного письма — ничего не написал, а я велел каждую неделю.

Что с ним делается, как он живет? Ради бога, урвись как-нибудь или поговорить с ним, или пошли к нему на квартиру, что там делается? Это негодяй какой-то!

<...> Да когда будешь отправлять Пашу, то в толчки гони его ехать, а то он, пожалуй, выдумает какую-нибудь отговорку и отложит до завтра. Приставь к нему в тот день для наблюдений кого-нибудь. Ради бога. <...>

Последние фразы, к большому сожалению автора книги, не делают чести Павлу Александровичу Исаеву, легкомысленное поведение которого в последние предсмертные дни его матери выходит за рамки всякого понимания.

Из письма Ф.М.Достоевского Павлу Исаеву[95]:

10 апреля 1864 г. Москва

<...> О здоровье мамаши скажу тебе, что оно слишком, слишком плохо. Мы все до сих пор надеялись, что авось-либо она с весной поправится, но ей все хуже и хуже, и бог знает, к чему придет это. Я бы желал, Паша, чтоб ты думал о ней почаще. Это навело бы тебя на другие мысли, более великодушные и благородные, более идущие к молодой развивающейся душе, чем теперешнее твое легкомыслие.

Пишешь ты, что учишь уже о многоугольниках. Хорошо если б впрок пошло и если б ты хоть это знал порядочно. Помни, что не надобно и другого забывать, а напротив, все более и более развивать себя, читать и учиться. Да одно самолюбие заставляло бы всякого другого, на твоем месте, вести дело серьезно. Не говорю уже о других побуждениях.

Ты говоришь о пальто в 28 р. Послушай, Паша, что это за легкомыслие? Ты до того слаб волей и изнежен, что не можешь отказать себе ни в малейшем почесывании. К чему же это поведет? Ты знаешь, а если не знаешь, то можешь угадать, каковы наши денежные обстоятельства. Ты должен бы был сам быть скромнее. <...>

Тетка тебе кланяется. Мамаша тебя любит.

До свидания,

Тебя любящий Федор Достоевский

P.S. Мамаше сегодня вечером слишком, слишком худо. Доктор ни за что не отвечает.

Молись, Паша.

Павел Исаев не присутствовал при кончине Марии Дмитриевны. На похороны он приехать успел.

Вернувшись после похорон из Москвы Достоевский с пасынком поселился в Петербурге на Малой Мещанской улице (ныне Казначейная улица, 9) в доме Евреинова.

Они летом этого года часто выезжали на дачу Михаила Михайловича Достоевского в Павловск. В начале июля 1864 г. внезапно он тяжело заболел.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[96]:

8—9 июля 1864 г. Павловск

Милый Паша, пришли мне белья. Брат при смерти. Не говори никому об этом. Я написал Коле. Я, может быть, на малое время буду в городе.

Не говори никому.

Твой весь Федор Достоевский

10 июля 1864 г. Михаил Михайлович Достоевский скончался.

После смерти Михаила Михайловича в семье его осталось всего триста рублей, на которые его и похоронили. Между тем у покойного осталось до двадцати пяти тысяч долгу, и семейство его, состоявшее из жены и четырех детей, осталось почти без средств. Достоевский остался для всей семьи единственной надеждой и опорой. Он взял на себя уплату долгов брата, содержание его семьи и воспитание пасынка.

25 сентября 1864 г. умер один из ведущих сотрудников журнала Достоевского «Эпоха» А. Григорьев. Все заботы по изданию журнала легли на плечи Федора Михайловича. Он один читал корректуры, принимал посетителей, поправлял статьи, отбивался от цензуры, просиживал в редакции до утра. Участились припадки эпилепсии. Паша Исаев научился ухаживать за приемным отцом во время припадков и помогал ему в меру своих возможностей.

Из воспоминаний А.Г. Шиле[97]:

«Это было в 1864 ., когда Достоевский, после смерти брата Михаила, принял на себя негласно, руководство «Эпохой».

Я пришла к нему в назначенный им самим день за обещанным переводом. Жил он в то время на Екатерининском канале, близ Средней Мещанской, в меблированных комнатах. <...> Я подошла к нему, он был страшно бледен и, видимо, не узнал меня, хотя смотрел на меня в упор какими-то странными глазами... Не прошло и десяти минут, как с Федором Михайловичем начался припадок эпилепсии. Лицо его совершенно исказилось, он бился головой о кресло, на котором сидел,

изо рта показалась пена и раздался такой хрип, что я испытала ужас. Но отойти от него не решилась, из боязни, чтобы с ним не случилось чего-нибудь горшего.

Я кликнула хозяйку квартиры, та прибежала с белой скатертью в руках и накрыла ею лицо страдальца <...> Через полчаса раздался звонок, и в комнату вошел молодой человек, студент небольшого роста, блондин, и отрекомендовался мне племянником Федора Михайловича. Он подошел к дяде и снял скатерть с его лица.

Федор Михайлович дышал спокойно, без хрипа, и впал в глубокий сон, продолжавшийся недолго. Очнувшись, Федор Михайлович подозвал к себе племянника, называя его Пашей, и стал меня с ним знакомить, причем очень был удивлен, что мы уже познакомились, видимо, не помня ничего, что с ним происходило <...>

Из вышеописанного эпизода можно заключить: 1) Шиле спутала имя, так как племянников по имени Павел у Достоевского не было, или, 2) что более вероятно; незнакомым людям Павел Исаев представлялся не сыном Достоевского, и внешний вид не выдавал в нем «мулата».

С августа 1864 г. Ф.М.Достоевский с Павлом Исаевым жили на квартире в доме купца И.М.Олонкина, на углу Малой Мещанской и Столярного переулка (ныне дом № 7 по Казначейской улице). Павел продолжал заниматься с репетиторами.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю[98]:

31 марта—14 апреля 1865 г. Петербург

<...> Я живу один, при мне Паша — мой пасынок. Ему уже семнадцатый год, учится, Вас очень помнит и Вам кланяется <...>

За время совместного проживания они сблизились.

Из письма Ф.М.Достоевского Павлу Исаеву[99]:

30 мая 1865 г. Петербург

Милый Паша, скажи, пожалуйста, что же ты со мной делаешь и что я могу подумать о тебе? Чего ты не пишешь? Беспокоюсь о тебе ужасно, думаю, не болен ли ты, доехал ли благополучно? [Исаев был отправлен на лето к сестре Марии Дмитриевне С.Д. Констант, которая жила в поместье Ф.А. Яковлева в селе Высоцком Псковский губернии — прим. авт.] Ведь ты сам можешь рассудить, что я поневоле буду сомневаться. Предполагаю, что не так часто посылают от Федора Акимовича в город за 40 верст. Но ты бы для такого случая должен был упросить послать. И Федор Акимович и Софья Дмитриевна очень хорошо поймут, что это необходимо. Боюсь, что ты болен. Тетя Варя о тебе беспокоится очень и ничего не понимает в твоем молчании. Она сама, бедная, больна, простудилась, с перемежающейся лихорадкой и с кашлем, лечится. Я к ней часто хожу.

Дела мои все хуже и хуже, за границу ехать, если не поправятся обстоятельства, никак нельзя будет. Неприятностей бездна. Не

усиливай же их своим легкомыслием. Пиши непременно и скорее. Буду ждать письма твоего непременно. Прощай, целую тебя.

Твой весь Федор Достоевский

Из письма Ф.М.Достоевского Е.П. Ковалевскому (председателю Литературного фонда)[100]:

6 июня 1865 г. Петербург

<...> Смерть моего брата не только принудила меня остаться в Петербурге, но и взяться за трудную работу по продолжению издания журнала, — для додачи его подписчикам, для уплаты долгов покойного брата и для доставления хоть какого-нибудь содержания его семейству. Эта работа расстроила меня в продолжение года окончательно: на меня одного обратились все труды издательские и редакторские, и, сверх того, за этими трудами я сам не успел написать почти и строчки. Таким образом, теперь, когда пришлось сдать журнал (Объявление о прекращении «Эпохи» появилось через три дня после написания данного письма — 9 июня 1865 г.), я, не будучи даже собственником журнала и потеряв на него лично принадлежащие мне десять тысяч рублей чистыми деньгами, [занятые в августе 1864 г. у тетки А.Ф.Куманиной — прим. авт.] очутился с долгами, по векселям на мое имя, в 13 000 рублей и, кроме того, на время без всяких средств к существованию, так как ничего не написал во весь год. <...> Хотя многие из кредиторов моих согласны на получение уплаты в будущем году и с рассрочками, — так как понимают, что мне, иначе как трудами моими, платить нечем; но зато некоторые, сравнительно самые незначительные, ждать не хотят и уже подали на меня ко взысканию.

Ввиду таких особенных обстоятельств я принужден просить Вас, многоуважаемый Егор Петрович, исходатайствовать для меня у Комитета Литературного фонда заимообразно 600 руб. сроком на 1-е февраля будущего 66-го года <...>

<...> Я потому прошу 600 рублей, что на меня подано ко взысканию 700, и что только обещанием внести (к 9 июня) 600 рублей мог я склонить кредиторов, чтоб они меня не описали и не посадили в долговую тюрьму. При моем чрезвычайно расстроенном теперь здоровье для меня было бы весьма трудно, а может быть, и совсем невозможно приняться за работу в тюрьме <...>

Деньги от Литературного фонда Федор Михайлович получил 7 июня 1965 г., и, заключив кабальный договор с издателем Ф.Т. Стелловским, расплатившись с кредиторами в конце июля выехал за границу.

Но там его подстерегала другая беда.

Из письма Ф.М.Достоевского И.С.Тургеневу[101]:

3 августа 1865 г. Висбаден.

<...> Хотя я теперь и не думал поправлять игрой свои обстоятельства, но франков 1000 действительно хотелось выиграть, чтоб хоть эти три месяца прожить. Пять дней как я уже в Висбадене и все проиграл, все дотла, и часы, и даже в отеле должен.

Мне и гадко и стыдно беспокоить Вас собою. Но, кроме Вас, у меня положительно нет в настоящую минуту никого, к кому бы я мог обратиться, а во-вторых, Вы гораздо умнее других, а следств<енно>; к Вам обратиться мне нравственно легче <...> Прошу у Вас 100 (сто) талеров <...>

<...> На душе скверно (я думал, будет сквернее), а главное стыдно Вас беспокоить; но когда тонешь, что делать <...>

Иван Сергеевич прислал 50 талеров, которые Достоевский вернул ему в марте 1876 г.

А вот старый сибирский друг А.Е.Врангель, который служил в это время в Копенгагене, на такую же просьбу Федора Михайловича откликнулся с большим участием и прислал все 100 талеров. Долг Врангелю Достоевский возвратил лишь в 1873 г.

Дружеские чувства и в том и в другом случае постепенно сошли на нет. Вывод стар как мир — деньги портят человеческие отношения.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю[102]:

8 ноября 1865 г. Петербург

Добрейший и многоуважаемый друг Александр Егорович, неужели уж четыре недели прошло? Сосчитал и действительно так. А что я сделал? Ничего. Странно: по Вашему письму вижу, что Вы как будто и не получили мою записочку с парохода из Кронштадта. Так ли? Напишите. Я Вам лишний фунт задолжал. Это была не записка, а несколько слов на пароходном счете. Не хватило фунта, а между тем на карманные мои расходы пошло 5 шиллингов (на пиво. Вода была сквернейшая). Явились такие рубрики счета, которых и подозревать нельзя было и избежать тоже. Я и написал на счете Вам несколько строк, прося заплатить этот фунт в Копенгагене, потому что у меня уже ни копейки не было. Неужели они не явились. Переход был спокойный, но притащились мы только на шестые сутки.

Как приехал — сейчас припадок, в первую ночь, — сильнейший. Оправился, дней через пять — другой припадок, еще сильнее. Наконец, 3-го дня еще, хоть и слабый, но три сряду меня ужасно расстроили.

Тем не менее сижу и работаю, не разгибая шеи. Катков прислал 300 руб. в Висбаден, дома их нашел у себя: переслал Яньшев. Между тем все на меня обрушилось. Семейство брата (покойного) в полном расстройстве. Только меня и ждали. Все им отдал и, кроме того, на

днях занял еще 100 руб. что мне делать не знаю <...>

В голове у меня есть дно периодическое издание, не журнал <...> Но пока надо роман кончить [«Преступление и наказание» — прим. авт.] Работаю изо всех сил <...>

Сейчас Вам ничего не могу выслать. Потерпите, добрейший друг. За роман получу не менее 2500 р. Отдам. Ведь уж это верно; я и задаток получил. Только бы кончить! <...>

<...>Паша мой здоров и меня утешает, а брат [Н.М. Достоевский — прим. авт.] больной наверно скоро умрет — в этом году, может быть. Буду Вам подробно писать о всех новостях и планах. Не забывайте меня и Вы.

У нас снег, санная дорога, и Нева становится. Пароходы вряд ли могут быть. Перешлю другим образом. Чемодан получил из Франкфурта. Все стоило 62 руб. <...>

Федор Михайлович явно нуждался в женском уходе, желал семейного уюта, своих детей, нисколько не умаляя при этом своей привязанности к приемному сыну.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю[103]:

18 февраля 1866 г. Петербург

<...> Во 1-х, сижу над работой как каторжник. Это тот роман в «Русский вестник». Роман большой в 6 частей. В конце ноября было много написано и готово; я все сжег; теперь в этом можно признаться. Мне не понравилось самому. Новая форма, новый план меня увлек, и я начал сызнова. (речь о романе «Преступление и наказание») Работаю я дни и ночи, и все-таки работаю мало <...> Роман есть дело поэтическое, требует для исполнения спокойствия духа и воображения. А меня мучат кредиторы, то есть грозят посадить в тюрьму <...> Поймите, каково мое беспокойство. Это надрывает дух и сердце, расстраивает на несколько дней, а тут садись и пиши. <...>

<...> Добрый друг мой, Вы по крайней мере счастливы в семействе, а мне отказала судьба в этом единственном человеческом счастье. <...>

Достоевский несколько раз предпринимал шаги в этом направлении.

В начале 1865 г. Федор Михайлович решил напечатать в своем журнале «Эпоха» повесть «Сон», принадлежавшей перу молодой девушки — Анны Васильевны Корвин-Круковской, дочери генерал-лейтенанта В.В.Корвин-Круковского. Завязалась переписка. В конце февраля — начале марта 1865 г. Анна Васильевна оказалась в Петербурге и пригласила Достоевского в гости. Спустя пять дней он пришел снова. Он был покорен очаровательной и образованной Анной. Посещения продолжились и однажды вечером, когда Достоевский и Анна остались

вдвоем, он признался в любви и просил стать его женой[104]:

<...> По свидетельству Софьи Ковалевской, [сестры Корвин-Круковской — прим. авт.] Анна Васильевна сразу же после предложения говорила сестре: *«Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем думать. А я этого не могу, я сама хочу жить»* <...>.

Из воспоминаний Марии Александровны Ивановой, племянницы Ф.М.Достоевского[105]:

<...> *Достоевский легко увлекался людьми, был влюбчив.*

Ему правилась подруга Софьи Александровны Ивановой [тоже племянница Достоевского, дочь Веры Михайловны Достоевской-Ивановой и А.П.Иванова — прим. авт.] Мария Сергеевна Иванчина-Писарева, живая, бойкая девушка. Однажды, будучи в Москве у Ивановых под Пасху [1866 г. прим. авт.], Достоевский не пошел со всеми к заутрене, и остался дома. Дома же у Ивановых оставалась Мария Сергеевна. Когда Софья Александровна вернулась из церкви, подруга ей, смеясь, рассказала, что Достоевский ей сделал предложение. Ей, двадцатилетней девушке, было смешно слышать его от такого пожилого человека, каким был в ее глазах Достоевский. Она отказала ему и ответила шутливо стихами Пушкина:

Окаменелое годами
Пылает сердце старика <...>

Федору Михайловичу, думается, было не до смеха. Косвенное предложение сделал Достоевский и жене брата А.П.Иванова Елене Павловне Ивановой, живя летом 1866 г. в Люблине вблизи Москвы, так как муж Елены Павловны многие годы болел и смерти которого ждали со дня на день. Сестра Федора Михайловича Вера Михайловна мечтала о том, чтобы он женился на Елене Павловне, когда скончается ее муж. Однажды, оставшись наедине, Федор Михайлович спросил ее «пошла ли бы она за него замуж, если б была свободна?» Она не ответила ничего определенного и Достоевский не считал себя и нею связанным никаким обещанием.[106]

Свою судьбу Ф.М.Достоевский нашел сам несколько позже, в Петербурге, но об этом несколько позже.

Все лето1866 г. Достоевский провел в Люблино, где нанял отдельную от Ивановых дачу. Он усиленно работал над романом «Преступление и наказание», намереваясь закончить его к концу года.

Одному жить в отдельном доме было скучно и неудобно. Федор Михайлович опасался внезапных припадков падучей. Паша Исаев оставался некоторое время в Петербурге, но Достоевский, опасаясь за жизнь пасынка, (в то лето в Петербурге свирепствовала холера) настоятельно звал его к себе.

Из писем Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[107]:

25.06.1866 г. Москва

Любезный друг Паша,

Я сейчас из Люблино (где живут нынешнее лето Ивановы) и нанял там, для себя, особую дачу на лето <...>

<...>Проживу до 1-о сентября. Не хочешь ли и ты приехать ко мне? Если хочешь, хоть до 1-го сентября, или хоть 2 недели. Не хочу стеснять тебя <...> Напиши мне поскорей обо всем этом, и я тебе тотчас отвечу. Славно было бы. Я очень, очень рад бы был тебя видеть, Паша, и очень об тебе здесь беспокоюсь <...>

4.07.1866. Москва

Бог тебе судья, Паша, за то, что ты со мной делаешь и не хочешь мне отвечать. Не писал ли я тебе неделю назад, чтоб ты немедленно отвечал мне: хочешь ли ты или нет приехать ко мне. Я просил, приказывал и умолял, и ты наплевал на всю мою тоску. В Петербурге холера: мучаюсь, что ты болен, потому что неужели ж ты такой изверг, чтоб не отвечать мне. Не я ль велел тебе во что бы то ни стало писать ко мне каждую субботу, не дожидаясь моих ответов. Если ты уехал в Псков, то уведомил бы меня. Стало быть, ты болен. Если не получу еще немного писем от тебя, то брошу все дела и поеду сам в Петербург. Что ты со мной делаешь!

С получением этого письма приказываю тебе немедленно ехать ко мне в Москву. Для этого посылаю с этой же почтой 30 руб. <...>

Твой Достоевский

Павел послушался отца, приехал в Москву, а затем в Люблино, где прожил до 23 августа 1866 г., оказывая посильную помощь в написании знаменитого романа. Об этом свидетельствуют начальные строки его неопубликованного письма к Достоевскому от 29 августа 1866 г. (ИРЛИ, ф. 100, № 32 639): *«Милый папа, из Люблино я выехал 23 числа, надеялся в тот же день уехать, но случилось иначе, я опоздал; так что пришлось переночевать в Москве и на другой только день вечером отправиться в дорогу...»*

Впереди, в самом недалеком будущем, Пашу Исаева ожидали события кардинально повлиявшие на всю его дальнейшую жизнь.

Наступили знаменитые ныне 26 дней.

Напомним, суть и последовательность событий.

Несмотря на деньги, полученные за «Преступление и наказание», Достоевский оказался без достаточных средств. Целые тысячи пошли на уплату старых долгов. Федор Михайлович попадает в кабалу издателю Ф.С. Стелловскому, который купил право издания его сочинений за 3000 р. и потребовал от него нового романа к определенному сроку. Достоевский понял, что не успеет закончить роман («Игрок» — прим. авт.). Пришлось нанять стенографистку, которой оказалась Анна Григорьевна Сниткина.

Девушка двадцати лет. Совместная работа продолжалась 26 дней, повесть удалось окончить. За эти дни Федор Михайлович успел сблизиться с Анной Григорьевной и 15 февраля 1867 г. повел ее под венец.

Из воспоминаний А.Г.Достоевский[108]:

<...> Четвертого октября, в знаменательный день первой встречи с будущим мужем, я проснулась бодрая, в радостном волнении от мысли, что сегодня осуществится давно лелеянная мной мечта: из школьницы или курсистки стать самостоятельным деятелем на выбранном мною поприще.

<...> В двадцать пять минут двенадцатого я подошла к дому Алонкина и у стоявшего в воротах дворника спросила, где квартира № 13. Он показал мне направо, где под воротами был вход на лестницу. Дом был большой, со множеством мелких квартир, населенных купцами и ремесленниками. Он сразу напомнил тот дом в романе «Преступление и наказание», в котором жил герой романа Раскольников <...> Я позвонила, и мне тотчас отворила дверь пожилая служанка в накинутом на плечи зеленом в клетку платке. Я так недавно читала «Преступление», что невольно подумала, не является ли этот платок прототипом того драдедамового платка, который играл такую большую роль в семье Мармеладовых. На вопрос служанки, кого мне угодно видеть, я ответила, что пришла от Ольхина [преподаватель стенографии — прим. авт.] и что ее барин предупрежден о моем посещении.

Не успела я снять свой башлык, как дверь в прихожую распахнулась, и на фоне ярко освещенной комнаты показался молодой человек, сильный брюнет, с взлохмаченными волосами, с открытой грудью и в туфлях. Увидев незнакомое лицо, он вскрикнул и мигом исчез в боковую дверь. <...>

Так состоялось первое знакомство Павла Исаева с Анной Григорьевной Сниткиной.

Из «Воспоминаний» можно сделать вывод, что Павел сразу же произвел на нее очень неприятное впечатление.

<...> Сначала мне казалось странным, что я не видела никого из его домашних. Я не знала, из кого состоит его семья и где она теперь находится. Только одного члена его семьи я встретила, кажется, в четвертый мой приход. Кончив работу, я выходила из ворот дома, как меня остановил какой-то молодой человек, в котором я узнала юношу, виденного мною в передней в первое мое посещение Федора Михайловича. Вблизи он показался мне еще некрасивее, чем издали. У него было смуглое, почти желтое лицо, черные глаза с желтыми белками и пожелтевшие от табака зубы. [Павел Исаев из-за предрасположенности к туберкулезу никогда не курил — прим. авт.]. <...> Федор Михайлович с каждым днем относился ко мне все

сердечнее и добрее. Он часто называл меня «голубчиком» (его любимое ласкательное название), «доброй Анной Григорьевной», «милочкой» <…>

<…> Сообщил мне как-то, что был женат, что жена его умерла три года тому назад, и показал ее портрет. Он мне не понравился: покойная Достоевская, по его словам, снималась тяжко больной, за год до смерти, и имела страшный, почти мертвы вид. Тогда я с удовольствием узнала, что бесцеремонный молодой человек, который мне так не понравился, не сын Федора Михайловича, а его пасынок, сын его жены от первого брака с Александром Ивановичем Исаевым <…>

Для Паши Исаева наступили непростые времена, и не только для него…

Необходимо отметить, что еще весной 1866 г. умерла Варвара Дмитриевна Констант — сорокалетняя тетка Павла Исаева, единственная родственница в Петербурге, принимавшая живое участие в его судьбе.

Федор Михайлович не торопился сблизиться с многочисленными родственниками Анны Григорьевны, чем вызвал ее беспокойство.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Г. Сниткиной[109]:

9 декабря 1866 Петербург

Милая моя Аня, прелестная моя именинница, — не рассердись на меня, ради бога, за мою слишком глупую осторожность. Я сегодня решился у тебя не быть, чувствую себя еще не совсем здоровым. Пустяки совершенные, но все-таки некоторая слабость и не совсем чистый язык. Видишь, ангел мой: необходимо до последней крайности быть у Базунова. Но Базунов от меня в версте, а к тебе вчетверо дальше <…>.

В своих «примечаниях» к письмам Достоевского к ней Анна Григорьевна Достоевская пишет: *«По поводу этого письма скажу следующее: на 9-е декабря приходились мои именины, а также именины моей матери Анны Николаевны Сниткиной. По обычаю, у нас собирались в этот день родные и знакомые. Я очень приглашала Федора Михайловича приехать в этот день к обеду. Кроме слабости после недавнего припадка, следы которого не исчезли, Федора Михайловича стесняли незнакомые ему лица, которых он мог у меня встретить, а подобные встречи в его болезненном настроении были для него тягостны. Поэтому Федор Михайлович предпочел не приехать, и прислал поздравить именинницу своего пасынка, Павла Исаева, который доставил мне это письмо и золотой браслет*[110].

Достоевский, желавший, естественно, сближения своего приемного сына с будущей родней, явно ошибся в выборе посланника

и вызвал еще большую неприязнь своей будущей жены к Павлу Исаеву.

Перед свадьбой Федор Михайлович предпринял поездку в Москву к родственникам с желанием получить их одобрение предстоящей женитьбой.

С трудом верится, что эта цель была достигнута. Все же приличия были соблюдены.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Г. Сниткиной

29 декабря 1866. Москва[111]*:*

<…> В Москву въехал в 12 часов; в половине первого был уже у наших. Все очень удивились и обрадовались. Елена Павловна была у них. Очень похудела и даже подурнела. Очень грустна; встретила меня довольно слегка. После обеда началась зубная боль опять. Я с Соней [С.А.Иванова — племянница Ф.М.Достоевского — прим. авт.] остались на полчаса одни. Сказал Соне все. Она ужасно рада. Она вполне одобряет; не находит и отрицает препятствия а' la Юнге [Э.А. Юнге — доктор медицины, лечил Ф.М.Достоевского, не одобрял намерения Достоевского жениться на А.Г. Сниткиной. Главным препятствием для этой женитьбы он считал разницу в возрасте: Достоевскому было уже 45 лет, а его будущей жене только 20]. Разумеется, все было рассказано без больших подробностей. Много еще нам с ней придется переговорить. Она качает головой и несколько сомневается в успехе у Каткова. Грустит собственно о том, что такое дело висит на такой ниточке. Спросил ее: что Елена Павловна в мое отсутствие вспоминала обо мне? Она отвечала: о как же, беспрерывно! Но не думаю чтоб это могло назваться собственно любовью. Вечером я узнал от сестры и от самой Елены Павловны, что она все время была очень несчастна. Ее муж ужасен; ему лучше. Он не отпускает ее ни на шаг от себя. Сердится и мучает ее день и ночь, ревнует. Из всех рассказов я вывел заключение: что ей некогда было думать о любви. (Это вполне верно). Я ужасно рад, и это дело можно считать поконченным.

О моем браке с тобою я объявлю родным при первых надеждах на успех у Каткова. <…>

<…> Прощай милочка, до близкого свидания. Целую тысячу раз твою ручельку и губки (о которых вспоминаю очень). Грустно, хлопотливо, разбиты как-то все впечатления <…>

<…> Не увидишь ли, милая, Пашу. Передай ему от меня поклон и скажи, что Сашенька и Хмыров очень про него расспрашивали и страшно жалеют, что он не приехал и не приедет; они его очень ждали, даже гадали, приедет ли он или нет. <…>

Достоевский встретился с М.Н.Катковым, редактором «Русского вестника», где печатался роман «Преступление и наказание», сообщил

ему о женитьбе и попросил «2000 вперед». Через два дня Катков согласился одолжить 1000 р., а другую тысячу обещал ссудить через два месяца.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Г. Сниткиной[112]

2 января 1867. Москва

<...> Теперь, бесценная Аня, дело в таком виде: наша судьба решилась, деньги есть, и мы обвенчаемся как можно скорее, но вместе с тем предстоит и страшное затруднение, что вторая тысяча отсрочивается на такой долгий срок, и ведь нам нужно две тысячи до последней копейки сейчас (помнишь, мы рассчитывали). Как это разрешить — еще не знаю, но все-таки, как бы там ни было, а свадьба наша может устроиться. И слава богу, слава богу! Обнимаю тебя и целую, раз 100 зараз. <...>

<...> Теперь несколько слов о здешний жизни. Ах, Аня, как ненавистны мне всегда были письма! Ну что в письме расскажешь об иных делах? И потому напишу только сухие и голые факты: во-первых, я уже тебе писал, что Соне все в тот же день открыл, и как она была рада <...> Сестре сказал на другой день, после первого ответа Каткова. Была очень рада. Александру Павловичу [муж Веры Михайловны Достоевской-Ивановой, известный в Москве врач — прим. авт.] сказал на третий день. Он меня поздравил и сделал одно замечание <...> Новый год встречали весело всей семьею. Были и Елена Павловна и Марья Сергеевна <...> ровно в 12 часов Александр Павлович встал, поднял бокал шампанского и провозгласил здоровье Фед<ора> Мих<айлови>ча и Анны Григорьевны. Машенька и Юленька, которые ничего не знали, были очень удивлены. Одним словом, все рады и поздравляют.

До сих пор мало кого видел, кроме Яновского (моего одного приятеля) и Аксакова, который ужасно занят. Яновскому Майков, бывши в Москве, сказал про нас, что он «видел тебя и, судя по тебе, ожидает полного счастья Фед<ору> Мих<айлови>чу. Мне очень приятно было, что Майков так отозвался. Яновский много про тебя расспрашивал и тоже очень рад и поздравляет. <...>

<...> Елена Павловна приняла все весьма сносно и сказала мне только: «Я очень рада, что летом не поддалась и не сказала Вам ничего решительного, иначе я бы погибла». Я очень рад, что она все так принимает, и с этой стороны уже совершенно теперь спокоен. <...>

<...> Думаю, что больше не напишу тебе, — разве что случится особенное. Мамаше твоей передай поклон.

Еще тебя целую (не нацелуюсь), твой счастливый муж. <...>

В подлиннике слово «муж» густо зачеркнуто А.Г.Достоевской.

Гораздо прохладнее была воспринята весть о женитьбе Федора

Михайловича в семье его покойного брата Михаила Михайловича.

Таким образом акценты были расставлены, недоброжелатели и друзья Анны Григорьевны определены. Записка Ф.М.Достоевского Н.Н. Страхову[113]:

11 февраля 187 г. Петербург

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Я заболел, и свадьба моя отложена до среды, то есть до 15 февраля. Извините, что Вас беспокою; но пригласив Вас, не могу не уведомить и об остановке, хотя и не знаю, сделаете ли Вы мне честь Вашим посещением, в чем, впрочем, сердечно желал бы не сомневаться, а потому до свидания.

Ваш всегда преданный,

Федор Достоевский

Н.Н. Страхов был ближайшим сотрудником журнала братьев Достоевских «Время», а затем «Эпохи», писал позднее: *«Д.В.Аверкиев и я были свидетелями со стороны Федора Михайловича на его свадьбе, и много других сошлись в церкви и у него на дому после совершения таинства».*

Сразу после свадьбы, дабы закрепить семейные узы, был задуман и осуществлен план поездки молодой четы за границу, не без участия многочисленных родственников Анны Григорьевны Достоевской. По официальной версии — с целью скрыться от докучливых кредиторов.

Паша Исаев оставлялся на попечении Аполлона Николаевича Майкова под присмотром Эмилии Федоровны Достоевской и новой родственницы — Анны Николаевны Сниткиной, матери А.Г.Достоевской. Других близких родственников у него в Петербурге не осталось.

Из письма Ф.М.Достоевского И.М. Алонкину[114]:

13 апреля 1867. Петербург

<...> Милостивый государь! Многоуважаемый Иван Максимович.

Уезжая на лето за границу, покорнейше прошу Вас считать квартиру в доме Вашем в Столярном переулке и в которой я прожил с 1864 года по 20-е января 1867 года неуклонно за мною в прежней цене, то есть по 25 руб. в месяц, считая теперь с 20-го января 1867 г.

Родственницу же мою, Эмилию Федоровну Достоевскую, которая будет продолжать занимать квартиру сию во все продолжение моего пребывания за границей, прошу покорнейше во все время моего отсутствия не беспокоить требованием уплаты за квартиру. Осенью же, прибыв в С.-Петербург, обязуюсь заплатить Вам за все месяцы найма квартиры, начиная с 20 января сего 1867 года, в чем с готовностью и с удовольствием пишу Вам это удостоверение в форме письма и свидетельствую моею подписью.

Примите уверение в глубоком моем уважении.

Имею честь пребыть, милостивый государь, Вашим покорным слугою.

Федор Достоевский

14 апреля 1867г. в страстную пятницу чета Достоевских выехала из Петербурга в Дрезден.

В Россию они возвратились только летом 1871 г.

За границей Федор Михайлович не забывал о своем пасынке.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[115]:

Любезный друг Паша, благодарю тебя за оба твои письма. (Эти письма Исаева неизвестны. Одно из них было получено Достоевским 12 мая 1867 г. В этот день А.Г.Достоевская записала: (Достоевская, Дневник, с. 77.) «Получила я письмо от Павла Александровича (Исаева). Письмо было к Феде, но я знаю его руку, сама распечатала и прочла, ничего особенного».

<...> Я, Паша, слышу, что ты не совсем так распоряжаешься, как бы мне желалось. Зачем ты взял 10 р. из денег, которые должны храниться у Ап<оллона> Николаевича? Верно ли ты отдал деньги Прасковье Петровне, все ли, что велели тебе отдать? Смотри, Паша, осторожнее. Мне самому нужны деньги, а их у меня очень мало. Я никаких займов, например, сделанных тобой, не заплачу. Объявляю заранее.

Я бы очень желал, милый Паша, чтоб ты не только свое, но и мое положение умел понять. Денег у меня теперь очень долго не будет. Ведь я сам ничем не обеспечен. Может даже случится, что я не в состоянии буду выслать тебе еще денег, через два месяца; и следственно, лучше бы экономизировать на всякий случай, чем тратить.

Боюсь тоже, чтоб ты не был как-нибудь в тягость Эмилии Федоровне и не наделал ей каких-нибудь неприятностей. Уважай ее и будь в высшей степени к ней почтителен. Она глава в доме; так и ты ее беспрекословно почитай, покамест живешь у неё <...> Поклонись Ап<оллону> Николаевичу и всем, кому можно говорить теперешний мой адрес. Ради бога, не болтай много и старайся, чтоб и другие не говорили о том, где я теперь нахожусь, не давай моего адреса никому. Я боюсь, что меня и здесь кредиторы отыщут. Сообщай, пожалуйста, точнее и вернее обо всем, что случилось. <...> Не забудь письмо Андрея Михайловича [брат Ф.М.Достоевского — прим. авт.]. Не пропусти этих двух недель; пиши; во всяком случае пиши <...> Пр<асковье> Петровне поклонись и, главное, справься: где Ваня. Хорошенько справься <...>

Не забывай описать ни малейшего обстоятельства, особенно касающегося моих дел. Не откладывай отвечать. Тотчас же, как получишь это письмо и садись за ответ. <...>

Несколько слов о Прасковье Петровне и Ване, упомянутых в этом письме: Иван Михайлович Аникиев был внебрачным сыном брата писателя М.М.Достоевского и Прасковьи Петровны Аникиевой.

После смерти брата Достоевский взял на попечение своего незаконнорожденного племянника, помогал деньгами.

Имя Аникиевой упоминается в «Дневнике 1867 года» жены писателя А.Г.Достоевской[117]:

<…> *Тут нашлось еще одно ответное письмо от Прасковьи. Я его изорвала* <…> *Тут были еще 2 письма от Прасковьи. Подлая тварь, она только и делает, что выпрашивает деньги. Я очень была рада, что ей не удалось. Теперь какое-то ее поздравительное письмо, но второе письмо — с требованием денег…» [вариант: «… она только и думает, чтобы выпросить у Феди денег; хотя при отъезде он и дал ей, сколько мог»]* <…>

Из вышеизложенного следует, что вся переписка Ф.М.Достоевского с этих пор подвергалась строгой цензуре со стороны А.Г.Достоевской. Подобный оборот дела понятен, необходимо было оградить писателя от ненужных и назойливых домогательств сомнительных просителей. Однако вызывает сожаление бесцеремонность действий не по возрасту практичной молодой женщины.

Раздражаться же и отчаиваться было то чего.

Федор Михайлович находился в это время в весьма стесненных обстоятельствах, причиной которых была игра на рулетке.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Г.Достоевской[118]

12 мая 1867 г. Гомбург

Аня милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я все проиграл, что ты мне прислала, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл. Аня, как я буду теперь глядеть на тебя, что скажешь ты про меня теперь! Одно и только одно ужасает меня: что ты скажешь, что подумаешь обо мне? Один твой суд мне и страшен! Можешь ли, будешь ли ты теперь меня уважать! А что и любовь без уважения! Ведь этим весь брак наш поколебался. О, друг мой, не вини меня окончательно! Мне игра ненавистна, не только теперь, но и вчера, третьего дня, я проклинал ее; получив вчера деньги и разменяв билет, я пошел с мыслью хоть что-нибудь отыграть, хоть капельку увеличить наши средства. Я так верил в небольшой выигрыш. Сначала проиграл немного, но как стал проигрывать, — захотелось отыграться, а как проиграл еще более, так уже поневоле продолжил играть, чтобы воротить, по крайней мере, деньги, нужные на отъезд, [из Гомбурга в Дрездене — прим. авт.] и — проиграл все. Аня, я не

умоляю тебя сжалиться надо мной, лучше будь беспристрастна, но страшно боюсь суда твоего. Про себя я не боюсь. Напротив, теперь, после такого урока, я вдруг сделался совершенно спокоен за мою будущность. Теперь работа и труд, работа и труд, и я докажу еще, что я могу сделать! Как уладятся обстоятельства дальнейшие — не знаю, но теперь Катков не откажет. А все дальнейшее, я думаю, будет зависеть от достоинства моего труда. Хорош будет, и деньги явятся <...>

Павел Исаев аккуратно выполнял отдельные поручения Федора Михайловича, следил за кредиторами, передавал почту и полученные от него деньги; отвечал на письма.

Из письма П.А.Исаева Ф.М.Достоевскому[119]:

Май—июнь 1867 г. Петербург

<...> денег 10 р., недоданных Пр<асковье> Петр<овне>, отдать было нельзя, да и некому. Если я ее до отъезда увижу, то деньги отдам; если же нет, — то оставлю у себя. Будьте спокойны, деньги эти будут целы, хоть до Вашего приезда; ибо я не так еще жаден до растрат чужих денег; у меня есть еще, слава богу, и совесть и честь!» <...>

<...> «Дожидаться Феди [племянник Ф.М.Достоевского — прим. авт.] мне было некогда; письмо уже было готово, и его не было дома. В Москву, как он мне сам говорил, едет наверно в первых числах июня». <...>

<...> «Ваня живет теперь у матери, его хотят отдать в пансион» <...>

<...> «У Ивановых 6 мая родилась дочь; назвали Наташей, узнал это я от Феди. Что Вам сказать о Ваших делах, их было от 9 и до 25 мая очень мало. Был поверенный от Ушакова, спрашивал насчет драмы «Прест<упление> и наказ<ание>». Я послал его к Страхову, а последний, как я узнал от него после, отдал драму и письмо, адрес<ованное> на имя Ушакова. Был доверенный Куканова; я ему сказал, что Вы за границей и что вернетесь оттуда не раньше как через четыре месяца <...> А вот интересное: узнал от Никол<ая> Мих<айловича>, что Чубинскому препоручено было от Литературного фонда пригласить Вас на Славянский вечер...» <...>

У Достоевского болело сердце за пасынка.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[120]:

9 октября 1867 Женева

<...> Паша мальчик добрый, мальчик милый и которого некому любить. Одно только худо за ним — сами знаете что. Кроме того, он мальчик честный. Если действительно ему место выходит, то пусть

бы взял [Анна Николаевна Сниткина предлагала ему два места: одно в Ладогу к мировому судье, и второе на железную дорогу, оба по 25 рублей в месяц — прим. авт.] Я последней рубашкой с ним поделюсь и буду делиться всю мою жизнь. А Вам, друг Аполлон Николаевич, до земли за Пашу кланяюсь! Никому, никому не мог я поручить его лучше в крайнем случае! Ведь Вы не оставите его в крайнем случае? Я не про деньги говорю и их даже в виду не имею. Но советом и словом не оставьте, особенно теперь, когда он знает вполне, во что ценю я Ваше внимание к нему. Я на днях ему пишу <...>

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[121]:

10 октября 1867. Женева

<...> Я, милый друг мой, был чрезвычайно рад, получив твое письмо. Если ты думал, Паша, что я, женившись, забуду о тебе (а я видел, что ты думал, и нарочно, много раз, не останавливал тебя), то ты ошибся. Даже совершенно напротив! Знай: что ты после женитьбы еще мне дороже стал, и бог мне свидетель, как я мучился и мучаюсь, что мало могу помочь тебе. Я тебя всегда считал и считаю добрейшим и честнейшим малым. Дай бог, чтоб эти два качества всегда в тебе остались. С ними счастлив человек, что бы с ним не случилось. Считаю тебя тоже малым очень неглупым. Одно плохо: необразование. Но если ты не хотел учиться, то, по крайней мере, в одном меня послушайся; надобно не пренебрегать своим нравственным развитием, насколько это возможно без образования.

(А об образовании все-таки до конца жизни надо стараться). <...>

Об том, что тебе предлагают и предлагали место, я давно уже знаю. Совет мой: взять место <...> А наконец Ладога. Уездный город в твои лета опасен, да еще такой скверный и скучный. Конечно, и на железной дороге компания наверно скверная. Но по-моему и в первейшей канцелярии компания также развращенная и скверная, только манеры другие. Вот поэтому Петербург тебе полезнее, потому что в нем больше людей найдешь <...> И знай, что не для того я советую тебе место взять (и не для одного жалованья), что ты, получая жалованье, меня облегчишь. Знай, что хоть у меня теперь и ни копейки лишней, но до сих пор, покамест я жив, я твой друг и последним поделюсь с тобой, сколько бы тебе лет не было. Я тебе советую взять для труда. Первое дело труд. Так точно любит тебя и Анна Григорьевна <...>

Мне теперь всего выгоднее устроиться где-нибудь месяца на 3 безвыездно <...> Через три—четыре месяца Анна Григорьевна родит. <...>

Твой, любящий тебя всей душой

Ф. Достоевский

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[122]:

19 февраля 1868 г. Женева

Милый, дорогой, бесценный мой Паша, прости меня, голубчик, что не тотчас отвечал на твое письмо. Занят был ужасно; но твоему письму я обрадовался как не знаю чему. Я, друг мой, думал, что ты за что-нибудь сердишься на меня, и ужасно страдал сердцем (поверь мне) <...>

<...> Но вот что напишу тебе теперь: три дня назад, то есть по нашему 15 числа февраля, я послал к Каткову письмо, в котором прошу его убедительнейше, чтоб он, между прочим, прислал на имя Аполлона Николаевича Майкова (в Петербург) — 200 р. Аполлону же Николаевичу писал сегодня и просил его очень распорядиться этими деньгами так, чтоб 100 р. были выданы Эмилии Федоровне; 50 р (пятьдесят рублей) тебе и 50 р. Анне Николаевне [А.Н. Сниткиной — матери Анны Григорьевны — прим. авт.] за проценты за нашу мебель и вещи <...>

Не ропщи на меня и не претендуй, дорогой мой и милый мне всегда Паша, что я Эмилии Федоровне посылаю 100 р., а тебе только 50. Но, друг мой, ты все-таки один, а она не одна. Сам ты пишешь, что нужды у ней много. Да и Феде надо помочь; он трудится и дай ему бог. Я его люблю очень. И тоже готов бы все отдать, да покамест нечего.

О тебе же скажу, что ты меня очень обрадовал, что решился взять место и стал работать. [сразу после своего двадцатилетия с 10 ноября 1867 г. Исаев приступил к службе в петербургском Адресном столе с жалованьем 25 руб. в месяц — прим. авт.] Я уважаю тебя за это, Паша. Это благородно. Конечно, место неважное; но ведь и ты еще молод; подожди. Но знай, что ты не оставлен мною. Покамест я жив, ты будешь сын мой, и сын дорогой и милый. Я твоей матери клялся не оставить тебя еще накануне ее смерти. Я тебя еще малого ребенка назвал сыном моим. Могу ли я тебя оставить и забыть? Когда я женился и когда ты мне тогда намекал, что теперь твоя роль будет другая — я тебе ничего не отвечал, потому что мне тогда твое предположение было обидно. Теперь признаюсь тебе в этом. Знай же, что ты всегда останешься моим сыном, моим старшим сыном, и не по долгу, а по сердцу.

Если я на тебя часто кричал и сердился, — то таков мой несчастный характер, а я тебя люблю так, как редко кого любил.

Как только ворочусь в Петербург, то употреблю все средства и усилия, чтоб достать тебе место получше, и деньгами всегда буду помогать тебе, пока живу и когда будут хоть какие-нибудь деньги <...>.

Все мои надежды, разумеется, на моем романе. Удастся он — продам 2-е издание, заплачу долги и ворочусь в Россию. Сверх того, могу еще вперед взять из журнала. Но боюсь, что выйдет плох. Мысль мне очень нравится; но ведь как исполнение! Называется «Идиот». 1-я часть вышла в «Русском вестнике». Не читал ли? Главное, если б удался; тогда все спасено. <...>

<...> У кого ты живешь? Не у Прасковьи ли Петровны? То кланяйся и целуй Ваню. <...> Прощай, Паша, обнимаю тебя и целую крепко-крепко, как дорогого и милого сына.

Твой весь Ф. Достоевский

У Анны Григорьевны Достоевской было совсем другое мнение относительно Паши и Вани; двух неустроенных сирот.

Достоевские ждали ребенка. 22 февраля 1868 г. у них родилась дочь Софья, названная в честь Софьи Александровны Ивановой, племянницы Федора Михайловича.

Из письма Ф.М.Достоевского Э.Ф.Достоевской[123]:

26 февраля 1868 г. Женева

<...> Паша писал дней 5 тому назад. Но тогда еще Соня не родилась. Уведомьте его от моего имени о рождении сестры, которую и прошу его любить. Ребенок здоровый, большой, сильный и необыкновенно на меня похожа. Соней назвали в честь Сонечки Ивановой. Если б мальчик был, то был бы Миша, в честь милого и незабвенного нашего покойника <...>

События стремительно развивались. 2 марта 1868 г. Достоевский послал из Женевы А.Н.Майкову взволнованное письмо[124]:

«... нахожусь в ужаснейшем волнении и беспокойстве, потому что получил и другое письмо (от Анны Николаевны, матери жены) с странным известием: что Паша был у ней, говорил заносчиво, что он «знать не хочет, что я нуждаюсь, что я обязан его содержать и что теперь от Каткова много денег будет», вследствие чего объявил, что поедет в Москву, лично увидится с Катковым, разъяснит ему свое положение и спросит, на мой счет, денег. Анна Николаевна положительно уведомляет, что он уже уехал в Москву, 15 февраля нашего стиля, а с начальством своим поссорился, так что она боится, чтоб его не выключили.

Можете себе представить теперь мое положение? Каково положение перед Катковым. <...> Каково же представить, что он явится к Каткову, среди его действительно огромных занятий,

и начнет декламировать, а может быть, говорить и дерзости, и, даже разумеется, меня черня по возможности!

Наконец: я вчера заложил последнее свое пальто, имею всего тридцать франков и сорок для отдачи сиделке, 100 франков нужно отдать повивальной бабке, 120 франков квартира и прислуга к 20-му марта, то есть через 6 дней (экстренные цены за этот месяц) и на 300 франков долгу за заложенное имущество. Ровно через шесть дней у меня кончатся мои 30 франков, и тогда ни копейки, и нечего заложить, и весь кредит истощен. Вся моя надежда была на то, что Катков исполнит просьбу мою о 500 рублях, вышлет Вам двести (как я писал), и 300 р. мне сюда. <...> Ну что тогда будет? Ведь я погиб, и уже не просто, и втройне погиб, потому что жена уже родила и больна. Между тем получаю вчера Ваше письмо; хоть числа и не обозначено, но на пакете значится, что принято в почтамте петербургском 26 февраля. В письме этом Вы ни слова не упоминаете об этом приключении. Стало быть, может быть и неправда. И, однако, Анна Николаевна уведомляет положительно <...> Сижу теперь раздавленный и измученный и не понимаю, что делать. Думал сегодня же написать Каткову и извиниться перед ним, разъяснив ему все обстоятельства <...>

<...> Во всяком случае, умоляю Вас, голубчик: исследуйте это дело и пришлите мне немедленно сведение; ибо я умру с тоски.

Если же это неверно, если Паша только говорил, а не сделал, то есть если он в Москву не ездил, с Катковым не говорил и даже не писал ему (это почти что все равно, впрочем). То есть писать или видиться лично — то, пожалуйста, не говорите Паше, что это я знаю через Анну Николаевну. Боюсь, что он ей очень нагрубит. Одним словом, во всяком случае, про Анну Николаевну ему ни слова <...> С своей стороны, скажу Вам, что мне жаль Пашу; я его не ужасно виню: действительно, молодость, совершенная невыдержанность. Это надо извинить и не поступать круто, потому что до погибели, будучи таким дурачком, — недалеко. <...> Я думал, что, поступив на службу, он понял наконец, что честный труд его обязанность, равно как и всякого, и что нельзя же упорно и никого не слушая, как бы дав себе слово — ничего не делать и стать на том. А он, как теперь я понимаю, вообразил, что он мне этим милость сделал, что стал служить. И кто вбил ему в голову, что я обязан его содержать вечно, даже после 21-го года? Слова его Анне Николаевне (которые, уж конечно, верны): «Я знать не хочу, что он сам нуждается; он обязан меня содержать», слишком значительны в известном смысле для меня: это значит, что он не любит меня». <...> Вся надежда на Каткова и беспрерывная мысль: а что если не пришлют? Измучившее нас обоих известие о Паше».

Из письма Ф.М.Достоевского М.Н.Каткову[125]:

3—5 марта 1868 г. Женева

<...> Меня уведомили, и уведомили положительно, что пасынок мой, Павел Александрович Исаев, молодой человек около двадцати одного года, отправился из Петербурга в Москву, в конце февраля, с целью явиться к Вам и испросить у Вас денег, в счет моей работы, — от моего имени, или прямо для себя — не знаю. Получив это известие, я был убит и не знал что делать. Вы так деликатно со мной поступали и вдруг, через меня, такое беспокойство! Но так как это очень могло быть (а если не было, то еще может случиться), то позвольте мне сделать некоторые объяснения.

Уезжая за границу, я оставил моего пасынка, всегда жившего со мною, под косвенным, нравственным надзором искреннего и доброго друга моего Аполлона Николаевича Майкова, через которого и пересылал все что мог для его содержания. Этот пасынок мой — добрый честный мальчик, и это действительно; но, к несчатию, с характером удивительным: он положительно дал себе слово, с детства, ничего не делать, не имея при этом ни малейшего состояния и имея при этом самые нелепые понятия о жизни. Из гимназии ой выключен еще в детстве, за детскую шалость. После того у него перебывало человек пять учителей; но он ничего не хотел делать, несмотря на все просьбы мои, и до сих пор не знает таблицы умножения <...> Тем не менее, повторяю, до сих пор, лично, он мил, добр, услужлив при истинном благородстве; немного заносчив и нетерпелив, но совершенно честен. Уезжая, я оставил ему денег, потом присылал сколько мог <...> Он служил месяца два в Петербурге в адресном столе (место, конечно, по способностям). Вдруг слышу, что он поссорился с начальством и отправился в Москву, прямо к Вам, чтоб взять у Вас денег, на том основании, что я «обязан его содержать».

Обязанность эту я признаю, но только свободно в сердце, потому что искренно люблю его, взрастив его с детства, и по убеждениям моим понимаю, что значит ожесточить строгостию молодой и легкомысленный характер. Я сам-то, может, был еще легкомысленнее в его летах, хотя, впрочем, учился. Тем не менее мне бы очень хотелось и я хотел осторожно довести до того, чтоб он понял сам, что нельзя быть праздным, достигши полного совершеннолетия. <...> Пишу к Вам, чтоб извиниться перед Вами и попросить Вас не выдавать ему ничего, <...> я никогда не оставлю глупенького мальчика, пока буду иметь хоть малейшую возможность, — но простите, ради бога, если он Вас обеспокоил. Вы поступали так деликатно со мой, что мне слишком тяжело было узнать об этом. <...>

<…> P.S. На всякий случай все еще не веря в справедливость первого известия, остановил отсылку письма, в надежде получить какое-нибудь разъяснение через новое известие. Сейчас получил письмо, в котором уведомляют меня, что пасынок мой был у Вас и уже воротился и говорил, что Вы обещали ему в скором времени дать денег. <…>

Что это за письмо неизвестно, но вероятнее всего оно было написано А.Н. Сниткиной.

А.Н.Майков 7 марта 1868 г. ответил на письмо Достоевского о Павле Исаеве[126]:

<…> «Ездил он или нет — не знаю, но она [А.Н. Сниткина, — ред.] говорит, что он неделю пропадал; из его слов (он был дня три тому назад) видно, что живет (или жил) в доме Тура на углу Вознесенской.

Из письма Исаева, от 31 мая 1868 г. Достоевский узнал, что тот не собирался в Москву, а ездил в Псков, надеясь занять денег у тетки С.Д. Констант; квартирной же хозяйке своей он действительно сказал, что едет в Москву за деньгами. Далее в письме сообщалось: «Анна Николаевна, услышав от хозяйки, куда я уехал, стала вдруг меня подозревать в самом нелепейшем поступке: ей показалось, что я с письмом Анны Григорьевны отправился к Каткову просить у него денег. Не знаю, правда ли, но носился слух, что она тотчас же послала об этом депешу в Москву. Все бы это ничего, бог с ними, с этими происшествиями, но зачем же, не узнав хорошенько дела, писать Вам, расстраивать Вас, заставить Вас писать Аполлону Николаевичу письмо за письмом за справками, наконец, вооружить всем этим Вас против меня <…>

Действительно, скверная история: поставили в неловкое положение двух уважаемых людей — самого Ф.М.Достоевского и его основного издателя и кредитора, выставив в дурном свете Павла Исаева. И не только это.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[127]:

21—22 марта 1868 г. Женева

<…> Очень рад, что Вы Паше выдали 50 руб., не 25. Ничего. Рад ужасно, что он на службе. (Исаев поступил на службу в Архив Царства Польского к А.Е. Разину, хорошему знакомому Ф.М.Достоевского). Голубчик, наведывайтесь иногда, изредка хоть о нем! Если буду ему писать, то напишу, что я, узнав от Вас, что Вы ему выдали заимообразно 25 р. — уже заплатил Вам. Только вот что: неужели и Паша не напишет мне ничего и не поздравит с Соней. Другие поздравили: Вы, Страхов из Москвы, знакомые Анны Григорьевны из Петербурга, а от Паши — не только и теперь нет

ничего, но даже и ответа на мое письмо, которое я месяца полтора писал ему, адресуя на Ваше имя (получали ли Вы? Вы об этом что-то не упоминаете), ответа не получил. А на то письмо можно бы было ответить <...>

<...> (Эмилию Федоровну я официально, торжественно уведомил, что у меня родилась дочь, — ничего, никакого от нее ответа! Да и прежде, на чрезвычайно важный от меня спрос насчет их квартиры и хозяина дома Алонкина, — никакого от нее ответу не было. Даже удивляет меня. Ведь это даже уже грубо до безобразия!)

Насчет завещания и прочих Ваших советов я ведь всегда, всегда был совершенно Ваших мнений сам. Но, друг мой, искренний и преданный друг (может быть, единственный!), к чему Вы меня таким добрым и щедрым считаете! Нет, друг мой, нет, я не бог знает как добр, и это меня печалит. А Пашу мне бедная Марья Дмитриевна на смертном одре оставила! Как можно совсем бросить? (Да этого Вы и не советуете). Нет-нет, а все-таки надо помочь, тем более, что я его искренно люблю; я ведь его в моем доме больше 10 лет растил! Все равно что сын. Мы с ним жили вместе. И в таких ранних летах, и одного, на свои собственные руки оставить — да разве то возможно! Все-таки хоть иногда, как я ни беден, а надо помочь. Ветрогон он большой, правда; да ведь я, может быть, в его лета, еще хуже его был (я помню). Тут-то и поддержать. Доброе, хорошее впечатление в его сердце теперь оставить, — это ему при дальнейшем развитии пригодится. А что он служит и сам добывает теперь, — этому я ужасно, ужасно рад, — пусть поработает. А Вас обнимаю и целю братски за то, что Вы ходили к Разину и там о нем заботились <...>

В своем мартовском письме А.Н.Майков сообщает[128]:

<...> Краем уха слышал я, что здесь ходят такие толки: хорошо, что у Вас родилась дочь, а не сын, потому что в случае Вашей смерти сочинения Ваши наследует семейство брата, а не жена и дочь, если Ф.М. не сделает завещания <...> не худо Вам сделать такое распоряжение, кто знает — может быть, затеют процесс, если что-либо такое свершится...»

Достоевский после этого письма сразу же набросал проект «заявления», состоящий из трех пунктов, по которому А.Г.Достоевской в случае смерти мужа предоставлялось право на полную собственность и издание его сочинений, а также права по контракту со Стелловским.

Неблаговидную роль здесь сыграла информация о положении вещей в отношении близких к Ф.М.Достоевскому людей со стороны А.Н.Майкова, претендующего в этом деле на объективность.

12 мая 1868 г. Достоевских постигло большое горе: внезапно тяжело заболела и скоропостижно скончалась горячо любимая дочь Соня.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[129]:

9 июня 1868 г. Веве (на Женевском озере)

<...> Добрый мой голубчик Паша, во первых целую и обнимаю тебя. Получил наконец от тебя большое письмо. Ты пишешь, что послал мне до этого четыре письма: ни одного я не получил и удивляюсь, как они могли не дойти <...> К зиме тоже надеюсь быть в Петербурге <...>

<...> Об служебах твоих и отчасти о подробностях я слышал и от Ап<оллона> Николаевича и от Анны Николаевны. Не знаю, Паша, кто тут виноват: конечно, все, что пишешь, очень может быть справедливо, но не зная подробностей, невозможно судить. Но во всяком случае, милый друг мой, прошу тебя очень — будь вперед с начальством терпеливее, скромнее и сносливее. Иначе невозможно, клянусь тебе, на службе. Вежливость и рассудок никогда и нигде не считались низостью, или угодливостью, или лестию.

Судя по письму твоему ко мне (то есть по тому, как оно написано), думаю, что ты можешь работать над судебными бумагами. Ты пишешь очень порядочно, и с этим тебя поздравляю. О, как рад бы я был, если б ты мог достать опять место. Что же касается до брезгания иными местами, как низкими, — то это нелепость. Места низкого или унизительного нет. Но ты это, вероятно, понимаешь очень, особенно в твоем положении. <...>

Я переехал в Вевей и месяца три сряду буду работать день и ночь, чтобы кончить роман. Я думаю и даже надеюсь на удачу. Но я очень несчастен теперь, Паша! Бог поразил меня. Моя Соня умерла, и мы уже ее схоронили. Спасибо тебе, голубчик, за горячие твои пожелания и поздравления со счастьем, но вот каково мое счастье. Ох Паша, мне до того тяжело и горько, что лучше бы умереть. Если любишь меня хоть немного — пожалей! <...>

<...> Прощай, голубчик, обнимаю тебя, до свидания. Пиши немедленно. Я запоздал работой романа и до того спешу догнать, что минутки нет свободного времени и потому никому не отвечаю, даже Аполлону Николаевичу не успел еще ответить на его последнее дорогое письмо. Уважай и люби этого человека. Обнимаю всех вас сердечно: тебя, Эмилию Федоровну, Федю милого, Мишу (поцелуй его крепко) и Катю. <...> Если Колю увидишь, передай ему мой братский поцелуй и расскажи о моем горе. Пиши же.

Твой всегдашний и очень любящий

Ф. Достоевский.

Из письма Ф.М.Достоевского Э.Ф.Достоевской[130]:

9 августа 1868 г. Веве

<...> Вы напрасно, Эмилия Федоровна, пишете в Вашем письме, что будто бы нас, то есть меня с Вами, кто-то хочет поссорить и что это грешно перед богом. Будьте уверены, что нас никто не ссорит и не хочет ссорить; даже совершенно напротив. Примите эти слова буквально. Мне, который отослал 2,5 месяца в Петербург (хоть и Паше, но прямо касающееся Вас) письмо и с тех пор вот уже два месяца жду ответа и нахожусь в чрезвычайном беспокойстве, — мне вдруг пишут обвинение, что я шесть месяцев не писал! После этого, конечно, не знаешь что и подумать. <...>

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[131]:

22 сентября 1868 г. Милан

<...> Сходи к Марье Григорьевне (М.Г. Сниткoвская, сестра жены писателя А.Г.Достоевской) <...> Попроси ее похлопотать за тебя еще раз и поискать тебе места; я ее уже просил. Это очень добрая и благородная женщина; она искренно тебе добра желает. Она выдаст тебе 3 руб. от нас, чтоб ты страховал ко мне свои письма. Я хочу, чтоб они доходили ко мне и чтоб не было между нами таких ужасных недоразумений, как еще недавно.

Очень мне тяжело, друг мой, что я все еще принужден оставаться за границей. Но так или иначе, а надо очень скоро уладить мне мои дела. Кончу работу в Русс<ком> вестнике и тогда надо будет вернуться. В Петербурге мне гораздо удобнее зарабатывать деньги, чем здесь <...>

<...> Обнимаю тебя, голубчик Паша, и дай бог нам поскорее свидеться.

Тебя искренно любящий твой отец Федор Достоевский

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[132]:

26 октября 1868 г. Милан

<...> Кроме того, — нет русской жизни, нет впечатлений русских кругом, а для работы моей это было всегда необходимо <...>

<...> Переехав в Россию, я бы знал чем заняться и добыть денег; я таки добывал их в свое время. А здесь я тупею и ограничиваюсь, от России отстаю. Русского воздуха нет и людей нет. Я не понимаю, наконец, совсем русских эмигрантов. Это — сумасшествие! <...>

<...> Придет и для меня рассвет, а главное, хотелось бы мне в Россию. В России я бы обернулся лучше. И подумать еще, что Соня наверно была бы жива, если б мы были в России!

Анна Григорьевна Вас любит и об Вас думает и говорит с радостию. Передайте мой и ее поклон усердный (она уже три раза спрашивала сегодня, пишу ли я от нее поклон) — Вашей супруге, и Вашим родителям. <...>

Остается только догадываться, что удерживало Ф.М.Достоевского за границей.

Майков все же пристроил Пашу в Канцелярию министра государственных имуществ к А.У.Порецкому, который служил в это время там начальником инспекторского отдела.

Доверие Достоевского к Павлу Исаеву было изрядно подорвано.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[133]:

11 декабря 1868. Флоренция

<...> Благодарю Вас очень, родной мой, что пристроили Пашу. Уж если у Порецкого не уживется, — то чего же ему надобно? <...>

<...> Что делать, друг мой, невозможно! Паше-то надо хоть чем-нибудь помочь, а Эмилия Федоровна хоть и враг мой исконный (не знаю за что), хоть и ненавидит меня, но невозможно этот раз не дать ей хоть 50 руб. Ах, друг мой, Вы не поверите, что за глупость и что за наглость в этих головах. «Он, дескать, обязан нам помогать», — стала на том!

Почему же, позвольте спросить, обязан. Я из сострадания, да еще единственно потому, что она жена брата, готов помочь чем могу, но обязанным себя отнюдь не считаю. Она основывается на том, что брат Миша посылал мне деньги в Сибирь. Но это было в сложности так немного, что я уже, по крайней мере, в пять раз более отдал и ему и им. Я в Сибири 2000 руб. за две мои напечатанные тогда повести получил, — не мог он мне все помогать. Я еще при жизни его ему отдал. Она говорит про меня: «Он нас разорил, мы имели фабрику, жили богато; он приехал и уговорил начать журнал (чтоб печатать свои сочинения, которые другие журналы не принимали; это прибавляет Владиславлев [ВладиславлевМ.И. — философ, профессор Петербургского университета; в 1865 г. женился на дочери М.М.Достоевского Марии Михайловне — прим. авт.]. Но когда я приехал, фабрика была в упадке; папиросы, которые пошли вначале, совершенно лопнули под конец <...>; долгов же было пропасть, и он все охал, предчувствуя банкротство <...>. Журнал основан был им и затем по его идее и с 1-го года имел 4000 с лишком подписчиков, в продолжение 4-х лет, это значит minimum 20 000 руб. серебр. чистого барыша ежегодно. <...> Журнал спас брата от банкротства. Я же получал за все мое сотрудничество никогда не более семи или восьми тысяч в год. Запрещение журнала разорило брата. Когда он умер, были долги. Скажите, ради бога, что бы сказало это семейство, если б я отказался продолжить журнал? Они закричали бы: у нас было состояние, да дядя, бывший пополам с братом (а я никогда не был пополам), отказался издавать и нас разорил. Это буквально слова Феди в клубе: у нас было имение, но дядя так плохо вел дела,

что нас разорил. А я выпросил тогда у тетки 10 000 и дал на журнал <...>. Журнал не пошел, потому что думали, что я умер (ведь я это положительно знаю!), а не брат (нас всегда смешивали), да и редактором уж имя Достоевского не стояло. Лопнул журнал — и все долги на меня упали. <...> Ну, приеду в Петербург — другое пойдет. Я их наконец вразумлю. <...>

<...> А Паше надо помочь хоть капельку, хотя он не так ведет себя, как бы я желал. Зачем он лжет беспрерывно. Он уверяет, что письма его пропадают поминутно. Ни одно письмо, ни от кого, не пропало, только у него одного пропадают. Он мне писал, что Гаврилов мог бы дать ему взаймы под мое обеспечение. Я написал бумагу, что должен Гаврилову, и, сверх того, послал другую в обеспечение займа, будущими деньгами, которые наверно получу от Стелловского в этом или будущем году. Так у нас по контракту. Эти две бумаги до сих пор у Паши. Он мне писал, что Гаврилов не согласился. Я потребовал от Паши высылки мне назад моих бумаг; но он не высылает теперь на настоятельные приказания мои ему (через Эм<илию> Федоровну) обещался выслать одну бумагу. Я напишу ему теперь, чтоб он обе бумаги принес и отдал Вам. (Вас же прошу сохранить их до моего приезда). Боюсь думать, но тут может быть какая-нибудь непорядочность с его стороны. Спросите у него эти бумаги <...>.

<...> Паше всех моих подозрений не сообщайте <...>.

Изложенные в этом письме факты основательны и убедительны, но сам же тон изложения этих фактов несвойственен характеру Федора Михайловича. Чувствуется влияние другого лица, практичного и расчетливого, с нотками раздражительности и бескомпромиссности. Этим лицом безусловно была Анна Григорьевна Достоевская, не без основания, обеспокоенная нежелательными и несправедливыми, с ее точки зрения, притязаниями родственников мужа на материальное благополучие своей семьи в будущем.

Федор Михайлович понимал двойственность своего положения за границей.

Из письма Ф.М.Достоевского Э.Ф.Достоевской[134]:

23.01—14.02. 1869 Флоренция

<...> Находясь так далеко от России, чувствую, что мне очень трудно и даже не выгодно вести мои дела, даже хоть как-нибудь. В Петербурге бывали дела гораздо потруднее и оборачивались иногда очень счастливо. Если б я остался в Петербурге, то давно бы расплатился с кредиторами. И втрое больше отдал в такой срок (в 2 года), когда жил в России. А теперь вышло то, что еще увеличились долги и кредиторы мои своим нетерпением сделали то, что ни себе, ни другим, — сами не получили и меня расстроили, да так, что совсем почти руки отняли <...>

<...> Я очень рад, что Паша живет вместе с Вами. Очень бы желал получить от него хоть несколько строк. Но всего больше желаю, чтоб он укрепился на своем служебном месте и старался. Уж такого начальника как Порецкий и вообразить нельзя другого.

Из письма Ф.М.Достоевского Н.Н. Страхову[135]:

26.02.1869 г. Флоренция

<...> но ведь Эмилия Федоровна чуть с голоду не умирает, как было не помочь! При мрачном положении моем мысль, что вот и еще преданный человек оставляет меня, — мне ужасно мучительна <...>

В 1868–70 гг. Исаев жил попеременно то в семье Э.Ф.Достоевской, то у П.П.Аникеевой.

Отношения с семьей покойного М.М.Достоевского ухудшались день ото дня, и немалую роль здесь играла Анна Григорьевна.

Из письма Ф.М.Достоевского С.А.Ивановой[136]:

8 марта 1869, Флоренция

<...> Вообще вся эта семья, так мне близкая, меня приводит в отчаяние. Эмилия Федоровна жалуется на свою бедность, дочь Катя растет в большой тоске. Миша, которого Вы не знаете и который лучше Феди, почти ничего не делает и все же ищет места. При мне было бы им лучше. Мысль об них меня беспрерывно мучает, я уже не говорю о Паше. Ах, ангел мой, Вы не знаете, до какой степени я уже успел принять от них всякой неприятности. Злоба, клевета, насмешки — все это на меня. Эмилия Федоровна уверяет, что у них была фабрика и они, до моего приезда, жили богато <...>

<...> Как они злобно смотрели на мою свадьбу (я разумею Эмилию Федоровну, Владиславлевых, Катю и, может быть, Пашу), какие насмешки они говорили тогда, что они внушали про меня, потихоньку, Анне Григорьевне, как пугали ее, как мерзили ей меня! (Все это я теперь узнал; все это факты, уверяю Вас) <...>

<...> Они же костят меня и ругают (это я знаю положительно) за то «что я их бросил, тогда как брат меня содержал в Сибири» <...>

У каждого была своя правда...

В отношении Павла Исаева у Федора Михайловича всё же преобладали отцовские чувства.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[137]:

14 августа 1869 г. Дрезден

<...> Но еще просьба, дорогой друг! Напишите мне что-нибудь о Паше! Я томлюсь и мучаюсь, думая и раздумывая о нем. Я знаю, что он получает жалование — если только продолжает служить, но мне ужасно как хотелось бы ему помочь. В настоящую

минуту не имею ни копейки лишней; но через месяц или недель через 5 отправлю в «Зарю» повесть, которая по объему, кажется, наверно, будет стоить более того, что я взял вперед из «Зари». Тогда можно немножко опять уделить Паше (немного все же лучше, чем совсем ничего). Мне же самому бог знает как нужны будут к тому времени деньги <...>

В ответ на эту просьбу А.Н.Майков писал 21.09.1869 г. из Петербурга: *«Он [П.А.Исаев — прим. авт.] от времени до времени заходит и все спрашивает Ваш адрес: и куда писать? И я все даю Ваш адрес, и мы удивляемся оба — отчего его письма не доходят?* <...> *Он говорил мне, что стоя на службе у Порецкого, имеет от него льготу, вследствие коей служит у нотариуса, изучил нотариальную часть и получает 20 р. жалования.*

Жалование же казенное идет на плату долга какой-то старушке, немке, которая приходила и ко мне и говорила, что вас всех знает; и Марью Дмитриевну, кажется, даже и ее первого мужа знала. <...>

Похоже, что Анна Григорьевна хорошо изучила руку П.А.Исаева.

14 сентября 1869 г. У Ф.М.Достоевского родилась дочь, получившая имя Любовь.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[138]:

17 сентября 1869 г. Дрезден

<...> *Во-первых, три дня тому (14 сентября) родилась у меня дочь, ЛЮБОВЬ. Все обошлось превосходно, и ребенок большой, здоровый и красавица. Мы с Аней счастливы. (Вспомните, что мы Вас зовем крестить; Аня просит Вас сложа руки и непременно Вас; дайте же ответ.)* <...>

Получив известия из Петербурга от А.Н.Майкова о том, что Паша образумился, работает и даже осваивает нотариальное делопроизводство, Федор Михайлович решил привлечь его к своим издательским делам.

Из писем Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[139]:

16, 27 октября 1869 г. Дрезден

<...> *Чувствую только, что в деле с Стелловским Вам и Паше необходимо познакомиться с копией прежнего моего контракта с Стелловским, которая у меня хранится. Сниму копию с этой копии и Вам вышлю, сообщите Паше, ибо тут виднее крючки от Стелловского при теперешнем предложении* <...>

В приписке к письму П.А.Исаева к Ф.М.Достоевскому от 3 сентября 1869 г. Майков писал: «Дело со Стелловским мне кажется серьезным, по крайней мере что касается «Идиота», то есть если за

него получите 1000 р <...> Засим я вообще согласен с замечаниями Паши и готов присутствовать при заключении с ним условия у Стелловского. Ожидаем Ваших распоряжений. На днях же вышлет Вам доверенность в черновом, — со своим письмом...» В своем письме Исаев подробно рассказывал о предпринятых им попытках продать право отдельного издания романа «Идиот» и «Преступление и наказание» разным книгоиздателям: А.С. Ушакову, М.Г. Гаврилову, А.Ф. Базунову, М.А. Хану и наконец Ф.Т. Стелловскому:

<...> Теперь о Стелловском. Посылаю Вам при этом копию с копии контракта моего с ним в 65-м году, переписанную точнейшим образом, даже с соблюдением грамматических ошибок подлинника. К этому контракту принудил меня Стелловский силою, пустив на меня тогда (через Бочарова) векселя Демиса и Гаврилова и грозя засадить меня в тюрьму, так что уж и помощник квартального приходил ко мне для исполнения. Но я с помощником квартального тогда подружился, и он мне много тогда способствовал разными сведениями, которые потом пригодились для «Преступления и наказания». Контракт этот ужасен. Прошу Вас — сообщите его Паше немедленно. Пусть просмотрит внимательно вместе с своим нотариусом. Ибо Стелловский такая шельма, что подденет, где и не предполагаешь <...> Проект контракта пусть Паша составит с своим нотариусом, принесет Вам на усмотрение и пришлет ко мне, а там уже предложить Стелловскому на окончательное его решение. Но непременно руководствоваться Паше и нотариусу высылаемой теперь копией внимательно <...>

<...> Впрочем, все увидим на деле. Но дело-то надо повести поскорее. Стелловский не может не напечатать «Преступл<ения> и наказания», то есть отказаться от своего права, а стало быть, ему могло бы быть выгодно напечатать и «Идиота». Стало быть, это дело может быть и в самом деле серьезным. А мне 1000 руб. ух как была бы нужна. <...>

<...> Всего бы лучше, чтобы право на издание «Идиота» кончалось с правом на издание сочинений. Одним словом, сообщите этот листок Паше. Поблагодарите его, голубчика, за его старания. Напишу ему. (И как он поумнел, судя по его письму). А дело, если его делать, то как можно скорее. Только, во всяком случае, нужно помнить неустанно, что Стелловский шельма, и тем руководствоваться. Из этой 1000 руб. Стелловского, если устроится, — помогу и Паше и Эмилии Федоровне.

<...> До свидания, дорогой мой. Анна Григорьевна Вам кланяется и благодарит. Люба здорова и начинает все понимать. Люба кланяется Вам и Паше <...>

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[140]:

10.12.1869 г. Дрезден.

Любезнейший друг мой Паша, давно не писал тебе, но всегда о тебе заботился в мыслях моих. Впрочем, и ты меня порядочно забывал. Однако скажу, что люблю тебя по-прежнему и более всего рад тому, что ты сумел поставить себя на порядочную ногу. Ты да Люба, которой уже почти три месяца, — мои дети, и всегда так будет. Благодарю тебя за хлопоты и старания по моим делам <...> и во 1-х, посылаю тебе доверенность на продажу «Идиота». <...> Стелловскому мой листочек, тебе посылаемый, не показывай, а перепиши сам и покажи ему уже в окончательной форме. Впрочем, ты и сам поступишь осторожно, я уверен. <...> Если же Стелловский заспорит в чем или захочет редактировать по-своему, то уступи ему, имея в виду скорейшее окончание дела. Разумеется, не уступай самого существенного. Но даже если и тут будет что, то посоветуйся с Аполлоном Николаевичем и реши по его совету. Если же крайне важное что-нибудь, то уж тогда только мне пиши. Но во всяком случае не затягивать дела; деньги теперь всего для меня нужнее <...>.

<...> 9-й пункт оставляю на твое усмотрение. Тут главное — получить деньги...

<...> Вообще же, прошу тебя: 1) не показывай это письмо Стелловскому; 2) не показывай Стелловскому вида, что я очень тороплюсь и нуждаюсь, но и не проси перед ним в обратном виде, то есть что я не нуждаюсь, и веди дело ровно и как можно более (то есть снаружи только) показывай ему вид, что имеешь к нему полную доверенность. <...> Деньги вручи, в случае благополучного решения Аполлону Николаевичу. Возьми себе из них 50 руб., если тебе надо <...>.

Твой весь и тебя любящий Ф.Достоевский.

Так как информация о высылки из Дрездена доверенности Ф.Н.Достоевского П.А.Исаеву на право издания романа «Идиот» до сих пор вызывает определенный интерес у некоторой части специалистов, связанных с творчеством писателя, ниже приведены основные пункты контракта по этой доверенности[141]:

1) Я, Исаев, на основании доверенности, выданной мне отставным подпоручиком Федором Михайловичем Достоевским, предоставляю Стелловскому право издания романа «Идиот», за тысячу рублей серебром, составляющего собственность моего доверителя; напечатанного доверителем моим Федором Михайловичем Достоевским в журнале «Русский вестник» в 1868 году и оконченного печатанием в том же журнале в 1969 году в виде приложения.

2) Вышеозначенный роман «Идиот» может быть отпечатан Стелловским не иначе как совершенно по тексту «Русского вестника», без всяких изменений, кроме обыкновенных корректурных исправлений и ошибок.

3) Вышеозначенный роман «Идиот», собственно доверителю моему принадлежащий, по настоящее время никому им, доверителем моим, не запродан, не заложен, и Стелловский имеет право со дня подписания сего условия также и в продолжение всего срока сего условия издавать и печатать означенное сочинение доверителя моего в формате полного собрания сочинений русских авторов, предпринимаемого им, Стелловским, издания, в таком количестве экземпляров, какое понадобится по его, Стелловского, усмотрению, и продавать оные в его, Стелловского, пользу.

4) Стелловский не имеет права издавать и продавать роман «Идиот» в переверстанном виде, и должен издавать и продавать оный только в формате издания «полного собрания сочинений русских авторов», предпринятого Стелловским, в противном случае он, Стелловский, обязуется уплатить моему доверителю тысячу рублей неустойки и вслед за тем условия будет считаться нарушенным.

5) Срок сего условия считать со дня заключения и подписания сего контракта по первое января тысяча восемьсот семьдесят третьего года.

6) Доверитель мой с своей стороны обязан в продолжение сего срока, то есть до первого января тысяча восемьсот семьдесят третьего года, не приступать ни сам лично, ни наследники его, ни то лицо, кому он захотел передать право издания романа «Идиот» при его жизни или по смерти его, к изданию поименованного в сем условии романа. В противном случае доверитель мой или его наследники платят Стелловскому в виде неустойки тысячу рублей серебром, предоставляя при том право Стелловскому обратить в свою пользу напечатанные кем бы то ни было вопреки сему условию экземпляры романа «Идиот», означенного в сем условии.

7) Право издания романа «Идиот» по вышеописанным пунктам сего условия не касается до права издания других сочинений моего доверителя <…>

10) Условие сие с обеих сторон хранить ненарушимо. Подлинное иметь Стелловскому, а засвидетельствованную с оного копию Исаеву.

Федор Михайлович по-отцовски был явно доволен успехами своего приемного сына[143]: <…> Письмо П.А.Исаева от 3 сентября 1869 г. свидетельствовало о том, что он обнаружил и способность к практическому ведению дел, определенную «сметку» и даже хватку, необходимую осторожность, и даже некоторую самокритичность:

«Я сознаюсь, — писал он, — что по прежней своей глупой манере относиться к каждому делу как-то легко и небрежно, — я сделал Вам много огорчений и заставил Вас, может быть, против Вашей же воли, злиться на меня, в чем, конечно, чистосердечно признаюсь <...> Я очень хорошо понимаю, как дело ни будь пусто, к нему следует относиться толково, не небрежно<...> Говорю, понимаю теперь, потому что прежде в жизни ничего не смыслил, ко всему относился легко; теперь, по крайней мере, понял жизнь, понял отношения людей. Но недешево мне это стоило, нахлебался всякой гадости достаточно.

Относительно доверенности Исаев сообщал Достоевскому: *«Сообразжаясь с условием Стелловского и со всем, что касается этого дела, я <...> поручил нотариусу составить, <...> черновую доверенность <...>Доверенность Вам придется самому писать, и что нужно, по усмотрению, из черновой переделать; явить у местного консула, он засвидетельствует Вашу подпись. Доверенность эту здесь надо представить в Министерство иностранных дел в департамент внешних сношений, здесь уже засвидетельствуют подпись самого консула...»*[144].

Но не всем понравилась подобная активность и деловитость Павла Исаева.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[145]

23 ноября 1869 г. Дрезден

<...> Теперь о Стелловском два слова: не могу понять — серьезное это дело или нет? Я бы желал только в таком случае приняться за него, если серьезное. А между тем Паша, присылая кипы бумаг, не написал главного: согласен на все это Стелловский или нет?

Во вторых: ту доверенность, которую Паша от меня отсюда требует, выдать невозможно в такой форме: я за 100 000 р. не соглашусь, серьезно говоря. Брату и отцу родному такую доверенность не дам. Это невозможно: кроме дела Стелловского в доверенности требуется, чтоб я выдал совершенное уполномочие вести все мои дела, без исключения, да еще с правом Паше передавать право этой доверенности кому угодно. Это смешно и нелепо; Паша пишет, что это только форма: быть не может, чтобы в законе стояла такая нелепость и чтоб продать стул или старые штаны, необходимо выдать полномочие на целую душу человеческую. Вздор это все! К тому же два года назад жена высылала отсюда раз доверенность на продажу акций на 400 руб. Доверенность была на простой бумаге, безо всякой формы, но только с точным упоминанием об акциях и об главной сущности дела. Все было крепко засвидетельствовано в посольстве, и дело мигом обделалось, потому что доверенность

оказалась совершенно пригодною. Мое мнение, что дело, если оно серьезное, затягивается попусту Пашей. Поскорее решить его. Передайте это Паше, когда встретите <...>.

Дело с продажей Стелловскому отдельного издания романа «Идиот» задерживалось.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[146]:

10 декабря 1869 года Дрезден

Любезнейший друг мой Паша, давно я не писал к тебе, но всегда о тебе заботился в мыслях моих. Впрочем, и ты меня порядочно забывал. Одно скажу, что люблю тебя по-прежнему и более всего рад тому, что ты сумел поставить себя на порядочную ногу. Ты да Люба, которой уже почти три месяца, — мои дети, и всегда так будет. Благодарю тебя за хлопоты и старания по моим делам. Давно я тебе не мог ничем помочь; сам терпел большую нужду по многим неоправдавшимся расчетам, а главное — потому что за границей. Как только Любу можно будет везти, приеду в Петербург. Так уж я решил; тогда, может, все пойдет получше <...>.

<...>*приступлю прямо к делу — во 1-х, посылаю тебе доверенность на продажу «Идиота» (если только она может состояться); хотя доверенность даю тебе вообще на продажу «Идиота», но я разумею только продажу Стелловскому; потому что если с Стелловским дело не состоится, то и нечего таскаться с предложением к другим издателям; это меня унизит как литератора. Доверенность эта писана не по твоей присланной мне в образчик форме. Не то чтоб я не доверял тебе, но я отцу родному такой доверенности не дам на себя. Да и к чему? Я знаю много случаев давания доверенностей, в которых вовсе не было этой формы, а писалось только то, что нужно. Жена третьего года отсюда же посылала доверенность матери для продажи билетов 1-го внутреннего займа и написала только три строчки, и все обошлось прекрасно. Доверенность, которую я даю тебе, сам можешь видеть, весьма широкая. Знай еще, что теперь в судах смотрят и решают дела по существу, а не по прежним крючкам. Одним словом, Паша, положение мое теперь весьма тяжкое. Эта тысяча рублей от Стелловского совсем воскресила бы меня и поправила. И потому если хочешь мне в этом деле помочь, то веди его к благополучному окончанию по возможности скорее. При сем прилагаю «Условные пункты контракта» так, как я сам их редактировал. Я взял в руководство твою редакцию (оставил ли ты у себя черновую той редакции контракта, которую мне прислал и с которой я теперь соображался). При сем вникни в то, что я сейчас тебе напишу в виде замечаний для твоего дальнейшего руководства.* <...> *Проникнись одним, Паша, что надо кончить скорее и что это самое главное.* <...>

<...> Все это я посылаю тебе через Аполлона Николаевича. Посоветуйся с ним во всем, что найдешь нужным. Главное для меня и 1000 руб., и то, что продажа Стелловскому прилична и литературному кредиту моему не повредит, тому что он покупает для печати в своем формате и не имеет права переверстывать. А если так, то, конечно, за уменьшенную цену.

Во всяком крайнем случае меня сейчас же уведомляй. Твой весь и тебя любящий Ф.Достоевский.

<...> NB Чуть не забыл главное: деньги за «Преступление и наказание» вперед (400 р.) я совершенно устраняю из контракта об «Идиоте». Да и не надо их требовать совсем, покамест.

Люба тебя целует. Жена жмет тебе руку искренно.

Из письма Ф.М.Достоевского С.А.Ивановой [племяннице Ф.М.Достоевского — прим. авт.][147]:

14 декабря 1869 г. Дрезден

<...> А между тем у меня дочка Любочка, родилась 26 сентября, и сегодня ей ровно три месяца. Не могу Вам выразить, как я ее люблю. Аня сама кормит и очень мучается, бедная, боюсь, что это кормление повредит ее здоровью. К счастью, с нами живет мамаша Ани и ходит за ребенком. Девочка здоровая, веселая и развитая не по летам (то есть не по месяцам), все поет со мной, когда я ей запою, и все смеется, довольно тихий некапризный ребенок. На меня похожа до смешного, до малейших черт. На днях будем ее крестить; даже это откладывали до окончания работы! Крестить прошу Вашу мамашу и ей пишу об этом. Крестный отец и кум ее будет Аполлон Николаевич Майков. Я слишком уверен в Верочкином согласии, не может она меня так огорчить и отказаться <...>. Развлечений никаких. Здесь, впрочем, и нет никаких. В глупый немецкий театр и ходить нечего. Можно бы еще слушать музыку и даже довольно недурную и очень дешево за вход в концертную залу; я раз пять ходил; но Аня и этого не может: нельзя от ребенка отлучиться. Знакомства у нас нет никакого <...>. У нас в Дрездене и почти подле нас живет Иван Григорьевич, брат Ани. Он здесь уже два месяца и Вам кланяется. Аня Вам пишет сама. Решительно в будущем году возвращусь. Нельзя выносить заграницу более, и даже средства и время не позволяют мне употребить эту поездку за границу с пользою <...>.

<...> Милая Вы моя и бесценная, добрая и благородная Соня: не пишите мне таких вещей, что «цель не оправдывает средства». Я не то чтоб обиделся, а огорчился. Мне грустно стало от мысли, что действительно, может быть, время отчуждает нас друг от друга, мало-помалу. Дело о смерти тетки и о завещании вышло, как я, может быть, и писал Вам — так: Майков написал мне горячий призыв, так сказать, «спасти семейство» <...> про теткино завещание я знаю

хорошо, тем более что все, что мне следовало, получил по нем и все 10 000, как Вам известно, тотчас же убил на поддержание братнинего журнала, которого собственником я никогда не был, следовательно, убил мои 10 000 в пользу братнинего семейства. Убив эти 10 000 свои на чужое дело, я на это самое дело, то есть на уплату долгов, частию братниных, частию по журналу братниному же, заплатил не знаю сколько денег. <...>

<...> Итак, друг мой милый, бесценная и незабвенная моя Соня, — я не могу быть грабителем чужого и затевать процессы, чтоб отнимать у других, как думал, например, про меня, в деликатнейшем письме ко мне, другой душеприказчик тетки — брат Андрей Михайлович. Но он меня как человека не знает, и ему я прощаю от всего сердца, тем более что всегда искренно считал его своим братом, несмотря на кой-что. <...>

<...>Кстати, чтобы кончить об этом: письмо брата Андрея Михайловича, касательно настоящего положения теткиного имения, чрезвычайно любопытно. Если хотите, я Вам его сообщу, но Вам одной, и под большим секретом, потому что не хочу ссориться с Андреем Михайловичем. Кажется, не много вам всем достанется. Жаль. Жаль мне еще сестру Сашу и брата Колю и Катю (братнину дочь). Я же все получил, все 10 000, в 1864 году, и положительно считаю себя и считал ломтем отрезанным. <...>

Влияние А.Г.Достоевской на мужа после рождения второй дочери значительно усилилось.

Анна Григорьевна вполне резонно со своей стороны была недовольна денежными обязательствами, принятыми на себя Достоевским по отношению к Павлу Исаеву и детям М.М.Достоевского. В заграничном дневнике А.Г.Достоевской есть запись: *«Бедный Федя, как мне его жаль, ведь навязалась же эта проклятая обуза ему на шею, мало ему своей, так нужно еще кормить разных чужих щенят»*[148].

Довольно жестокое суждение для двадцатидвухлетней женщины.

Тучи над головой Павла Исаева, под этим влиянием, снова сгущались.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[149]:

12 февраля 1870 г. Дрезден

<...> Боже избави меня подозревать его в чем-нибудь подлом, да и не верю я в это, но я положительно знаю, что он легкомыслен [о Павле Исаеве — прим. авт.].

Я долго не верил во все это дело с Стелловским. Наконец решился послать доверенность, уверенный, по крайней мере, в его честности и все зная, что в крайнем случае он должен будет обратиться к Вам.

Но он легкомыслен: может быть, он завладел этими деньгами с так называемыми невинными целями, — например, пустить в оборот. Я ведь совершенно убежден, что такая мечтательная голова, как у Паши, способна вообразить себе и об теперешних спекуляциях на бирже <…>.

<…> Все это от Павла Александровича может и могло случиться. Одной только открытой и преднамеренной подлости я в нем ни за что не могу предположить и был бы от этого в горе гораздо более, чем если б я потерял совсем все эти деньги <…>.

<…> Теперь вот о чем собственно моя просьба к Вам: потребуйте к себе Пашу, а от него отчет по делу, то есть да или нет, больше ничего. Сверх того потребуйте, чтоб он немедленно передав Вам, в Ваши руки доверенность, которую я ему выслал, и, получив ее, оставьте у себя. <…>

<…> Если он откажется Вам выдать доверенность, то скажите ему, что я тогда принужден поместить публикацию в газетах об уничтожении доверенности, и тогда хуже ему будет. <…>

Все эти подозрения Федора Михайловича на поверку оказались несостоятельными[150].

Выполняя просьбу Достоевского, Майков сделал несколько попыток встретиться со Стелловсим. 25.02.1870 г. он писал Достоевскому: *«…принялся ходить к Стелловскому, чтоб от него узнать, в каком положении дело о продаже Ваших сочинений (то есть «Идиота»); был шесть раз и этого господина дома не заставал, и он был такой скот, что хоть и живет подле меня <…> и я просил его зайти ко мне — не зашел».*

После неудачных попыток встретиться со Стелловским Майков намекнул П.А.Исаеву, что Достоевский раздумал продавать «Идиота» и желает, чтоб он доставил доверенность на ведение дела со Стелловским ему, Майкову. Исаев обиделся и, по словам Майкова, «торжественно вручил» ему доверенность. Это сообщение Майкова снимало с Исаева подозрения Достоевского.

Федор Михайлович естественно был смущен, в их отношениях появилась еще одна трещинка.

Спустя много-много лет дочь писателя Любовь Федоровна так охарактеризует взаимоотношения родных и Ф.М.Достоевского[151]:

<…> Несмотря на столь недружелюбное отношение родных, Достоевский все же прощал им многое в память о матери, о детских и юношеских годах. Гораздо тяжелее было ему переносить злобность и скверный характер своего пасынка,

Павла Исаева, с которым его не связывали кровные узы <...> Этот на одну четвертую мамелюк стал жертвой литературной славы его отчима; он был ослеплен успехом романов Достоевского <...>. Он всех презирал, беспрестанно говорил о своем «папе», знаменитом писателе Достоевском, что не мешало ему нагло вести с отчимом. Он считал, что теперь ему не надобно будет учиться и работать. Его «папа» должен был давать ему деньги, и он не стыдился требовать их от него. Достоевский не любил этого мулата, обладающего талантом задевать его европейскую деликатность; но отец не мог забыть обещание, данное когда-то Марии Дмитриевне, взять на себя заботу о ее осиротевшем ребенке. Теперь Достоевский раскаивался, что так плохо воспитал пасынка. «Другой отчим был бы строже и сделал бы из Паши человека, полезного своему отечеству», — говорил он печально друзьям и оставлял этого бездельника у себя, как кару небесную за плохо выполненный долг.

Когда петербургские родственники уж очень выводили Достоевского из себя, он уезжал в Москву, чтобы отдохнуть в семье сестры Веры, вышедшей замуж за москвича и имевшей много детей. Его московские племянники и племянницы были проще и не имели такого самомнения, как онемеченные дети Михаила Достоевского. Они оказались неспособны понять значение своего дядюшки, но очень его любили за веселый нрав и молодость души. <...>

<...> Эта какая-то средневековая любовь ко всем членам своей столь многочисленной семьи позднее доставила много хлопот моей матери. Воспитанная в русском духе, она полагала, что все деньги, заработанные ее мужем, должны принадлежать его жене и его детям, тем более что она помогала Достоевскому в его литературном труде, как могла. Мать моя не понимала, почему ее муж лишает ее самого необходимого, чтобы иметь возможность помочь какому-нибудь члену семьи, не любящему его и завидующему его литературной славе. <...>

Размолвка между Ф.М.Достоевским и Исаевым длилась почти целый год, по январь 1871 года. Новостями пересылались, в основном, через А.Н.Майкова.

П.А.Исаев за этот период поменял место работы и решил жениться. Анна Григорьевна тоже не забывала о «любимом» пасынке.

Из письма А.Г.Достоевской А.Н.Майкову[152]:

17 октября 1870 г. Дрезден

<...> Не посетуйте на меня, многоуважаемый Аполлон

Николаевич, что я решаюсь обеспокоить Вас одною очень важною для меня просьбою, за исполнение которой я буду Вам чрезвычайно благодарна. Вы были так обязательны, что доставили Павлу Александровичу Исаеву работу по составлению статистических списков г.Петербурга; он, кажется, надеется получить по Вашему ходатайству такую же работу в Москве, в нынешнем декабре месяце. Я хотела просить Вас, многоуважаемый Аполлон Николаевич, если только это возможно, доставить это занятие и моему брату, Ивану Григорьевичу Сниткину. Он живет в Москве и будет иметь довольно свободного времени, чтобы заняться этой работой; за хорошее исполнение дела я могу поручиться; это доставило бы ему хотя небольшие деньги, а он в них теперь несколько нуждается <...>

Как Ваше здоровье? Как здоровье милой и доброй Анны Ивановны? [жена А.Н.Майкова — прим. авт.]. Передайте ей мой поклон и мое горячее желание поскорее Ее вновь увидеть. Я редко встречала такое прекрасное и доброе существо, как Анна Ивановна. Мое знакомство с Нею навсегда останется для меня одним из лучших воспоминаний в жизни. Мы очень часто вспоминаем Ваше семейство с матушкой [А.Н. Сниткина жила в это время в Дрездене — прим. авт.] и Федором Михайловичем. <...> *Прилагаю карточку Вашей крестницы и буду очень счастлива, если моя Люба Вам понравится.* <...> *Ах, Аполлон Николаевич, как нам хочется воротиться в Россию, какая ужасная тоска здесь.* <...>

Перед этим А.Н.Майков писал Достоевскому[153]:

23 сентября 1870 г. Петербург

<...> *Юмор жизни меня зовет: Ваш Паша женится. Приходит ко мне сияющий, хорошо одетый, с своими пробивающимися усиками и с обручальным кольцом на пальце. Женится. Уж ничего не поделаешь. Надо принять как совершившийся факт. Она «такая миленькая», что нельзя не жениться. Он очень желал, чтобы я Вас расположил в пользу его брака. Вот я и располагаю. На его вопрос, как Вы на это взгляните, — я отвечал, что если нельзя — или поздно будет все остановить, то, конечно, примете как совершившийся факт.* <...> *Я думаю, что не ошибся в ответе* <...>

От Достоевского пришел ответ.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову[154]:

9 октября 1870 г. Дрезден

<...> *Девочка моя здорова, выкормлена, отучена от груди, начинает сильно понимать и даже говорить, — но очень нервный ребенок, так что боюсь, хотя здорова.*

Что это Вы, многоуважаемый друг, пишите о Паше, о таком факте, как его женитьба, и сообщаете так мало подробностей. Ради Христа, сообщите, если знаете сами. Я от Паши никакого

уведомления не получал. А ведь он мне дорог. Разумеется, было бы очень смешно, с моей стороны, отсюдова, после 3-х лет разлуки, претендовать на влияние над его решениями. Но все-таки грустно. Есть у меня племянник Миша, тот женился еще раньше Паши, но тот мальчик очень умный и с характером. А Паша — это дело другое, то есть насчет характера и хоть какой-нибудь выдержки. Если напишете мне что-нибудь, то очень меня одолжите <...>

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[155]:

6 января 1871 г. Дрезден

Я уже давным-давно, милый друг Паша, слышал, что ты женишься (писал Аполлон Николаевич), беспокоился и интересовался о тебе чрезвычайно. Писал к Майкову и спрашивал подробностей, равно как и Ивану Григорьевичу поручил разузнать, когда он уезжал из Дрездена. Но ничего особенного не узнал. Все покрыто было мраком неизвестности. Тяжело мне было и то, что ты меня не уведомлял: значит думал я, бросил совершенно и концы отрезал, и мне это было грустно. Кроме того, я имел некоторое основание подумать, что ты питаешь на меня претензию насчет всего этого прошлого дела со Стелловским — и дивился твоей раздражительности и самолюбию. (О предполагавшейся женитьбе Исаев писал А.Г.Достоевской 15 декабря 1870 г.: «Скажу <...> *одну новость относительно себя. Я собираюсь жениться. Хотелось бы очень, Анна Григорьевна, чтобы Вы полюбили мою будущую жену; девушка она очень хорошая и добрая* <...> *Надежде Михайловне (так зовут мою невесту) я много говорил о всех вас» (ИРЛИ, № 32640)).* <...> *Теперь по письму твоему, слава богу вижу, что все это не совсем было так (хотя, может быть, и было несколько). Роман в нескольких частях, присланных тобою под видом письма твоего, [приходилось лукавить, дабы избежать цензуры со стороны Анны Григорьевны — прим. авт.] — чрезвычайно утешил меня и чрезвычайно мило написан. Значит, не без дарований же ты, Паша, если в состоянии так хорошо написать! Суди же теперь, друг мой, если б ты хоть сколько-нибудь прежде поучился, ведь сколько бы ты мог тогда извлечь из своих природных способностей? Сколько бы разнообразного применения могло открыть им образование? Но я уверен, друг мой, что ты не из тех неучившихся, которые мало того, что не доучились или ничему не учились, но еще и презирают образование. Много таких теперь. Но ты наверно на толпу не захочешь походить, хотя бы и «прогрессивную». Совет мой, или вернее, великая просьба — не оставлять идею об образовании и об учении. Ну что же такое, что ты женишься, чем это может помешать тебе учиться? Чем образованнее человек, тем более он учится, и так всю жизнь. Одна уже неутолимая жажда к знанию, заставляющая, например, великого ученого, в 70 лет, все еще учиться, — свидетельствует о благородстве и высоте его натуры и о глубоком отличии его от толпы. Для того же, чтоб заняться*

самообразованием, всегда можно найти время даже и при семейных тягостях и при служебных занятиях. Понемногу, но постоянно и до всего дойдешь. <...> Отец твой был человек образованный, даровитый, добрый и простодушный. Поверь, что если б не был он образован, то был бы и мнителен, и тщеславен, и раздражителен — и доброта и простодушие его направились бы совсем в другую сторону. Но образование придает еще и великодушие и благородство мысли. Это было в твоем отце. Напоминаю тебе про отца потому, что вижу и всегда видел в тебе большое с ним сходство и очень желал бы, чтобы ты походил на него.

Из письма твоего, если все правда (Будь уверен, что я не считаю тебя способным солгать намеренно; можно говорить неправду и без намерения, вполне веруя, что говоришь правду) — вижу, что ты стал дельным человеком и умеешь заставить себя заниматься. Поздравляю тебя от души и рад, как не можешь и представить себе. Дай тебе бог развернуться еще лучше и никогда не ослабевать. Важно то, что ты берешь на себя теперь, кроме вообще человеческого долга, и большой нравственный семейный долг. Ну, брат, справишься ли? Не одни ведь средства к существованию нужны для семейного счастия. Из письма твоего я, по многим фактам, могу заключить, что Надежда Михайловна — девушка с характером твердым и с серьезным взглядом на жизнь. Если (в чем я уверен) она тебя и любит — то как бы хорошо было, если б ее влияние на тебя укреплялось все более и более, в продолжение всей вашей будущей брачной жизни! Какую пользу это принесло бы тебе. Ты, пожалуйста, пойми меня как следует, Паша. Я не про «мужа под башмаком» говорю. Совсем не то! Нравственное влияние женщины, даже на самого сильного духом мужчину, не только полезно, не только всегда необходимо, но и вполне натурально. Это второе и окончательное воспитание человека. И еще, друг мой: все отношения должны быть всю жизнь основаны на внутреннем взаимном, обоюдном уважении. Боюсь, что ты примешь мои слова за резонерство; и я потому только не утерпел и заговорил об этом, что люблю тебя и со страхом и жалостию думаю иногда: «Как вы оба еще молоды!» Но заметь, я не пророчу дурного. Уж если так случилось, что я надеюсь и радуюсь. Дай тебе бог. Бог-то не оставит, но счастье и от тебя зависит. Видишь, Паша, — нас разделяют 4 года разлуки. Ты сильно ушел вперед в этот срок, и мне даже вообразить трудно себе теперь твою женитьбу, да и всю твою внутреннюю жизнь. Одно только осталось у меня: искреннее, теплое и всегда дружеское соболезнование о тебе, внутренняя забота и любовь к тебе; и стало быть, и желание тебе всего самого лучшего. <...>

<...> Передай от меня Надежде Михайловне мой задушевный искренний привет, поздравление и желание теперь и впредь всего лучшего. Хорошо бы ты сделал, если б прислал нам (с ее позволения)

ее фотографическую карточку; да, кстати, и свою бы не забыл, так как четыре года я не видал тебя. А все-таки, Паша, все-таки боюсь за тебя. Хорошо, голубчик, если б ты твердо стал на дорогу, не уступая в труде и развиваясь до всей высоты понимания своих будущих обязанностей.

Пишешь ты о письмах к Ал<ександру> Устиновичу [Порецкий А.У. — писатель, журналист, действительный тайный советник, вел во «Времени» отдел «Внутренние известия», состоял официальным редактором «Эпохи» — прим. авт.] и Порфирию Ивановичу. [Ламанский П.И. — статский советник, видный чиновник Министерства путей сообщения — прим. авт.] Друг мой, высылаю их. [Речь идет о письмах Достоевского с просьбой оказать П.А.Исаеву протекцию по службе] Так и передай незапечатанные. <...>

<...> Анна Григорьевна тебя благодарит за письмо и сама хочет тебе ответить и тебя поздравить, несмотря на то, что прихворнула. Да и вообще здоровье ее не совсем хорошо. Люба растет, ходит по комнате, все понимает и ужасно хочет говорить. Она здорова и милочка, тебя целует и твою невесту.

Не сердись, не обидься и не посетуй на меня за то, что не сейчас тебе ответил. Очень это меня мучило, но никак не могу. Буквально день и всю ночь сижу и работаю. Запоздал с романом [речь идет о второй половине романа «Бесы» — прим. авт.] <...> Я все письма оставил, даже самые деловые и необходимые. Никуда не хожу и никого не принимаю к себе. Много работы.

До свидания, Паша милый, напиши мне, верь моей всегдашней любви к тебе, чем и докажешь, что сам меня любишь. Если пригожусь тебе когда-нибудь в чем-нибудь, то тем буду счастлив.

Твой весь Ф.Достоевский.

<...> Я думаю, я к весне ворочусь в Петербург. Увидимся ли в Петербурге-то? Я очень, очень бы хотел тебя увидеть и обнять.

Просьба Федора Михайловича А.У.Порецкому об устройстве П.А.Исаева возымела свое действие. В ответном письме Порецкого сообщалось: *«... об исполнении мною главного предмета Вашего письма, без сомнения, Пав<ел> Ал<ександрович> Исаев давно известил Вас: он числится на службе у меня в отделении до сего дня и не очень давно взял свидетельство о беспрепятственности на вступление в брак, а вступил ли действительно — еще не знаю»*[156].

Свадьба Павла Александровича Исаева с Надеждой Михайловной Устиновой состоялась в апреле 1871 г. в Петербурге.

Надежда Михайловна была из семьи военного моряка. Рано лишилась родителей. Ее дядя впоследствии контр-адмирал Российского флота Устинов служил на Балтийском флоте в Кронштадте.

Достоевские же ожидали прибавление семейства.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Г.Достоевской[157]:

1 февраля 1871 г. Дрезден

<…> неугомонную Любку целую, равно как и господина N.N., находящегося покамест в тесном уединении и неизвестности и покамест еще молчаливого, но который задаст себя знать, как и Любка. <…>

Рядом с Достоевским в Дрездене находились близкие родственники Анны Григорьевны в дела которых активно входил и Федор Михайлович.

Из письма Ф.М.Достоевского С.А.Ивановой[158]:

29 марта 1871 г. Дрезден

<…> Пишу под большим секретом. К Вам просьба моя чрезвычайная содействовать, если можете, одному делу. Если можете не отказать — то не откажите. Если любите меня, то сделайте что-нибудь.

Вот в чем дело. Весь прошедший год проживал здесь в Дрездене Иван Григорьевич Сниткин, мой шурин. Вы об этом знаете, он был у Вас по возвращении. Он здесь влюбился. Здесь бездны скитающихся русских и между прочими одно богатое семейство, из бывших купцов. В этом-то богатом и многочисленном семействе есть одна девушка — редкое существо, по уму, по сердцу, по характеру. [речь идет о купеческой дочери Ольге Кирилловне, ставшей вскоре женой И.Г. Сниткина] <…> Иван же Григорьевич в доме был близок. Кончилось пламенною любовью, девушка влюбилась в него, и он в нее <…> Вся беда в том, что невеста — чрезвычайная богачка, а жених, сравнительно с нею, совершенно беден <…> Она так любит Ивана Григорьевича, что готова на все, то есть обвенчаться тайно. <…> Вся беда в деньгах. Он хоть и мог бы рассчитывать на помощь от матери (которая живет теперь вместе с нами), но у ней петербургский дом ее в процессе. Процесс наверно кончится в ее пользу, но покамест она ничего не может дать ему, хотя спит и видит, как бы помочь ему. Время же не терпит.

Две недели назад Ив<ан> Григорьевич писал сюда жене, что он говорил с Еленой Павловной и, не объясняя ей причины, разом попросил у нее взаймы две тысячи. Она ничего ему не сказала утешительного. А так как он сильно рассчитывал занять у ней, то и просит меня написать Вам и попросить Вас (от меня) поддержать его просьбу у Елены Павловны [Та самая Е.П. Иванова, бывшая «невеста» Ф.М.Достоевского — прим. авт]. Я потребовал, чтобы он позволил мне рассказать Вам всю причину и изложить всю истину. Третьего дня он ответил согласием, прибавив при этом рассуждение, что «таким, которые женятся на богатых, не помогают, а могут заинтересоваться только бедными».

Вследствие его позволения я и пишу теперь Вам, Сонечка. Все, чего он трепещет теперь, это то, что узнают, что он женится на богатой. Ему стыдно, например, если Вы узнаете. <...>

Довольно запутанная история. Но можно с уверенностью сказать, что Иван Григорьевич время в Дрездене зря не терял. Елена Павловна ссудила-таки И.Г. Сниткину необходимую сумму[159].

Через несколько лет эта история получит свое развитие. Жена Ивана Григорьевича — О.К.Сниткина неоднократно уходила от мужа к другому человеку и вновь возвращалась к мужу. Е.П. Иванова писала Достоевскому 20 июля 1875 г.[160];

«Как жаль мне бедного Ивана Григорьевича, кто из них прав и виноват, конечно, для меня дело темное, но все-таки жизнь его, как видно, совершенно разбита, три года назад казалось, что счастье так улыбалось ему во всем. <...>

<...> А.Г.Достоевская сообщала Федору Михайловичу 12 июня 1875 г.[161]: *«Ольга живет с К. в Сумах (18 верст от Вани) на одной квартире и опять писала Ване умоляющее письмо, что она нездорова, просит прислать кого-нибудь за нею и что она согласна на все его требования. Ваня сам не едет и посылать за ней не хочет. Если б она, действительно, хотела вернуться к детям, то могла бы приехать и сама, без того, чтоб за нею присылали. Но ей просто хочется хвастаться перед К. тем, как Ваня ее любит, что он за нею гонится; ей хочется вернуться полновластной хозяйкой в именье и жить с К., так как она теперь не стыдится жить с ним вблизи имения и у всех на виду. Один Ванин знакомый, порядочный человек, живущий в Сумах, рассказывает, что она распускает про Ваню слухи, что он тиран, варвар и что если б она не любила детей, то ни за что бы не пошла к нему назад. <...> Этакая гадина! Она хочет, чтобы Ваня опять поехал за ней и чтоб опять произошло что-нибудь вроде прежних историй. <...> Бедный Ваня! Впрочем он стал спокойнее и занимается делами. <...>*

Достоевский ответил ей 18 июня 1875 г.: *«То, что ты пишешь об Иване Григорьевиче, просто ужасно. Нет, с этой сукой надо поступать как с собакой, а не человеком. <...>*

Положительно, с новыми родственниками у Федора Михайловича забот не убавилось.

Федор Михайлович рвался в Россию, но мысль о кредиторах и отсутствие достаточного количества средств удерживали.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову

1 апреля 1871. Дрезден[162]:

<...> Если только один прежний процесс о прежних деньгах, то не стоят они того, чтобы решиться мне на такой ужас, то есть

сейчас же ехать. Физическая невозможность, если б и деньги были. Сообразите: если я приеду сейчас в Петербург, то меня кредиторы не выпустят обратно в Дрезден. Между тем я буду в Петербурге, а жена останется в Дрездене, ибо не только на 100, но и на 400 нам подняться нельзя с ребенком теперь вместе (долги и проч.). Итак она в Дрездене, а между тем ей в августе родить <...>.

Анна Григорьевна, чтобы отвлечь от мрачных мыслей мужа, пошла на маленькую женскую хитрость[163].

<...> Чтобы успокоить его тревожное настроение и отогнать мрачные мысли, мешавшие ему сосредоточиться на своей работе, я прибегла к тому средству, которое всегда рассеивало и развлекало его. Воспользовавшись тем, что у нас имелась некоторая сумма денег (талеров триста), я завела как-то речь о рулетке, о том, отчего ему еще раз не попытать счастья <...> Конечно, я ни минуты не рассчитывала на выигрыш, и мне очень жаль было ста талеров, которыми приходилось пожертвовать, но я знала из опыта прежних его поездок на рулетку, что испытав новые бурные впечатления, удовлетворив свою потребность к риску, к игре, Федор Михайлович вернется успокоенным <...>

Ожидания Анны Григорьевны полностью оправдались. Из письма Ф.М.Достоевского А.Г. Сниткиной[164]:

16 апреля 1871 г. Висбаден

<...> Бесценная моя, друг мой вечный, ангел мой небесный, ты понимаешь, конечно, — я все проиграл, все 30 талеров, которые ты прислала мне. Вспомни, что ты одна у меня спасительница и никого в целом мире нет, кто бы любил меня. Вспомни то же, Аня, что есть несчастия, которые сами в себе носят и наказание. Пишу и думаю: что с тобой будет? Как на тебя подействует, не случилось бы чего! А если ты меня пожалеешь в эту минуту, то не жалей, мало мне этого! <...>

<...> Аня, я лежу у ног твоих, и целую их, и знаю, что ты имеешь полное право презирать меня, а стало быть, и подумать: «Он опять играть будет». Чем же поклянусь тебе, что не буду; я уже тебя обманул. Но, ангел мой, пойми: ведь я знаю, что ты умрешь, если б я опять проиграл! Не сумасшедший же я вовсе! Ведь я знаю, что сам тогда и пропал. Не буду, не буду, не буду и тотчас приеду! Верь. Верь в последний раз и не раскаешься. Теперь буду работать для тебя и для Любочки, здоровья не щадя, увидишь, увидишь, увидишь, всю жизнь, И ДОСТИГНУ ЦЕЛИ! Обеспечу вас <...>

Федор Михайлович сдержал свое слово, на рулетке он больше никогда не играл.

Достоевские возвратились в Россию 8 июля 1871 г. А.Г.Достоевская так вспоминает первые дни возвращения в Петербург[165]:

<…> «В первые же дни по приезде нас посетили родные Федора Михайловича, и со всеми ими мы встретились очень дружелюбно. За эти четыре года положение Эмилии Федоровны Достоевской изменилось к лучшему <…>, так что семье жилось довольно привольно. К тому же Эмиля Федоровна привыкла за это время к мысли, что Федор Михайлович, имея семью, может помогать ей только в экстренных случаях.

Лишь один Павел Александрович никак не мог отказаться от мысли, что «отец», как он упорно называл Федора Михайловича, обязан содержать не только его, но и его семью. Впрочем, и с ним я встретилась радушно, главным образом, потому, что мне очень понравилась его жена, Надежда Михайловна, на которой он только в апреле этого года женился. То было хорошенькая женщина небольшого роста, скромная и неглупая. Я никак не могла понять, как она решилась выйти замуж за такого невозможного человека, как Павел Александрович. Мне было искренно ее жаль: я предвидела, как тяжела будет ее жизнь.

Через восемь дней по приезде в Петербург, 16 июля, рано утром, родился наш старший сын Федор <…>

<…> Когда я стала поправляться, окрестили нашего мальчика. Восприемником его (как и наших двух дочерей) был друг Федора Михайловича, известный поэт Аполлон Николаевич Майков <…>. Я принялась искать квартиру. Павел Александрович вызвался мне помогать. В тот же вечер он объявил, что нашел отличную квартиру в восемь комнат за очень дешевую плату — сто рублей в месяц.

— Зачем же нам такая большая квартира? — с удивлением спросила я.

— Совсем она не велика: для вас будет гостиная, кабинет, спальня, детская; для нас — гостиная, кабинет, спальня, а столовая у нас будет общая.

— Разве вы рассчитываете жить с нами вместе? — изумилась я его наглости.

— А как же иначе? Я так и жене сказал: когда отец приедет, то мы поселимся вместе.

Тут мне пришлось поговорить с ним серьезно и доказать, что обстоятельства теперь переменились и я ни в коем случае не соглашусь жить на общей квартире. По своему обыкновению, Павел Александрович начал говорить дерзости и грозить, что пожалуется Федору Михайловичу, но я не стала его и слушать. Четыре года самостоятельной жизни не прошли для меня даром. Павел Александрович исполнил свою угрозу и обратился к Федору Михайловичу, но услышал в ответ:

— Я все хозяйство предоставил жене, как она решила, так и будет. <…>

С этих пор у Ф.М.Достоевского семья была одна — Анна Григорьевна и дети. И это было вполне справедливо.

Неприятное ощущение остается только от постоянного видимого недоброжелательного вмешательства А.Г.Достоевской в достаточно тонкую область личных, интимных отношений между отчимом и пасынком, сложившимися за долгие годы их совместной жизни до ее встречи с Федором Михайловичем. По мнению Анны Григорьевны, у писателя Достоевского не может быть никаких детей кроме родившихся от второго брака. Учитывая добрый, деликатный характер Федора Михайловича, такая постановка вопроса ему до определенного момента была неприемлема, и это обстоятельство раздражало и тяготило его.

Федор Михайлович не оставлял Павла Исаева своим вниманием и заботой по устройству того на выгодную службу.

Из писем Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[166]:

18 августа, 5 ноября 1871 г. Петербург

Люб<езный> Паша, я у Петра Петровича [П.П.Семенов-Тян-Шанский — прим. авт.] сегодня был. Он обещал быть тебе всячески полезным <...>

<...> Мне вчера Аполлон Николаевич случайно в разговоре упомянул, что Леонид Николаевич [Л.Н. Майков, брат поэта, через которого Достоевский хлопотал об улучшении служебного положения пасынка, часто менявшего место службы — в банке, статистическом бюро и т.п. — прим. авт.] спрашивал о тебе и желал бы тебя видеть. Ничего не знаю сам для чего, но не для работы ли какой? Сходил бы ты к нему не отлагая, если хочешь.

Тебя очень любящий Федор Достоевский

После женитьбы П.А.Исаев так и не остепенился, продолжая строить прожекты быстрого обогащения, часто меняя место службы, чем огорчал свою молодую жену и отчима.

Из письма Ф.М.Достоевского С.А Ивановой[166]

31 января 1873 г. Петербург

<...> К Вам приехал Пав<ел> Александрович с женой. Приласкайте, голубчик, их и, если возможно, повлияйте Вашим духом и суждением (a la longue (в конце концов)) на этого все еще Хлестакова, хотя (и я серьезно говорю это) в нем много прекрасных сердечных качеств. <...>

Из писем Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[167]:

17, 19 мая 1873, Петербург

Любезный Паша,

Апол<лон> Николаевич Майков желает тебя видеть по очень важному и неотлагательному делу — интересному как для него, так и для тебя. Но так как дело неотлагательное, то просит тебя прийти как можно скорее, то есть завтра в пятницу часов в 10 утра, если только поспеет к тебе, и во всяком случае как можно скорее.

До свидания. Я завтра еду. Мой поклон твоей супруге.

<...> Я вчера опоздал и не поехал, [в Москву, по наследству Куманиной — прим. авт.] и еду сегодня в 2 часа. Может быть, я показался тебе вчера очень нетерпеливым и расстроенным. Если я тебя чем-нибудь обидел и огорчил, то извини, пожалуйста. Мне показалось, что надо было тебе написать это.

А засим жму тебе руку и остаюсь тебя любящий

Ф.Достоевский

Дела же Федора Михайловича в Москве ожидали хлопотливые и неприятные во всех отношениях.

После смерти А.Ф.Куманиной 29 марта 1871 г. ее единокровные родственники Шеры, Ставровские и Казанские, включенные в завещание, начали дело в суде об утверждении их в правах наследства, не сказав об этом Достоевским. По слухам, их дело в московском суде назначено было на 21 мая 1873 г., чем вызван был приезд Достоевского в Москву.[168]

В.М.Карепина в письме А.М.Достоевскому от 28 мая 1873 г. описывает эту свою встречу с Достоевским: *«20 мая вслед за своим адвокатом приехал и Федор Михайлович; от Веселовского они узнали, что Шер подали уже от себя заявление в Тульский окружной суд еще в марте месяце <...> Там просят они разделить наследство на три части: Шер, Ставровским и Достоевскому Андрею Михайловичу; о Николае же Михайловиче они ничего не упомянули <...> Чем-то все это кончится?» <...>*

Во втором варианте завещания А.Ф.Куманиной, составленном в 1865 г., содержался, по сравнению с первым вариантом 1864 г., пункт, по которому племянники ее М.М. и Ф.М.Достоевские, получившие от нее по 10 000 руб., «дальнейшего участия в наследстве по сему завещанию иметь не должны». Ф.М.Достоевский и семья покойного Михаила Михайловича, оспаривая завещание как незаконно составленное, претендовали на участие в наследстве.

28 мая 1873 г. В.М.Карепина писала А.М.Достоевскому: *«Брат Федор негодовал, что расписка его [в получении 10 000 от Куманиной — прим.авт.] сохранена, и говорит, что ей скоро пройдет десятилетняя давность. Вообще он очень опечалился, узнав, что расписка цела»*[169].

Мы знаем, что Ф.М.Достоевский отказался в свое время от этого наследства, считая себя «отрезанным ломтем». Что же произошло? Почему он так резко изменил свое решение? Здесь опять чувствуется влияние еще одного лица, вероятнее всего А.Г.Достоевской.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Г.Достоевской[170]:

20 мая 1875 г. Москва

<...> поехал к Полякову [Поляков Борис Борисович, адвокат, поверенный Достоевского в деле о наследстве его тетки

А.Ф.Куманиной — прим. авт.]. Он рассказал <…>, что был у Варвары Михайловны и что та встретила его недоверчиво и сказала ему между прочим: «Неужели брат Федя хочет меня лишить всего?» Я отправился тотчас же к Варе. Она, между прочим, в большом горе, что зять ее, Смирнов умер (3-тьего дня схоронили) и оставил вдову (ее дочь) и пятерых маленьких детей <…> Но все они здесь убеждены, что Шеры выиграют, основываясь на каком-то решении сената, в декабре, по какому-то подобному же делу в пользу единокровных. Между прочим, Варя потому убеждена, что недели 2 тому приезжал брат Андрей Михайлович, остановился у ней и, не найдя Веселовского [Веселовский В.И., адвокат, член Московского окружного суда, вместе с младшим братом писателя А.М.Достоевским был назначен в 1868 г. опекуном Куманиной — прим. авт.] в Москве, послал ему в другой город телеграмму. Брат Андрей приехал только потому, что узнал о Шерах и тоже (как и мы) был уверен в возможности захватить все; подбивал на это и Варю (Все здесь, кажется уверены, что наши расписки в взятых мною и братом Мишей 10 000 и слова тетки насчет нас в завещании лишают нас права искать теперь; но Поляков на это смеется. Брат же Андрей, вероятно, на это рассчитывал, коли не написал мне ничего.) <…> Варя дала мне весьма важные подлинные метрические документы, это мне доказательство, что она за нас, и была очень дружелюбна. <…> Поляков более чем когда-нибудь горячится и надеется. Он говорит, что имение по оценке обозначено в 52 000, то есть по оценке опекунской и судейской. Если так по первой казенной оценке, то наверно дороже. Я прямо сказал Полякову, что я начну дело лишь в случае, что начнут Шеры, ибо не буду обижать сестер. Сказал я это еще до поездки к Варе. Но теперь явно, что они уже начали и, может быть, потаенно. Что сделаем в эти три дня, напишу тебе. У Вареньки был Жеромский [Жеромский С., московский адвокат, поверенный брата писателя Н.М. Достоевского по делу о наследстве А.Ф.Куманиной — прим. авт.] и Варя нашла, что Жеромский дельнее Полякова. <…> Он говорил Варе, что действует за Колю даром по дружбе. Жеромский (как и Поляков) смеются над надеждами Шеров и не верят в декабрьский приговор сената.

Ну вот все о деле, завтра узнаем более. Боюсь только что Поляков потратит денег. <…>

<…> Пишу тебе поздно, вставать завтра рано, ночь я не выспался и теперь едва хожу. Ночью совсем не спал.

Напиши мне, как ты, здорова ли, пожалуйста, подробнее. Мне весь этот день, после всей этой тревоги и деловитости, очень солоно пришелся. Прежде я не так приезжал в Москву. О детях черкни

все что можно подробнее. <...> Сегодня приехал Витя [Иванов Виктор Александрович, племянник писателя, сын В.М. Достоевской-Ивановой, инженер путей сообщения — прим. авт.] и прямо проехал в Даровое (Имение Даровое было куплено отцом писателя М.А.Достоевским в 1831 г. В начале 1850-х гг., после выплаты другим наследникам причитавшейся им доли, Даровое перешло в руки В.М. и А.П.Ивановых[171]).

Ради бога напиши о детях.

Прощай, обнимаю тебя.

Твой весь тебя крепко любящий Ф. Достоевский.

Федору Михайловичу было явно не по себе.

Именно этим летом он часто вспоминал Марию Дмитриевну, невольно сравнивая более чем прагматичный характер Анны Григорьевны с обликом первой жены.

Из писем Ф.М.Достоевского А.Г.Достоевской[172]

14, 22 июня 1873 г. Петербург

Милая Аня, сейчас получил твое письмо. Очень рад, что вы здоровы. Детей целуй. Очень буду рад, если тебе ванны принесут пользу. Если довольна дачей, то чего же лучше. Я очень занят.

<...> К тому же очень устаю, много хотьбы и всяких мелких хлопот. Ко мне никто не ходит. Вчера был Ив<ан> Гр<игорьевич>, спрашивал о тебе. Ничего особенного. Федя [Ф.М.Достоевский, племянник писателя — прим. авт.] просил отсрочить долг, то есть никогда, конечно, не отдаст. С типографией все дрянные мелкие хлопоты <...> Одним словом, нечего писать о себе, и без того загроможден делом, не сплю целые ночи. А тут духота, пыль.

Желаю тебе жить веселее моего. Письма твои имеют деловой характер, да тем лучше. Не забывай уведомлять о детях. Целую их 1000 раз.

До свидания, Твой Ф. Достоевский.

<...> Милый друг мой Аня, вчера так устал и так много было неотложного дела (корректуры и чтение статей), что решительно не мог тебя уведомить о приезде <...> Вчера утром же по дороге из типографии встретил Ив<ана> Григорьевича. (Он без меня заходил.) Он сообщил мне, что и Анна Николаевна отправилась в город и, вероятно, ко мне зайдут. Но, однако, она не заходила. Он же зашел ко мне и выпил чаю; расспрашивал о тебе, я все сообщил. <...> Сказал ему и о деньгах, только не очень настаивал. Он сказал, что ему завтра обещал отдать долг Варламов. (Если уж на это рассчитывает, то, значит, у самого тонко.) Я просил его не беспокоиться, объяснив, что до понедельника у меня будет, а на той неделе, может, и справлюсь как-нибудь (благодаря 20 руб., взятым у тебя). <...>

Время от времени Федор Михайлович заходил к Исаевым, которые из-за нужды, опасаясь кредиторов, часто меняли место жительства.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Г.Достоевской[173]:

13 августа 1873 г. Петербург

<...> Хотел было кстати зайти и к Паше [наконец-то), и вдруг как раз он переехал, таинственно и никому не сказавшись, трепеща Тришиных, (Тришин Иван Родионович, петербургский ростовщик — прим. авт.] в Николавскую улицу, рядом с прежней квартирой Ив<ана> Гр<игорьеви>ча. Однако я все-таки отыскал их вчера в Николаевской улице и просидел у них час. Паша чего-то объелся, и его при мне рвало, и вообще он ужасно смешон в недрах своего семейства. Прятанье в квартире от Тришиных — совершенный водевиль. Дочка их, бедненькая, такая худенькая и такая хорошенькая! Так мне ее жалко стало. [дочь Вера родилась у Исаевых в конце весны 1873 г., прима. авт.] Домой воротился в 9 часов, измученный, и просидел до 5 утра за чтением статей. <...>

Между тем дело о наследстве А.Ф.Куманиной решилось 23 октября 1873 г. в Тульском окружном суде и далеко не в пользу Достоевских. Суд постановил утвердить в правах наследства О.Шер в одной третьей части, Ставровских каждого в одной шестой, Федора, Андрея и Николая Достоевских каждого в одной двенадцатой части, а Федора и Михаила (сыновей М.М.Достовского) каждого в одной двадцать четвертой части[174].

Из письма Ф.М.Достоевского Н.М. Достоевскому[175]:

9 февраля 1874 г. Петербург

Милый друг Коля, посылаю тебе 5 руб. Дела мои довольно плохи. Но извещаю тебя, что завтра (наверно) воротится из Москвы Корт и привезет тебе часть твою за проданный в Туле дом и сообщит тебе все счеты. <...> Получить приходится всем до безобразия мало, за огромными расходами и взносами казне и проч. Во всяком случае получишь от Корта (от 400 до 500 р.) Полагаю, не менее. И это получишь завтра, следовательно, приготовься. Да вот что: не худо бы не разговаривать в доме; узнает сестра, что ты получил, и на тебя рассердится. (Н.М. Достоевский жил в Петербурге в доме сестры Александры Михайловны Голеновской, которая сердилась на брата Федора и наследников брата Михаила за предпринятую ими попытку оспорить завещание А.Ф.Куманиной, так как ее дочь Мария Николаевна была за мужем за М.Д. Ставровским и, следовательно, была заинтересована в получении доли наследства Ставровскими). В понедельник в суде ее с нами дело. Сумасшедшая! Если б знала она, какие ничтожные двугривенные мы получаем. Сосчитал сейчас все издержки за год по этому делу, сколько

сам выдал своими руками — и что ж, полученные за дом 400 с лишком рублей не окупили еще издержек. А она, не имея ни малейшего права законного, требует с нас 20 000. Воистину сумасшедшая. А уж какая родственница — и говорить нечего. До свидания.

Твой весь Ф.Достоевский.

Да, за время возвращения Ф.М.Достоевского из сибирской ссылки семейные отношения и само родственное окружение у Федора Михайловича сильно изменились.

9 сентября 1874 г. у Исаевых родилась вторая дочь, которую назвали Марией в честь бабушки — первой жены Ф.М.Достоевского М.Д.Достоевской.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[175]:

10 сентября 1874 г. Старая Русса

Любезный друг Паша,

Письмо твое получил сегодня, 10-го, и сейчас же спешу тебе ответить. Посылаю тебе 20 руб. извини, что не посылаю всех тридцати, но в данный момент совершенно того не могу. Рад, что хоть этим могу тебе быть капельку полезным. С удовольствием узнал тоже, что Тришины тебе выдали наконец 25 р. В приезд мой из Эмса в Старую Руссу, около 30 июля, я пробыл двое суток в Петербурге, и хотя был завален делом, — так что много не сделал и до меня касающегося, — но непременно заехал бы к тебе, если б знал твой точный адрес: так мне хотелось тебя видеть, особенно после рассказов Тришиных. Но Миша не мог мне сообщить твоего точного адреса. Поздравляю тебя, голубчик Паша, с дочкой Машей. Равномерно прочел с большим удовольствием то, что ты пишешь о Верочке, — что она поздоровела, с зубками, и даже начинает ходить. Желаю от души всем вам счастья — тебе, супруге и деткам, тебе же желаю побольше удачи.

Пишешь, что имеешь место, хоть и маленькое. Тришины пишут, однако же, что 50 руб. жалованья. Видишь, друг мой: если такое место уже имеешь, то и держись за него терпеливо, хотя бы на том основании, что лучше, сидя на месте, хотя бы и маленьком, искать большего и лучшего, чем искать, не имея совсем места. То, что ты пишешь о неприятности своего положения в последние месяцы от недостатка средств, было мне очень тяжело узнать, и верь, что я о тебе много думал. С своей стороны благодарю тебя сердечно и за добрые твои чувства ко мне, выраженные в твоем письме. <...>

Ты не ошибся, Федя очень вырос, да и Лиля поправляется. Передал им твой поцелуй, за который благодарю тебя.

Итак, досвидания, Паша. Буду в Петербурге — наверно увидимся. Заеду к тебе. Сам же останавливаться буду в Знаменской гостинице.

Буду или в начале октября, или уже в декабре к рождеству.

Крепко жму тебе руку.

Твой любящий тебя Ф.Достоевский

Не прислушался Павел Александрович к совету своего приемного отца. В начале ноября 1874 г. он оставил место в Комитете для сбора пожертвований в пользу православных церквей и школ Прибалтийского края и отправился в Москву для поступления в Московское отделение Волжско-Камского коммерческого банка, где служил ранее, до 15 мая 1873 г., не уведомив об этом должным образом свою жену Надежду Михайловну. Оставшаяся без средств к существованию молодая женщина с двумя маленькими детьми на руках прибегла к отчаянному средству. Она, через двоюродного брата А.Г.Достоевской врача-педиатора М.Н. Сниткина поместила младшую новорожденную дочь Марию в Воспитательный дом. Узнав об этом Достоевский пришел в негодование. Машенька была внучкой его умершей жены.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[176]:

4 ноября 1874 г. Старая Русса

<...> *Анна Григорьевна была в Петербурге, там имела письмо от Надежды Михайловны (насчет доктора Сниткина и новорожденного твоего ребенка). Надежда Михайловна снесла-таки его в Воспитательный. Анна Григорьевна не только не могла быть у нее, но даже Федора Михайловича, приехавшего из Курска, по очень важному делу не могла видеть, даже Мишу не видала, которому надо было кое-что поручить. Она половины дел не сделала, потому что так случилось, что никак не могла остаться лишний день в Петербурге.*

Между тем Надежда Михайловна не имела ни малейшего понятия, куда ты девался, да и сам ты это подтверждаешь в своем письме. Не стыдно ль тебе так поступать: мог бы и должен бы был уведомлять домашних чаще. Время у тебя есть; написал же мне всю свою биографию — значит, есть время.

Я рад, что тебе удалось место получить, но уверен, что через три-четыре месяца сойдешь и опять куда-нибудь переедешь. Если сделали, то ведь ради моих просьб — постарайся же и сам за себя сколько-нибудь. Вся важность — благоразумие в поведении: имей его и не возносись. Я рад, что Перцов меня помнит: но ты мое имя все-таки употребляй потрезвее.

Посылаю тебе ввиду жесткого твоего положения 25 руб. Постарайся их, если можно, все отослать к Надежде Михайловне, не покупай себе запонок, портмоне и проч., и перетерпи серьезно до

января. А я (если могу только, но изо всех сил постараюсь) пришлю еще в декабре капельку; но вот и все, что могу сделать, хоть зарежь.

Ради бога, не бери взаймы у Софьи Александровны. Передай ей, что я целую ее руки и обнимаю ее душевно. Напишу непременно ей; слишком накопилось, что сказать. Сам я так занят, что гораздо хуже каторги, и только боюсь припадков от напряжения.

Елене Павловне мой нижайший поклон.

Если б она тебе хоть капельку тоже дала взаймы (до января), то, может быть, ты бы и дотянул до января.

Марье Александровне, Вере Михайловне и всем, если увидишь, поклон. Спасибо за карточку [старшей дочери Исаева Веры — прим. авт.] <...>

<...> Эти 25 рублей точно отрезал от себя ножом — до того я теперь в безденежье, да и хуже всего, что не в Петербурге, где все же легче достать в самом крайнем случае, чем здесь.

Как не сообразен с здравым смыслом вексель на имя Анны Николаевны! [мать А.Г.Достоевской — прим. авт.] Ну не все ли равно, что на мое, и неужели бы я с тебя мог судом требовать хоть и через Анну Николаевну? Смешно право. <...>

<...> Будь здоров. Пошли Надежде Михайловне, и то, что я в декабре пришлю (если пришлю), тоже пошли, и из жалованья своего посылай, сам извернись как-нибудь ввиду предстоящего и нелегкого успеха. У всякого в жизни бывают дни, что надо претерпеть. Я пять лет сряду терпел и ждал, да почище твоего, а тут только 3 месяца! И того меньше. Надежда Михайловна может переехать в январе в Москву.

За карточку Верочки спасибо.

События принимали драматический оборот и выходили за рамки приличий. Анна Григорьевна принимала в них непосредственное участие, неудосужившись посещением «сомнительных родственников» в Петербурге, и, даже способствовала, через своего двоюродного брата, помещению новорожденного ребенка в воспитательный дом.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[177]:

11 декабря 1874 Старая Русса

Любезнейший Паша, если я не отвечал тебе до сих пор на твое письмо от 12 ноября, [1874 г. прим. авт.] то единственно потому, что мне было совершенно некогда. Я, по складу моих способностей, не могу отрываться от дела, когда усиленно работаю, тем более для дел хлопотливых, запутанных, где надо долго и много рассуждать и всячески объясняться, чтобы достигнуть хоть какого-нибудь толку. Если же притом заранее уверен, что никакого толку не достигнешь, то, само собой, руки отваливаются.

Ты возвратил мне 25 р., посланные тебе с желанием от всего сердца помочь тебе. Если Анна Григорьевна прислала тебе неприятное для тебя письмо, то смешивать нас обоих в этом деле ты не имел никакого права. Ты имел дело со мной, получал деньги от меня, а не от нее, тем более что я о письме ее к тебе не знал ничего. И ты очень хорошо знал сам о том, что я не знал ничего: иначе как же мне понимать первую страницу твоего письма, где излагаешь, что уверен и продолжаешь быть уверенным в моих добрых и искренних чувствах к тебе? Если уверен в моих чувствах, то, стало быть, не смешиваешь моих чувств с предполагаемыми тобою дурными чувствами к тебе Анны Григорьевны. А если так, то зачем ты мне выслал 25 р. обратно? Если выслал, значит, именно смешиваешь наши чувства вместе и предполагаешь в нас один умысел. А в таком случае твоя первая страница выходит ложь и т.д. и т.п. Кафимский узел. [плетения из жемчуга сложного узора, привозимые из Кафы (Феодосия) — прим. авт.] Да и кто разберет путаницу у нелогических и отчасти дурно развитых людей, каков ты.

Но пусть ты сделал одну только нелогичность. Чем, скажи, ты обиделся? Анна Григорьевна мне своего письма не показывала, и я всего его не знаю. Но невозможно же и не быть возмущенным, хотя бы только со стороны (а я тебе не сторона) тем, как ты обращаешься с своими детьми. Имеешь ли ты понятие о воспитательном доме и о воспитании новорожденного у чухонки, среди сора, грязи, вони, щипков и, может быть, побой: верная смерть. Друг мой Паша, я тебя не укоряю, хотя и не могу оставаться хладнокровным. Ведь не отдал же я тебя, всего только пасынка, куда-нибудь в ученье, в люди, в сапожники, а держал, воспитал, учил, да и теперь о тебе старался, писал за тебя письма или ходил просить о тебе бог знает каких людей — что для меня нож вострый иногда. Между тем ты, столь щекотливый даже относительно меня и моих, об тебе всегда старавшихся, столь щепетильно наклонный требовать исполнения долгов относительно тебя, — сам слишком беспечен относительно своих нравственных обязанностей, человеческих обязанностей — и относительно детей своих, и относительно отца. <…> Я не кто-нибудь для тебя, чтоб со мной тебе так щепетилиться. Да и об Анне Григорьевне ты бы мог в письме своем ко мне удержаться от таких резких выражений, как например: «… на присланное супругою Вашею письмо, в котором она, выходя из всяких границ приличий, наговорила мне оскорблений» и т.д.

Посылаю тебе карточку Верочки. Если ты хотел радикально разорвать со мною, то пусть судит тебя собственное сердце; если же нет, то продолжай уведомлять иногда о себе; я в судьбе твоей

всегда принимал искреннее участие. Впрочем, ничего не навязываю, как хочешь.

Твой любящий Ф. Достоевский

Читая эти строки не покидает чувство неловкости за действия всех участников этих событий. Федор Михайлович держался достойно, но некоторая неуверенность в речи выдает его внутреннее смятение. Досталось в этой ситуации, видимо, от него и Анне Григорьевне. Павлу Исаеву Достоевский не простил этот проступок до конца своей жизни.

Вскоре были приняты необходимые меры как, со стороны Федора Михайловича, так и со стороны Устиновых — родственников Надежды Михайловны Исаевой, для того чтобы вернуть девочку в семью.

Вряд ли необходимо входить в дальнейшие подробности о характере отношений между А.Г.Достоевской и семьей Исаевых.

Неоспорим факт, что в чувствах между П.А.Исаевым и его приемным отцом последовало охлаждение.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[177]:

23 февраля 1875 г. Ст. Русса

Любезнейший Паша, посылаю тебе, по просьбе твоей, 30 р.; извини, что никак не могу выслать всех пятидесяти. Причем считаю нужным предупредить тебя, что и впредь не в состоянии буду, в настоящем положении моем, помогать тебе. Следственно и не рассчитывай <...> Отослав 25 р., ты разрываешь со мной и даже после письма моего не пишешь, отговариваясь делами (которых у тебя не было, ибо ты только теперь поступил на службу). А между тем, не говоря уже о наших отношениях (то есть отчима к пасынку) — вспомни, что и все люди, покровительствовавшие тебе и сделавшие для тебя все, что ты имеешь (Майков, Ламанский, Порецкий и проч.) — все эти люди делали все это лишь для меня и по просьбе моей.

Ты же, фыркая на меня, даже и не подумал, что я могу наконец потерять терпение <...>

Желаю тебе всего хорошего и, главное, стать наконец хорошим человеком.

Твой Ф. Достоевский

7 января 1876 г. Петербург

Любезнейших Павел Александрович, я посылаю тебе просимые 30 р<ублей> <...>

Ты пишешь, что писал ко мне два письма. Я ни одного не получил, да и признаюсь тебе, это даже невероятно: почему всякое письмо ко мне доходит, а твои два ко мне не дошли?

<...> Еще скажу тебе, Павел Александрович, что посылаю тебе из последних моих денег <...>, отымаю от несчастных детей моих.

Я знаю, что скоро умру, а когда они останутся без меня, то ни одна рука не подаст им гроша. <…>

<…> Сверх того, слышал, что в Москве осуждали меня за то, что «я тебя бросил и тебе не помогаю» <…>

<…> Когда твоя мать умирала, то сказала мне: «Не оставь Пашу». Я тебя не оставлял до сих пор, но теперь тебе близ 30-ти лет и в обстоятельствах твоей жизни виноват не я. Полагаю, что могу уже больше и не помогать тебе, имея своих маленьких детей, ничем неповинных. Это знай <…>

Если ты забыл поклониться в письме жене моей, то мог бы хоть прислать поцелуй моим детям. Они лежат теперь в скарлатине, и Федя целую неделю был при смерти. До свидания

Твой искренний Ф.Достоевский

В своем письме Достоевскому Павел Александрович сообщал[178]: *«Вот уже третье письмо пишу Вам, не получая на первые два ответа. Может быть они и не доходили до Вас, то есть терялись, как часто случается. Так думаю, потому что на последнее письмо мое, в каком бы то ни было случае (как бы Вы на меня не сердились) Вы бы сочли нужным мне ответить <…> Письмо было очень важное, и как я помню, я его послал в конце ноября или в начале декабря пришлого года».* Исаев с декабря 1874 г. работал в Московском отделении Волжско-Камского коммерческого банка. Речь в письме шла о возможном возвращении его в Петербург.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[179]:

7 декабря 1877 г. Петербург

<…> Итак ты кончаешь с банком и с своим местом в банке. Все это я летом <…> предвидел. Но вот что: ты хочешь ехать сюда. Как знаешь. <…> Извини меня, более ходить по людям из-за твоих дел не буду <…>

Твой отчим Ф.Достоевский

П.А.Исаев окончательно потерял доверие отчима. Достоевский резонно не понимал, почему 30-ти летний глава семейства очередной раз добивается поддержки от него.

Но где-то в глубине души Федор Михайлович помнил мальчика, вошедшего в его жизнь вместе с любимой женщиной. В критический жизненный момент это воспоминание возобладало в душе писателя.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[179]:

16 мая 1878 г. Петербург

Милый Павел Александрович,

Сегодня скончался у нас Алеша, от внезапного, никогда не бывавшего до сих пор припадка падучей болезни. Еще утром сегодня

был весел, спал хорошо. В половине 10-го ударил припадок, а в половине третьего Леша был уже мертв. Хоронить будем на Большеохтинском кладбище в четверг, 18-го мая. Пожалей моего Лешу, Паша. Дай бог здоровья твоим деткам. Кланяйся супруге.

Твой всегдашний Ф.Достоевский

Жизнь продолжалась; отношения между ними менялись в зависимости от обстоятельств и самочувствия писателя. В последние годы жизни Федор Михайлович часто раздражался, сказывалась затяжная болезнь легких — эмфизема.

Из письма Ф.М.Достоевского П.А.Исаеву[179]:

22 августа 1878 г. Ст. Русса

Любезнейший Павел Алесандрович,

5 недель тому назад г-н Александр Александрович Рудин, [близкий знакомый А.Г.Достоевской — прим. авт.] по доброте своей ко мне, взялся тебе передать (и передал) 30 р. для оплаты экз<емпляров> Днев<ика> и отвоза этих экземпляров в склад, и для взноса процентов по одному свидетельству на вещи, причем Анна Григорьевна убедительно просила тебя прислать в заказном письме сюда, в Старую Руссу, к нам и это свидетельство по оплате процентов и прежние 2 свидетельства по заложенным билетам внутреннего займа, у тебя еще прежде находившиеся. На все это, и на извозчика, и на пересылку у тебя из 30 руб. должны были остаться деньги. И, однако же, ни слуху от тебя ни духу. <...> 2 недели тому назад Анна Григорьевна тебе писала, но ты не ответил. Вообще услуга была не велика, но ты рассудил уклониться. Мог бы сообразить, однако, что я немало для тебя услуг делал. Мог бы тоже сообразить, что ведь я впредь и себя могу считать избавленным навеки от всяких услуг после такого с твоей стороны поведения.

Прошу и требую теперь, непременно, чтобы ты передал Александру Александровичу, из рук в руки, все три находящиеся у тебя свидетельства как на заложенные вещи, так и на билеты внутреннего займа. Если же не заблагорассудишь, то я так не кончу, и поверьте, Павел Александрович, что для Вас будет весьма невыгодно, если я изберу известную мне дорогу для получения удовлетворения.

Надеюсь потому твердо, что ты исполнишь наконец поручение. А засим имею честь быть.

Ф.Достоевский

Получив письмо от Достоевского, Исаев выполнил его поручение, о чем сообщил 2 сентября 1878 г. в Старую Руссу. Рудин: «*31 августа получил от г. Исаева Ваши три обязательства, и, если желаете, то выкуплю Ваши вещи...*

Данных Вами г. Исаеву денег было недостаточно, и я приплатил ему 6 р. 70 к.»[180]

Вот так! Дело дошло до копеек. С трудом верится, что это последнее известное нам письмо Исаеву писалось рукой Ф.М.Достоевского.

В конце 1878 г. у Павла Александровича Исаева родился мальчик, которого назвали в честь «дедушки» Федором. Достоевский остался очень довольным и согласился быть у младенца крестным отцом.

Из письма П.А.Исаева Ф.М.Достоевскому[181]:

18 декабря 1879 г. Петербург

Милый и дорогой папа.

Вчера получил ваш большой портрет. Мне очень хотелось бы к празднику вставить его в раму. Но прежде, чем сделать это, мне очень также хотелось иметь на нем вашу подпись. Этот портрет останется для моего маленького Феди и будет памятью ему того, сколько добра сделал его крестный отец своему пасынку <…>

<…> в 6-7 часов зайду к вам для этой именно цели, надеюсь, что вы будете так добры и не откажете мне в моей, быть может, последней просьбе <…>

Не останавливаясь здесь подробно на перипетиях в семейных отношениях других родственников Ф.М.Достоевского необходимо отметить, что к началу 1881 г. они осложнились до крайности. Причина — злосчастное наследство Куманиной.

Из письма Ф.М.Достоевского Е.П. Ивановой[182]:

5 июня 1875 г. Эмс

<…> Точно так же не писал с лишком год и Софье Александровне. При сем прилагаю к ней письмецо и очень прошу Вас ей сообщить, как только ее увидите. А вместе с тем прошу и Вас ей сообщить, как только увидите <…> Писано оно мною по тому поводу, что услышал наверно о том, какие слухи обо мне в Москве (теперь уже узнал не от одного Ивана Григорьевича, еще и из других источников). Софья Александровна, вместе с другими, слухам поддалась и меня обвинила. Бог с нею, если у ней так это легко делается и обвинить человека и разорвать с ним ничего не стоит. Узнав о ее мнении, я был очень печален, убеждать ее я не намерен, но раз протестовать надо, а затем уж как она хочет. Но я подумал тоже и об Вас и с удовольствием почувствовал в сердце моем, что Ваше мнение обо мне, то есть об честности моей, совести, об душе моей и об моем сердце, для меня очень дорого: мне слишком бы не хотелось, чтоб и Вы обо мне что-нибудь черное подумали. А потому и прошу Вас взглянуть на письмо мое к Софье Александровне; а вместе и попрошу, если Соня рассердится на письмо мое, сказать ей, чтоб не сердилась, а подождала бы

лучшего конца. Впрочем, как ей угодно; может быть, только мне одному так тяжело разрывать в клочки все прежнее, прочие же гораздо меня благоразумнее.

В Москве ли Павел Александрович Исаев? Я знал, что он проживал некоторое время в номерах <...> Если можете и не забудете, черкните мне хоть что-нибудь о нем <...> Впрочем, очень прошу Вас, дорогая Елена Павловна, не сообщать ему, что я об нем спрашивал Вас. Ей богу, я ужасно стал бояться людей. Пренебрегать то, что о нас думают и говорят люди и как они на нас клевещут — и можно и должно, но есть степень, где все вместе обращается в большой вред. Впрочем, думаю, что Паша обо мне не говорит дурно (слишком было бы ему стыдно это), но жена его дело другое.

Из письма Ф.М.Достоевского А.М.Достоевскому[183]:

10 декабря 1875 г. Петербург

Многоуважаемый и любезнейший брат Андрей Михайлович, письмо твое, от 1-го декабря, получил несколько дней тому и не мог сейчас ответить, потому что был завален занятиями; теперь же отработался и спешу ответить тебе с удовольствием. Если в твоем семействе, как ты пишешь, наблюдаются родственные связи, то уж я-то, кажется, от них никогда был не прочь, и если наши родные, сплошь почти, знать не хотят родственных связей, то уж конечно не по моей вине. И теперь еще живут здесь, в доме сестры Александры Михайловны, двое племянников моих, верочкиных детей, Виктор и Алексей, учатся в Путей сообщения, и вот уже Виктор 3 года, а Алексей год, как здесь, а ни разу у меня не были; я же в детстве их немало передарил им гостинцев и игрушек. Сестра же Александра Михайловна и Шевяков не удостоили и меня (как и тебя) уведомить об их супружестве. Да мало ли еще найдется.

До тебя дошли слухи, что будто я негодовал на тебя, что сохранили (вы с Варей) на меня документы тетке в 10 000. Но это неправда, и сплетням не верь. На этот счет я негодовал, но не на тебя, потому что, по смерти тетки, тебе самовольно нельзя было уничтожить такие важные документы. Я негодовал на покойника Александра Павловича, при котором было написано завещание; выключая же меня из завещания, в то же время непременно надо было напомнить тетке, что надо разорвать документы. Мог бы, правда, напомнить потом и ты о том же самом, тетке или бабушке, но я тебя не обвинял, потому что не знаю до сих пор, известно ли тебе было, до смерти ее, содержание ее завещания <...>

Из письма Ф.М.Достоевского Н.М. Достоевскому[184]:

2 мая 1880 г. Петербург

Любезнейший брат Николай Михайлович,

Доверенность на ввод во владение дать необходимо, и неотложно, и давно пора. Что же касается до подписания договора, то в этом случае поступи, как сам хочешь <...> — *На днях мы подпишем и вышлем Шеру проект о разделе.* <...> *Но я, брат Андрей и прочие подписываем каждый за себя, а ты поступи, как сам знаешь. Скажу лишь одно, что выбирал участок не Иван Григорьевич (он лишь осмотрел уже выбранное как специалист), а выбирали Анна Григорьевна и Александр Андреевич Достоевский [племянник Ф.М.Достоевского — прим. авт.]* <...>

<...> — *Посылаю тебе необходимые для расходов деньги, 16 рублей. Затем обнимаю тебя и остаюсь тебя любящий брат.* <...>

Из письма Ф.М.Достоевского А.М.Достоевскому[184]:

28 ноября 1880 г. Петербург

<...> *Пожелание мое и совет тебе: береги здоровье. Что до меня, то здесь у нас и беречь его невозможно. А к тому же не по силам почти работа. Только что кончил свой большой роман, [«Братья Карамазовы» — прим. авт.] принимаюсь теперь за «Дневник писателя» и уже начал публиковаться в газетах. Главное, страшит меня срочность выпусков. Это очень тяжело при моем здоровье. А что будешь делать: не работать, так и средств не будет. Дотянуть бы только до весны, и съезжу в Эмс. Тамошнее лечение меня всегда воскрешает. К 4-му декабря хочу написать сестре Варваре Михайловне. Я ее люблю; она славная сестра и чудесный человек. Вот брат Николай Михайлович совершенно порвал со мной, точно меня нет на свете, вот уже два с половиною года* <...>

Из письма А.Г.Достоевской А.М.Достоевскому[185]:

26 ноября 1880 г. Петербург

<...> *благодарю Вас от всего сердца, что Вы вспомнили день рождения Федора Михайловича. Он был очень доволен, получив Ваше письмо: из всех его родственников только Вы и Ваши дети поздравили его в этот день. Ни племянники, ни Николай Михайлович даже письмом не подумали о нем вспомнить, и это видимо огорчило Федора Михайловича* <...>

В рождественские праздники 1880 г. Федор Михайлович (со слов Веры Павловны Исаевой — прим. авт.) в последний раз зашел в семью своего пасынка П.А.Исаева; подарил детям игрушки и конфеты, играл с ними.

Такие визиты к Исаевым в последние годы были редкими и потому особенно приятными для всей семьи.

Автору этой книги трудно объективно оценить характер взаимоотношений Ф.М.Достоевского со своим пасынком. Отдадим это на суд читателя.

Образ Павла Александровича Исаева неожиданно возник из небытия уже в наше время.

Нобелевский лауреат по литературе за 2003 г. южноафриканский писатель Джон Максвел Коудзей в своем произведении одним из действующих лиц вывел пасынка Достоевского, якобы погибшего от руки убийцы в Петербурге; что побудило Федора Михайловича вернуться в 1871 г. из Дрездена в Россию.

Из всего вышеизложенного уважаемый читатель может убедиться, что этот сюжет не соответствует истине.

После смерти Ф.М.Достоевского П.А.Исаев продолжал работать банковским служащим. Он умер в 1900 году от чахотки в Санкт-Петербурге.

СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ

Обратиться к этой теме автора побудило лишь то обстоятельство, что непосредственным участником тех трагических дней и часов был Павел Александрович Исаев, а также разноречивость воспоминаний участников того печального события.

Из воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской: *«в ночь с 25-го на 26-ое января 1881 г. с Федором Михайловичем произошло маленькое происшествие: его вставка с пером упала на пол и закатилась под этажерку (а вставкой этой он очень дорожил, так как, кроме писания, она служила ему для набивки папирос); чтобы достать вставку Федор Михайлович отодвинул этажерку. Очевидно, вещь была тяжелая, и Федору Михайловичу пришлось сделать усилие, от которого внезапно порвалась легочная артерия и пошла горлом кровь; но так как крови вышло незначительное количество, то муж не придал этому обстоятельству никакого значения и даже меня не захотел беспокоить ночью».*

Далее, отмечает И.Волгин в своей книге «Последний год Достоевского»,[186] у Анны Григорьевны следует одно довольно загадочное место: *«Часа в три, — пишет воспоминательница, — пришел к ним один господин, очень добрый и которой был симпатичен мужу, но обладавший недостатком — всегда страшно спорить. Заговорили о статье в будущем «Дневнике»; собеседник начал что-то доказывать, Федор Михайлович, бывший несколько в тревоге по поводу ночного кровотечения, возражал ему, и между ними разгорелся горячий спор. Мои попытки сдержать спорящих были неудачны, хотя я два раза говорила гостю, что Федор Михайлович не совсем здоров и ему вредно громко и много говорить. Наконец, около пяти часов, гость ушел и мы собирались идти обедать, как вдруг Федор Михайлович присел на свой диван, помолчал минуты три, и вдруг, к моему ужасу, я увидела, что подбородок мужа окрасился кровью и она тонкой струей течет по его бороде. Я закричала, и на мой зов прибежали дети и прислуга* <…>[187]

В первой биографии Достоевского, опубликованной в 1883 году, о предобеденном визите таинственного господина не говорится ни слова.

Такая забывчивость объясняется следующим обстоятельством. Из воспоминаний дочери Достоевского Любовь Федоровны[188]:

<…> *В конце января приехала тетя Вера из Москвы… Отец был очень обрадован… и поспешил пригласить ее на обед* <…>

Вера Михайловна приехала в Петербург из Москвы, чтобы уговорить брата отказаться от части наследства Куманиной, так как семья к этому времени очень обеднела и нуждалась в деньгах.

<…> Семейный обед начался весело, шутками, воспоминаниями об играх и развлечениях в детские годы <…>.

<…> Но тетка спешила начать переговоры… о наследстве, отравившем жизнь всем Достоевским.

Отец наморщил лоб; моя мать попыталась переменить тему разговора… Все напрасно; тетя Вера была наименее интеллигентной из всей семьи <…>

Достоевский потерял терпение и встал из-за стола до окончания обеда… Мать провожала золовку, продолжавшую плакать и пожелавшую как можно скорее отправиться домой, отец побежал в свою комнату.

Он сел за письменный стол и подпер голову обеими руками. Страшная усталость навалилась на него… Внезапно он почувствовал странную влагу на руках; он посмотрел на них — они были в крови. Он прикоснулся ко рту, к бороде и с ужасом отдернул руку <…>

Из воспоминаний А.Г.Достоевской[189]:

Федор Михайлович, впрочем, не был напуган, напротив, стал уговаривать меня и заплакавших детей успокоиться; он повел детей к письменному столу и показал им только что присланный номер «Стрекозы», где была карикатура двух рыболовов, запутавшихся в сетях и упавших в воду. Он даже прочел детям это стихотворение, и так весело, что дети успокоились. Прошло спокойно около часу, и приехал доктор, за которым я вторично послала <…>

Из воспоминаний лечащего врача Ф.М.Достоевского Я.Б. фон Бретцеля[190]:

<…> приехав поздно с практики и едва успев сесть за обед, мне принесли записку Анны Григорьевны:

«У мужа хлынула горлом кровь, приезжайте, ради Бога!»

Конечно я немедленно поспешил к больному.

А.Г.Достоевская[189]:

<…> приехал доктор. <…> когда доктор стал осматривать и выстукивать грудь больного, с ним повторилось кровотечение и на этот раз столь сильное, что Федор Михайлович потерял сознание <…>

Я.Б. фон Бретцель — 37 лет спустя в 1918 году[190]:

<…> Увы, я уже застал Достоевского в безнадежном состоянии; обильная потеря крови ослабила его настолько, что можно было принять только паллиативные меры.

Бретцель попросил послать за двумя докторами, одним, его знакомым; А.А. Пфейфером и профессором Д.И. Кошлаковым.

А.Г.Достоевская[189]:

<...> Кошлаков, поняв из записки доктора фон Бретцеля, что положение больного тяжелое, тотчас приехал к нам. На этот раз больного не тревожили осматриванием и Кошлаков решил, что так как крови излилось сравнительно немного (в три раза — стакана два), то может образоваться «пробка», и дело пойдет на выздоровление. Доктор фон Бретцель всю ночь провел у постели Федора Михайловича, который, по видимому, спал спокойно. Я тоже заснула лишь под утро.

Весь день 27 января прошел спокойно: кровотечение не повторялось, Федор Михайлович, по-видимому, успокоился, повеселел, велел позвать детей и даже шепотом с ними поговорил. Среди дня стал беспокоиться насчет «Дневника», пришел метранпаж из типографии Суворина и принес последнюю сводку. <...> Хоть я задержала метранпажа на полчаса, но после двух поправок, прочтенных мною Федору Михайловичу, дело уладилось. Узнав через метранпажа, что номер был послан в гранках Н.С.Абазе и им пропущен, Федор Михайлович значительно успокоился. <...>

Его болезни не придали особого значения. Но тем не менее по городу распространился слух. Люди стали приходить на квартиру, расспрашивали о самочувствии писателя.

Приехал вторично профессор Кошлаков, нашел, что положение значительно улучшилось, и обнадежил больного, что через неделю он будет в состоянии встать с постели, а через две — совсем поправится. Он велел больному как можно больше спать; поэтому весь наш дом довольно рано улегся на покой.

А.Г.Достоевская[189]:

<...> Проснулась я около семи утра и увидела, что муж смотрит в мою сторону <...>

— Знаешь, Аня, — сказал Федор Михайлович полушепотом, — я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру <...>

Затем сказал мне слова, которые редкий из мужей мог бы сказать своей жене после четырнадцати лет брачной жизни:

— Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно! <...>

<...> Среди дня опять стали приходить родные, знакомые и незнакомые, опять приносили письма и телеграммы. Приехал пасынок Федора Михайловича, которого я накануне письмом уведомила о болезни мужа. Павел Александрович непременно хотел войти к больному, но доктор его не пустил; тогда он стал в щелку двери подглядывать в комнату. Федор Михайлович заметил его подглядывания, взволновался и сказал: «Аня, не пускай его ко мне, он меня расстроит!»

Между тем П.А.Исаев очень волновался и говорил всем приходившим узнавать о положении Федора Михайловича, знакомым и незнакомым, что у «отца» не составлено духовного завещания и что надо привезти на дом нотариуса, чтобы Федор Михайлович мог лично распорядиться тем, что ему принадлежит <…>

<…> *В сущности, в духовном завещании не было надобности: литературные права на произведения Федора Михайловича были им подарены мне еще в 1873 году.*

Кроме пяти тысяч рублей, оставшихся в редакции «Русского вестника», у Федора Михайловича ничего не было, а наследниками этих небольших денег являлись мы, то есть дети и я.

Я весь день ни на минуту не отходила от мужа; он держал мою руку в своей и шепотом говорил: «Бедная.. дорогая… с чем я тебя оставляю… бедная, как тебе тяжело будет жить!» <…>

Так пишет Анна Григорьевна.

Существуют также и другие документальные источники, зафиксировавшие последние дни и часы Ф.М.Достоевского.

Известный исследователь биографии и творчества Достоевского, писатель И.Волгин расшифровал стенографические дневниковые записи А.Г.Достоевской. Из них следует:

<…> *Шел вторник 27 января 1881 г.* <…> *Во вторник… Вечером Верочка и Павел Александрович, рано легли, пил много лимонаду, сделанного мамой, часто* <…>

Следовательно П.А.Исаев посетил с дочкой (Вере Павловне тогда исполнилось 7 лет) Федора Михайловича уже вечером 27 января 1881 г.

Из писем племянницы Достоевского Е.А.Рыкачевой и ее мужа к отцу — тестю А.М.Достоевскому в Ярославль[191] (28 января 1881 г. Е.А.Рыкачева была у Достоевских):

«Дядя был спокоен, — пишет она Андрею Федоровичу, — и к нему никого не пускали, хотя говорили ему обо всех, кто приходил навестить его, — и он непременно этого желал».

<…> *Утром, пока я ездила в типографию, — записывает Анна Григорьевна, — был Покровский, потом Майков, Рыкачева, Орест Миллер, Кашпирева, Павел Александрович, Михаил Михайлович (племянник), Григорович, Майков и Анна Ивановна (жена Майкова)* <…>

<…> Он просит прочесть «Новое время» за среду 28.01.1881 г. — здесь — первое печатное известие о его болезни. <…>

Достоевский не оставляет никакого формального завещания. Его наследство не столь значительно, чтобы вызывать страсти. И тем не менее кое-какие движения у одра умирающего имели место.

По словам Анны Григорьевны, «очень волновался» пасынок Достоевского П.А.Исаев.

<...> Однако из письма Рыкачевой вырисовывается несколько иная картина[191]:

«Анна Григорьевна и дети плачут и волнуются... мне никто не мог ничего толком сказать, так как все суетились. Один пасынок Федора Мих<айловича> отличался спокойствием и всех успокаивал.

<...> Возможно, именно тогдашнее спокойствие 34-х летнего Павла Александровича и вызвало у Анны Григорьевны ретроспективное раздражение. Конечно, ей не могли нравиться претензии сомнительного родственника. <...>

<...> Павел Александрович непременно желал войти к больному. В черновой тетради Анны Григорьевны записано так: *«Не хотел звать Пашу, качал головой, чтоб тот не смотрел в щелку. Позвал Пашу, рассердился и отдернул руку, когда тот ее поцеловал».*

<...> Может быть, в данном случае недовольство больного было вызвано не всем известным легкомыслием Павла Александровича, а, напротив, его излишней деловитостью — неуместным стремлением оформить свои права?

Но вот еще запись в тетради Анны Григорьевны, которая как будто свидетельствует о там, что «волновался» не только П.А.Исаев: *«Все деньги твои. Нотариус подписал повестки, подписал доверенность («как бы не обидеть детей»)».*

Возможны два предположения. Либо был составлен (причем по инициативе самой Анны Григорьевны) какой-то заверенный нотариусом формальный акт («доверенность»), закрепляющий все наследственные права за супругой завещателя, либо здесь имеется в виду старый, 1873 года документ.

«Как бы не обидеть детей» то есть, разумеется, детей уже взрослых, достигших совершеннолетия. В январе 1881 года Феде было девять лет. Любе — одиннадцать <...>

Существует также описание о последних минутах жизни Достоевского Болеслава Михайловича Маркевича (прозаик, публицист, действительный статский советник, с 1873 г. — член совета Министерства народного просвещения — прим. авт.), напечатанное в «Московских Ведомостях» за 1.02.1881 г. № 32.:

<...> *в среду (28 января) перед самым обедом прочел я в «Новом времени» сообщение о том, что Достоевский «сильно занемог»* <...>

<...> *В исходе восьмого часа я звонил у двери скромной квартиры «(Достоевского)»... Кто-то быстро отворил «(дверь)» и рванулся мне навстречу:*

— Доктор, скорее, скорее! — стенящим голосом воскликнул какой-то молодой человек (это был пасынок Достоевского).

Я не успел ответить, как в переднюю вылетела десятилетняя белокурая девочка с раздирающим криком:

— Господин доктор, Бога ради, спасите папашу, он хрипит!..

— Я не доктор, — рассеянно, со внезапным ужасом проговорил я.

В эту минуту в переднюю вышел весь бледный, с лихорадочно горящими глазами Аполлон Майков.

— Можно его видеть? — спросил я.

— Пойдемте!.. <...>

<...> Наконец явился долгожданный доктор (Н.П. Черепнин). Он поспешно прошел в кабинет, велел открыть форточку, потребовал пульверизатор и потребовал настоятельно, чтобы его ставили одного с пасынком Федора Михайловича <...>

<...> Аполлон Майков и я остались с Марьею (Болевлав Маркевич ошибочно называет Анну Григорьевну Марией).

<...> Через несколько минут доктор вышел от умирающего. «Что, конец!» — воскликнула несчастная женщина, вскакивая конвульсивно с места... — Не кончено еще... но кончается».

Все проходят в комнату умирающего; жена и дети молча опускаются на колени <...>

У его постели — Анна Григорьевна с детьми, ее мать, Майков с супругой, Б.Маркевич, П.Исаев, возможно другие родственники, доктор, священник...

<...> Все замерло мертвым молчанием. Его дыхания уже вовсе не слышалось. <...> Доктор нагнулся к нему, прислушался, отстегнул сорочку, пропустил под нее руку — и качнул головой. На этот раз все было действительно «кончено». <...>

Федор Михайлович Достоевский умер 28 января 1881 г. около девяти часов вечера.

Через 36 лет после смерти Достоевского доктор фон Бретцель отметил[190]:

«Вы спрашиваете, чем он был болен. В то время еще микроб чахотки не был найден, поэтому строгого определения быть не могло... объективное же исследование не оставляло сомнения, что это был туберкулезный процесс.

В обоих легких были значительные разрушения (каверны), и разрыв легочной артерии в одну из каверн дал столь сильное кровотечение».

Официальный диагноз: эмфизема легких.

Из «Медицинского справочника» (Москва, 1955 с. 136):

ЭМФИЗЕМА ЛЕГКИХ (EMPHYSEMA PULMONUM). Расширение легких, вызванное растяжением легочных альвеол воздухом. Различают острую и хроническую эмфизему. Острая эмфизема (острое расширение легких) наблюдается во время приступа бронхиальной астмы. К острой эмфиземе относятся компенсаторная эмфизема, которая появляется в здоровом легком, когда другое легкое, вследствие воспаления или сжатия, не принимает участия в дыхании. Компенсаторная эмфизема (пневмосклероз, туберкулез легких и др.). <...>

<...> Эмфизема появляется как следствие хронического бронхита, часто повторяющихся приступов бронхиальной астмы, туберкулеза легких, порока сердца. <...>

<...> Первый признак эмфиземы — одышка, которая вначале появляется при усиленной работе, быстрой ходьбе, а затем все более и более усиливается. Эмфизема почти всегда, особенно в далеко зашедших случаях, сопровождается бронхитом (кашель, выделение мокроты). Судя по этой информации диагноз был поставлен правильно, но почему-то никто из врачей не обращал внимания на развивающийся туберкулез.

Но вернемся к причине, вызвавшей разрыв легочной артерии и сильное кровотечение.

И.Волгин в своей книге[186] справедливо отмечает:

<...> Анну Григорьевну вполне устраивала версия, согласно которой причиной болезни был визит Веры Михайловны и бурная сцена между братом и сестрой [в которой, очень вероятно, принимала участие сама Анна Григорьевна — прим. авт.].

Такое объяснение бросило невыгодный свет на корыстолюбивых, с точки зрения Анны Григорьевны, родственников мужа к которым жена Достоевского всегда испытывала инстинктивную, продиктованную заботой о собственной семье неприязнь.

Для Анны Григорьевны важно умалить серьезность первого кровотечения и подчеркнуть роковой характер второго.

Следует сказать, что уже на следующей день после смерти Достоевского эта версия вызывала некоторые сомнения. <...>

30.01.1881 г. Е.А.Рыкачева пишет А.М.Достоевскому *«Анна Григорьевна уверяет, что Вера Михайловна и была причиною <смерти> сильной болезни дяди, потому что она его очень раздражила 26-го, говоря с ним об Вашем наследстве и требуя от него денег; но я что-то не очень доверяю этому, так как кровь показалась у дяди еще утром 26, а Вера Михайловна была в обед у них, когда уже болезнь началась».*

<...> Рыкачева ошибается в деталях (кровь «показалась» еще ночью), но тенденциозность в рассказе Анны Григорьевны она

уловила верно. Жена Достоевского желает создать впечатление — разумеется, в узком кругу, — что истинной причиной недуга была ссора с родственницей. С годами эта версия укореняется как «внутрисемейная»: так, Любовь Федоровна вообще не упоминает о первом (ночном) кровотечении — она начинает отсчет болезни прямо с драматического визита тетки. <…>

<…> Итак выясняется: варианты рукописи — не результат мучительной работы памяти (они вовсе не отражают процесс припоминания), а, так сказать, следствие творческих поисков мемуаристки. В рукописи зафиксированы все стадии этой художественной работы: «тяжелый стул» заменяется «тяжелой этажеркой» (сам предмет здесь условен и играет чисто случайную роль), уточняются детали, подыскиваются логические связи. На свет появляется версия. <…>

<…> Примерно через час после кончины приехал родной брат Анны Григорьевны — Иван Григорьевич Сниткин. Он прибыл из Москвы <…>

<…> Бодрствовали (в час ночи) вдова, ее мать и брат — одевали и укладывали тело Достоевского на стол. «К часу ночи, говорит Анна Григорьевна, «усопший уже возлежал на погребальном возвышении посредине своего кабинета… С глубокой благодарностью судьбе вспоминаю я эту последнюю ночь, когда мой дорогой муж еще всецело принадлежал своей семье». <…>

<…> 29 января, часов в одиннадцать, явился ко мне очень почтенного вида господин от тогдашнего министра внутренних дел графа Лорис-Меликова. Высказав мне от имени графа его соболезнования по поводу моей утраты, чиновник сказал, что имеет для передачи сумму на похороны моего почившего мужа. Не знаю, в каком размере была эта сумма, но я не хотела ее взять. Я, конечно, знала, что во всех министерствах существует обыкновение оказывать осиротевшей семье помощь на погребение почившего члена ее и что такая помощь никем не признается обидною. Но почти обиделась на предложение этой помощи. Я просила чиновника очень благодарить графа Лорис-Меликова за предложенную помощь, но объявила, что не могу принять ее, так как считаю своею нравственною обязанностью похоронить мужа на заработанные деньги <…>

Анна Григорьевна оказалась права. Федор Михайлович боялся оставить в бедности свою семью. Но имя его, как он сам однажды обмолвился, «стоило миллион». А.Г.Достоевская знала об этом еще до того дня, когда двадцатилетней девушкой в первый раз переступила порог квартиры Ф.М.Достоевского.

Издав семь собраний его сочинений Анна Григорьевна обратится в женщину далеко не бедную.

Родные и друзья у могилы Ф. М. Достоевского. Слева направо: Е. А. Рыкачева – дочь А.М. Достоевского; С. С. Кашпирева – издательница журнала «Семейные вечера»; А. Г. Достоевская – и дети писателя – Федор и Любовь; супруги Н. М. и П. А. Исаевы; И. Г. Сниткин, Н. Н. Страхов.

Впоследствии она даже приобретет два имения: одно в Крыму под Ялтой, а второе на Кавказе в Сочи.

30 января 1881 г. вдове была назначена Государем Императором пенсия в размере 2000 руб. в год.

И это, по справедливости, вполне заслуженно. Анна Григорьевна к 1880 году привела в порядок дела мужа. Она сделалась издателем его произведений, удовлетворила кредиторов, была корректоршей и администратором его «Дневника писателя», никогда не жаловалась на свою судьбу, ей достаточно было сознания быть подругой великого писателя. Она создала ему семью, взяла на себя обязанности деловой секретарши и казначея, переписывала его романы, утешала его во время припадков, болезни, страха смерти, безропотно сносила взрывы его азарта, ревности и придирчивости. И она заслужила, чтобы Ф.М.Достоевский посвятил ей один из лучших своих романов — «Братья Карамазовы».

Анна Григорьевна Достоевская умерла в Ялте 9 июня 1918 года и была похоронена на Старо-Аутском кладбище. В пятидесятилетнюю годовщину со дня ее смерти — 9 июня 1968 года — была исполнена последняя воля Анны Григорьевны: прах ее из Ялты перенесен в Ленинград, к могиле Ф.М.Достоевского.

У их детей личная жизнь не сложится, но нуждаться они до 1917 года не будут.

НАСЛЕДИЕ И НАСЛЕДНИКИ

Нисколько не умаляя заслуг Анны Григорьевны Достоевской в жизни и творчестве великого писателя, нельзя не отметить фактов отражающих претенциозность некоторых ее поступков и высказываний в отношении близких Достоевскому людей.

Прежде всего это касается несправедливого отношения Анны Григорьевны к памяти первой жены Достоевского.

По свидетельству моей бабки (переданных ею своему сыну — моему отцу — Донову Алексею Евдокимовичу, прим. автора) Веры Павловны Исаевой-Доновой, Анной Григорьевной была уничтожена большая часть переписки Ф.М.Достоевского с Марией Дмитриевной Достоевской и его пасынком — П.А.Исаевым. Более того она вымарывала (умышленно — прим. авт.) все сведения в переписке Достоевского с другими адресатами, тем или иным образом касающиеся имени М.Д.Достоевской. Видимо, стремление остаться в истории единственной истинной хранительницей очага и литературного наследства великого писателя побудило А.Г.Достоевскую к этим действиям.

Разобраться во всем этом нелегко. Свести сложное к простому всегда очень трудно. Очень часто честолюбие именует себя призванием, и кто знает? — быть может, даже искренне поддаваясь самообману.

В пылу литературной полемики многие исследователи литературной деятельности и биографии Ф.М.Достоевского, особенно в советское время, приняли «официальную» концепцию семейных отношений писателя. С одной стороны «африканские» страсти первой жены, и — труженицы, хранительницы домашнего очага и верного друга — второй.

Особенно неприемлемыми являются «изображения» дочери Достоевского Любовь Федоровны, безусловно навеянные ей Анной Григорьевной Достоевской.

Прямые оскорбления достоинства тяжело больной женщины, которую она никогда в глаза не видела, являются неуважением к памяти самого писателя. Неужели было так трудно понять Любовь Федоровне Достоевской, что откровенный вымысел и выражения типа «ужасная, бесстыжая женщина», «белокожая негритянка», «эту мегеру» и т. п. относятся к женщине носящей фамилию Достоевская.

И этот стереотип распространялся по свету десятками лет, не встречая объективной оценки со стороны многочисленных уважаемых достоевсковедов. Любое же сомнение или критика относительно действий или высказываний А.Г.Достоевской вызывали достаточно резкую критику тех же исследователей.

Сама Любовь Федоровна к месту и не к месту постоянно подчеркивала свое «кровное» родство с великим писателем, свое «европейское» воспитание и жила, собственно, за счет имени отца, в отличие от своего брата, Федора Федоровича Достоевского, которому всю жизнь претил ярлык «сын Достоевского».

Положа руку на сердце, признаем: нас сильно раздражает в прошлом и настоящем, когда вдовы начинают претендовать на те места, которые их мужья занимали при жизни: кем бы они были сами по себе? Так почему же после смерти супругов они считали и считают себя вправе пользоваться их авторитетом? Их роль — хранение наследия, разбор архивов, публикация рукописей, написание мемуаров. Очень достойная и нужная роль. Но очень часто они претендуют на большее — на право говорить и действовать от лиц покойных мужей.

Говорят, что эти женщины заслужили такое право тем, что поддерживали своих мужей, подталкивали их к действию. А нас не оставляет подозрение, что они толкали мужей туда, где могли бы хоть как-то реализовываться и сами. В историю, литературу, политику можно въехать на плечах мужа — гения, да там и остаться после его смерти. Тем более, если это очень выгодно с материальной точки зрения.

Анна Григорьевна Достоевская, которая в литературном наследии Федора Михайловича играла роль хозяйки книжной лавки, утверждающей, что она везла на себе весь воз; после смерти мужа заявляла, вспоминала и требовала, до курьезности. Так Л.П.Гроссман в своей книге[192] пишет: ... *«Это было зимою 1916\17 года. В одной из бесед со мною о Достоевском жена его заговорила о своей исключительной счастливой жизни и высказалась о своем чувстве к покойному мужу»*... Анна Григорьевна с улыбкой передает эпизод, которому, видимо, придает значение:

«Вы знаете, что в Мариинском театре готовится теперь к постановке опера начинающего композитора Прокофьева на сюжет повести Достоевского «Игрок» . Молодой музыкант не осведомлен об авторских правах нашей семьи и нам пришлось заявить об этом. Дело уладилось «...».

С трудом можно себе представить, чтобы Наталья Николаевна Пушкина или ее дети заявили денежные требования М.И.Глинке за оперу «Руслан и Людмила», созданной по известной поэме Пушкина или П.И.Чайковскому за одноименную оперу «Пиковая Дама»

После жизни великих людей остается наследство и Наследие. Можно ссориться, интриговать, мириться, судиться, делить права и деньги. Это узаконенное право наследников. Но Наследие принадлежит всему миру. И когда наследники начинают претендовать на Наследие, когда они в пылу полемики или каких-то своих честолюбивых

интересов, чаще всего весьма некстати, начинают искажать истинные события, им необходимо указать на ту запретную черту, которую нельзя переступать.

Россия тяжело переживала кончину Достоевского. Лев Николаевич Толстой писал в феврале 1881 года[193]: <…> *Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском… Я никогда не видел этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек.* <…> *И никогда мне в голову не приходило меряться с ним — никогда. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца — только радость* <…>

О литературном наследии Ф.М.Достоевского написано и сказано так много, что систематизировать или обобщить весь имеющийся материал практически невозможно. Из последних работ наиболее любопытной, по мнению автора этих строк, является книга, посвященная творчеству и личности великого писателя, И.Н.Гарина. Приведем выдержки из этой книги:

<…> *Достоевский… Самое глубокое переживание культурной Европы. Художник великого отчаяния и муки. Звезда первой величины в истории влияний. Злободневный на века вперед, а что касается XX, то это просто «век Достоевского» — так точно ему следует; Гомер, Данте, Шекспир, Гете, Толстой, — кого поставить рядом?* <…>

Альберт Эйнштейн:

«Достоевский дает мне больше, чем любой мыслитель, больше чем Гаусс!»

Кнут Гансум:

«Достоевский — единственный художник, у которого я кое — чему учился»

Андре Жид:

«Гении не только черпают, в еще большей степени они оказывают влияние. И их влияние может быть более значительно, чем их творения…»

<…> Влияние Достоевского отнюдь не исчерпывались литературой — Достоевский влиял на культуру в целом, на мировоззрение, …..<…>

<…> Вначале Запад встретил Достоевского, как выразителя «первозданности», бесформенности, хаоса. Для Вогюэ, Капуаны, Сюареса Достоевский был Востоком, таким же как буддизм, индуизм, зороастризм. Цвейг был, пожалуй, последним, для кого герои Достоевского выражали русскость. Хаос, неуверенность, сомнение — таковы черты нового человека, выходящего из лона русской души, считал Цвейг

Быть счастливыми, довольными, богатыми, могущественными. Кто из героев Достоевского стремиться к этому? Никто(?). Ни один(?). Они нигде не хотят остановиться, даже в счастье. Они всегда стремятся дальше. <...>

<...> Сама жизнь быстро развеяла заблуждения о стране, где чуть ли не каждый жених убивает в день свадьбы свою невесту. Внезапно Запад обнаружил, что весь мир переполнен страстями Карамазовых, полон подпольных людей, кишит смердяковыми. <...>

<...> Хотя тема «Достоевский и мировая литература» возникла после его смерти — при жизни Запад почти не знал его, — видимо, тема эта его волновала. О том, что он задумывался о своей роли в мировой литературе, свидетельствует его ответ на вопрос В. Микулича: «Кого вы ставите выше: Бальзака или себя? Ответ: «Каждый из нас дорог только в той мере, в какой он принес в литературу что-нибудь свое, что-нибудь оригинальное. В этом все!» <...>

<...> Каждый его герой, каждый его роман давали начало длинному ряду классических образов. Почти все темы литературы XX века предвосхищены, почти все герои намечены. Мережковскому и Бердяеву Достоевский помог понять суть социализма, как затем Беллю — фашизма. Фрейду и Стриндбергу — глубже проникнуть в глубины подсознания, экзистенциональным (фатальным, внешне бесцельным — прим. авт.) писателям современности — постичь проблемы абсурда бытия. Каждый деятель культуры находил в нем отзвук собственным вкусам, пристрастиям, симпатиям и антипатиям. И не только в литературе.

В России под влияние Достоевского попали Л.Шестов, Н.Бердяев, П.Флоренский, С.Булгаков, А.Ремизов, Ф.Сологуб, Л.Андреев, М.Арцыбашев, Б.Савинков-Ропшин, В.Винниченко, В.Розанов, А.Белый, Д.Мережковский, З.Гиппиус... Еще надлежит исследовать влияние Достоевского на поэзию — до Пастернака, Цветаевой и Ахматовой включительно.

<...> Униженные, оскорбленные, оболганные, извращенные — сколько вас?... Сколько пасквилей на национальную гордость? Сколько анафем, доносов, приговоров, безымянных могил?...

И вдруг — любимое словечко Федора Михайловича! — вдруг после десятилетий забвения, запрещений, поношений, унижений — огромная панегирическая достоевскиана. <...>

<...> Горький сравнивал Достоевского с инквизитором, называл адвокатом насилия и считал, что *«борьба с Достоевским необходима во имя правильного направления развития нашей литературы»*

Из песни слов не выкинешь. Но надо все же помнить и принять во внимание, под каким прессом говорил эти слова сам Алексей Максимович?

<...> Да что там Горький! Для Ленина Достоевский — безоговорочно «архискверный» и «реакционный». Вехи, по его словам, лишь возрождали реакционное мировоззрение Чаадаева, Достоевского и Соловьева. Н.Валентинов (Вольский) в книге «Мои встречи с Лениным» со ссылкой на В.Воровского приводит следующие слова «отца культуры»: «На эту дрянь (имеются ввиду романы Достоевского) у меня нет свободного времени». Воровский вспоминал, что Ленин не пожелал читать ни «Бесов», ни «Братьев Карамазовых»: «Содержание сих обоих пахучих произведений мне известно, для меня этого предостаточно. «Братья Карамазовы» начал было читать и бросил: от сцены в монастыре стошнило... Что касается «Бесов» — это явно реакционная гадость...»

Похоже, эти слова Владимир Ильич говорил вполне искренне.

<...> Чем хорошо литературоведение? Тем, что «все дозволено». Меньше всего хлопот с гениями: в их бесконечности есть все — лепи все, за что платят. А коль что не так, легко перелепить, переколпаковать. Главное чтобы «поискренней, по велению сердца». Все котоны жгут своих Иоанн — не как инквизиторы, а как ревнители чистоты веры. Искренне сжигают, затем искренне возводят в сан святых. Все-таки святое дело, эта искренность: «пусть свету провалиться, а чтоб нам чай всегда пить» <...>

Действительно, одни делают дело, другие свою литературную карьеру.

Несколько особняком стоит в литературной полемике история вражды Достоевского с Тургеневым.

Нельзя конечно упрощать характер их отношений до банального эпизода неуплаченного вовремя денежного долга, как отмечалось выше.

Наиболее полно на этот вопрос ответил сам Ф.М.Достоевский.

Из письма Ф.М.Достоевского А.Н.Майкову 16 августа 1867г Женева

<...> *Гончаров все мне говорил о Тургеневе, так что я , хоть и откладывал заходить к Тургеневу, решился наконец ему сделать визит. Я пошел утром в 12 часов и застал его за завтраком. Откровенно вам скажу: я и прежде не любил этого человека лично. Сквернее всего то, что я еще с 67 года, [описка, 1865 г. — прим. авт.] с Wisladen' a, должен ему 50 талеров (и не отдал до сих пор!) . Не люблю тоже его аристократичности — фарсерское объятие, с которым он лезет целоваться, но подставляет вам свою щеку. Генеральство ужасное: а главное его книга «Дым» меня раздражила Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: «Если бы провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве». Он объявил мне, что это его основное убеждение о*

России. Нашел я его страшно раздраженным неудачею «Дыма». А я, признаюсь, и не знал всех подробностей неудачи.

Вы мне писали о статье Страхова в Отечественных записках, но я не знал, что его везде отхлестали и что в Москве, в клубе, кажется, собирали уже подписку имен, чтоб протестовать против его «Дыма». Он это мне сам рассказывал. Признаюсь вам, что я никак не мог представить себе, что можно так наивно и неловко выказывать все раны своего самолюбия, как Тургенев. И эти люди тщеславятся, между прочим, тем, что они атеисты! Он объявил мне, что он окончательный атеист. Но боже мой: деизм нам дал Христа, то есть до того высокое представление человека, что его понять нельзя было без благоговения и нельзя не верить, что это идеал человечества вековечный! А что же они — Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевские — нам представили? Вместо высочайшей красоты божией, на которую они плюют, все они до того пакостно самолюбивы, до того бесстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно, на что они надеются и кто за ними пойдет?

Ругал он Россию и русских безобразно, ужасно. Но вот что я заметил: все эти либералишики и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением. Разница в том, что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же отпрыски Белинского, прибавляют, что они любят Россию. А между тем не только все, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же обращают с наслаждением в карикатуру, но что если бы действительно представить им наконец факт, который бы уж нельзя опровергнуть или в карикатуре испортить, и с которым надо непременно согласиться, то, мне кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаянья несчастны. Заметил я, что Тургенев, например (равно как и все, долго не бывшие в России), решительно фактов не знают (хотя и читают газеты) и до того грубо потеряли всякое чутье России, таких обыкновенных фактов не понимают, которые даже наш русский нигилист уже не отрицает, и только карикатурит по-своему. Между прочим, Тургенев говорил, что мы должны ползать перед немцами, что есть одна общая всем дорога и неминуемая — это цивилизация и что все попытки русизма и самостоятельности — свинство и глупость. Он говорил, что пишет большую статью на всех русофилов и славянофилов. Я посоветовал ему, для удобства, выписать из Парижа телескоп. — Для чего?

— спросил он. — Отсюда далеко, — отвечал я; — Вы наведите на Россию телескоп и рассмотрите нас, а то право, разглядеть трудно. Он ужасно рассердился. Видя его такое раздражение, я действительно с чрезвычайно удавшейся наивностью сказал ему: «А ведь я не ожидал, что все эти критики на Вас и неуспех «Дыма» до такой степени раздражат Вас; ей богу, не стоит того, плюньте на все». «Да я вовсе не раздражен, что Вы!» — и покраснел. Я перебил разговор; заговорил о домашних и личных делах, я взял шапку и как-то, совсем без намерения, к слову высказал, что накопилось за три месяца в душе от немцев:

«Знаете ли, какие здесь плуты и мошенники встречаются. Право черный народ здесь гораздо хуже и бесчестнее нашего, а что глупее, то в этом сомнения нет. Ну вот вы говорите про цивилизацию; ну что сделала цивилизация и чем они так очень-то могут перед нами похвастаться!»

Он побледнел (буквально, ничего, ничего не преувеличиваю!) и сказал мне: «говоря так, вы меня лично обижаете. Знайте что я здесь поселился окончательно, что я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!» Я отвечал: «Хоть я и читал «Дым» и говорил с Вами теперь целый час, но все-таки я никак не мог ожидать, что вы это скажете, а потому извините, что я вас оскорбил» Затем мы распрощались весьма вежливо, и я дал себе слово более к Тургеневу ни ногой, никогда <…> Во все 7 недель я встретился с ним один только раз в вокзале. Мы поглядели друг на друга, но ни он ни я не захотели друг другу поклониться.

Может быть вам покажется неприятным, голубчик Апполон Николаевич, эта злорадность, с которой я описываю Тургенева, и то, как мы друг друга оскорбляли. Но ей-богу, я не в силах, он слишком оскорбил меня своими убеждениями. Лично мне все равно, хотя со своим генеральством он и не очень привлекателен: но нельзя же слушать такие ругательства на Россию от русского изменника, который бы мог быть полезен. Его ползание перед немцами и ненависть к русским я заметил давно, еще четыре года назад. Но теперешнее раздражение и остервенение до пены у рта на Россию происходит единственно от неуспеха «Дыма» и что Россия осмелилась не признать его гением. Тут одно самолюбие, и это тем пакостнее. <…>

Эти мысли Ф. М. Достоевского весьма актуальны и для современной России начала XXI века. Письмо Достоевского Майкову было со временем превращено в «донесение потомству», переслано издателю «Русского архива» Бартеневу уже после смерти обоих писателей.

Профессор А. С. Долинин в своей книге «Достоевский и другие» отмечает:

<...> *Этот факт связан с выходом в свет тургеневского «Дыма», с последовавшим вскоре свиданием их в Бадене, где они окончательно поссорились и разошлись навсегда. После этого, через четыре года, появилась в «Бесах» первая карикатура на Тургенева как человека; через некоторое время были осмеяны, в «Бесах» же, его общественно-политические воззрения и наконец его писательская манера в рассказе Кармазинова «Merci».*

И после ссоры в Бадене, и после третьей карикатуры (как Тургенев реагировал на первые две карикатуры в момент их появления и узнавал ли он себя в них до появления третьей пародии — нам неизвестно) Тургенев делал вид, что не обижается или мало обижается; ведь Достоевский — сумасшедший, иными словами, морально недостаточно ответственный. Однако обиды ему не простил: ни тогда, ни даже после Пушкинского праздника, на котором произошло будто бы примирение. <...>

Да, Иван Сергеевич в долгу не остался.

Из письма И.С.Тургенева М. Е. Салтыкову-Щедрину 25 ноября 1875 Париж

<...> *Во всяком случае, это не «Подросток» Достоевского.*

Получив последнюю (ноябрьскую) книжку «Отечественных записок», я заглянул было в этот хаос; боже, что за кислятина и больничная вонь, и никому не нужное бормотание, и психологическое ковыряние! Вот к кому всецело применяемо то, что вы сказали в своем последнем письме об этом роде. «...»

Из письма И.С.Тургенева М.Е.Салтыкову-Щедрину 24 сентября 1882г Буживаль

<...> *Прочел я также статью Михайловского о Достоевском. Он верно подметил основную черту его творчества. Он мог бы вспомнить, что и во французской литературе было схожее явление — а именно пресловутый Маркиз де Сад. Этот даже книгу написал: «Tourments et supplices», («Муки и истязания») в которой он с особенным наслаждением настаивает на развратной неге, доставляемой нанесением изысканных мук и страданий. Достоевский тоже в одном из своих романов тщательно расписывает удовольствия одного любителя... « И как подумаешь, что по этом нашем де Саде все российские архиереи совершили панихиды и даже ...читали о вселюбии этого всечеловека! Поистине в странное живем мы время!* <...>

Оставим полемику двух великих писателей для историков и литературоведов; тем более, что появилась она из частной переписки.

Остановимся на обвинении в моральной безответственности Ф.М.Достоевского.

Как помнит читатель, Федор Михайлович «скрыл» от Тургенева свою связь с Апполинирией Сусловой во время своей заграничной поездки в 1863г. Но вряд ли эта связь осталась тайной для Ивана Сергеевича, который с сочувствием относился к его первой жене — Марии Дмитриевне Достоевской.

Тургенев — всегда корректный, добрый и уступчивый, с аристократическими манерами был в вопросах морали и нравственности весьма щепетилен. Поэтому, вполне вероятно, мог каким-то образом проявить свое недоумение по поводу этой тонкой житейской коллизии. Федора Михайловича, с его добрым, но неуравновешенным характером, сложившаяся ситуация раздражала, что способствовало дальнейшему отчуждению бывших приятелей. Впрочем, это всего лишь догадки, навеянные смутными воспоминаниями и отголосками разговоров в семье потомков М.Д.Достоевской.

Дискуссии вокруг творчества и жизни Ф.М.Достоевского не утихали на протяжении всех лет после смерти великого писателя

В стане друзей и родственников Достоевского также не наблюдалось умиротворения. Взаимные обвинения присутствуют в воспоминаниях близких ему людей и комментариях многочисленных биографов, литературоведов и историков.

Сибирский друг Достоевского барон А.Е.Врангель в своих «Воспоминаниях о Ф.М.Достоевском в Сибири» пишет:

<...> Осенью 1882 г мой друг А.С. Ионин (ныне тоже покойный, бывший посланником в Бразилии и Берне), в бытность свою в Петербурге, зная о моих близких отношениях с Достоевским, просил у меня его письма для прочтения.

Вскоре я выехал за границу, Ионин в Египет, письма же мои он по просьбе вдовы писателя графа Алексея Толстого дал ей, в свою очередь, прочитать. После этого писем этих я больше уже обратно не получил, они мне не были возвращены... Совершенно случайно, год спустя, кто-то сообщил мне, к крайнему моему удивлению, что письма Достоевского ко мне появились в печати.

Оказалось они были изданы в 1883 году в числе прочих писем Ф.М.Достоевского, в сборнике Н. Н. Страхова. <...>

Я приобрел этот сборник. Перечитывая, я усмотрел, что кой-что мое, личное, к большому моему удовольствию, по крайней мере выпущено.

Но в то же время я заметил, что трех интересных писем ко мне Достоевского не хватает — в сборнике их не оказалось.. Где все эти письма?

Не утихал также конфликт между А.Г.Достоевской и Л.Ф.Достоевской со всеми остальными членами семейства Достоевских.

Известная исследовательница жизни и творчества Федора Михайловича Достоевского В.С.Нечаева в своей работе «Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф.М.Достоевского» пишет[199]

<...> *Екатерина Михайловна Достоевская-Манассеина... (племянница писателя, дочь М.М.Достоевского) стала гражданской женой известного ученого и общественного деятеля В.А.Манассеина — профессора Военно-медицинской академии в Петербурге.*

Она прожила с ним свыше 20 лет, вплоть до смерти в 1901 г помогала в его сложной работе и была окружена уважением его друзей.

В 1922 г вышли в русском переводе «Воспоминания» Любовь Федоровны Достоевской об отце, в которых она сообщала о якобы слышанных от Анны Григорьевны рассказах о том, что Федор Михайлович трагически переживал «позор» своей племянницы, так как В. А. Манассеин из-за отказа его первой жены в разводе не мог «законно» оформить брак с Екатериной Михайловной, и якобы «запретил» всякие отношения с «провинившейся». Но уже А.С.Долинин, комментируя письма Федора Михайловича к брату Николаю Михайловичу от 6 декабря 1879г обнаружил недостоверность этих сообщений Любови Федоровны, как и всех ее «воспоминаний» в целом. <...>

<...> *Я знала когда встречалась с Е.М.Достоевской (в сентябре 1923г), о клеветнических утверждениях дочери писателя, но сомневаюсь, чтобы сама она была осведомлена о них: она, конечно, не следила за литературой по Достоевскому, и никто из специалистов ее не посещал. Во всяком случае, сама она ни разу, никогда не касалась не только этого личного вопроса, но и общеизвестной неприязни в отношениях ее матери к Федору Михайловичу. У Екатерины Михайловны вообще были опасения, как бы не появились в печати неверные сведения о близких ей людях, и она жаловалась на некоторые слухи. К счастью я избежала этих опасений с ее стороны и, когда вскоре после знакомства с нею и ее архивными материалами призналась, что собираюсь написать книгу об ее отце, то она не выразила опасений.* <...>

Не стеснялась в комментариях и Любовь Федоровна[200]:

<…> *Семья Достоевских вела себя очень странно: вместо того чтобы гордиться тем, что их брат — гений, они в гораздо большей степени ненавидели его за его превосходство. Только дядя Андрей гордился литературным талантом старшего брата, но он жил в провинции и редко бывал в Петербурге.* <…>

И тут же указывает, что под влиянием алкоголизма «старший сын дяди Андрея, блестящий ученый, умер от прогрессирующего паралича». Однако его младший брат Андрей Андреевич Достоевский возражает ей: «Приписывая алкоголизм предков разрушающее действие на всю нашу семью, Л.Ф.Достоевская, по своей наивности, даже прогрессивный паралич моего брата Александра относит к его влиянию, между тем как это есть следствие того несчастья, которое произошло с братом в его студенческие годы»…

Этот перечень взаимных обвинений можно продолжить. Один Ф. Ф. Достоевский (сын писателя), надо отдать ему должное, не принимал в них участие.

Профессор С. В. Белов в своем «Энциклопедическом словаре» приводит достаточно точный список биографических материалов о близких и родственниках Ф.М.Достоевского.

Существует также достаточно обширная биографическая литература о жизни потомков Ф.М.Достоевского.

Будет вполне справедливым рассказать немного о судьбе семьи его пасынка — П.А.Исаева.

Волею судьбы наиболее исчерпывающая информация по этому вопросу очутилась в руках моей матери — Доновой Людмилы Павловны, получившей ее из уст своей свекрови — Веры Павловны Исаевой-Доновой. Той самой Верочки — «внучке» и крестницы Ф.М.Достоевского.

Слово внучка автор взял в кавычки, так как кровного родства с писателем у Веры Павловны действительно нет, но сам Федор Михайлович так не считал.

В 1986г из далекого Семипалатинска автору этой книги пришло письмо от сотрудницы литературно-мемориального музея Ф.М.Достоевского Натальи Ивановны Левченко с просьбой выслать материалы касающиеся семьи Павла Александровича Исаева. Я попросил свою мать ответить на это письмо. Она любезно согласилась сделать это.

Из письма Людмилы Павловны Доновой Надежде Ивановне Левченко декабрь 1986 Ленинград

«Уважаемая Наталья Ивановна!

Пишу Вам по просьбе своего сына Донова А. А. , так как я более компетентна в интересующем Вас вопросе чем он.

Прочитав Ваше письмо я была искренне обрадована, что существуют люди для которых дорога светлая память о М. Д. Исаевой -Достоевской и которые, вопреки общепринятым (к сожалению) печатным штампам, не считают, что лишь одна А. Г. Сниткина была подлинным ангелом-хранителем Федора Михайловича Достоевского и создала ему истинный семейный рай.

В 1939г. я стала женой Донова Алексея Евдокимовича — сына Веры Павловны Доновой-Исаевой, старшей дочери Павла Александровича Исаева и с удовольствием сообщу Вам все что мне известно об этом семействе (к сожалению это не очень много). В то время моя свекровь Вера Павловна, а также ее сестра Мария Павловна и брат Федор Павлович были живы и я сообщу все что мне удалось узнать от них, а также от правнучки М.М.Достоевского Марии Васильевны Зеленовой -Достоевской.

Как Вам, конечно, известно дед Марии Дмитриевны был француз, дворянин, но когда и как он попал в Россию мне неизвестно...»

<...> К сожалению, моя свекровь Вера Павловна бабушки лично не знала, так что рассказывала о ней со слов своего отца Павла Александровича Исаева.

Это была исключительно добрая, бескорыстная, высокой нравственной чистоты и очень религиозная женщина, к тому же совершенно непрактичная, не умеющая приспосабливаться к существующим условиям. О всех этих ее качествах не раз упоминал (как я потом убедилась) сам Ф.М.Достоевский. Но еще надо отметить, что Федор Михайлович женился на ней, когда она уже была тяжко больна, и, естественно, она не могла создать ему полного семейного благополучия в обычном понимании этого слова, не могла подарить ему детей, кроме своего единственного, которого, кстати, Федор Михайлович любил всю жизнь не меньше своих собственных (от А. Г. Сниткиной). И можно с уверенностью сказать, что в каких-то недоразумениях, которые были между Марией Дмитриевной и Федором Михайловичам, меньше всего было ее вины, да и Федор Михайлович это прекрасно знал сам и поэтому так высоко ценил память своей первой жены и какие-то неблагоприятные отзывы о Марии Дмитриевне, печатавшиеся в большинстве биографий Федора Михайловича, брались со слов его второй жены, которая всячески старалась опорочить память Марии Дмитриевны. Кстати все письма Марии Дмитриевны к Федору Михайловичу и его к ней, все ее документы были уничтожены А.Г. Сниткиной, и у семьи не

осталось даже образца ее почерка. Вообще А.Г. Сниткина играла очень неблаговидную роль в жизни всего семейства Исаевых.<…>

<…> П.А.Исаев женился на Надежде Михайловне Устиновой и имел 6 детей: дочерей Веру, Марию, Елизавету, Любовь и сыновей Федора и Алексея. Федор Михайлович до конца своей жизни оказывал материальную поддержку семье, но после его смерти его вторая жена прекратила всякие отношения с семейством пасынка и несмотря на то, что сама, будучи очень ловкой, алчной и практичной быстро разбогатела на издании произведений Федора Михайловича, и имела десятки тысяч (купив имение в Крыму) ни копейки не дала очень нуждающемуся семейству Павла Александровича, старалась распространять всякие порочащие их слухи и даже детям своим внушила ненависть ко всему семейству Исаевых: хотя это семейство все время оставалось в теплых родственных отношениях с семейством М.М.Достоевского, старшего брата Федора Михайловича, эта дружба передалась в наследство даже мне, я до сих пор сама дружила с правнучкой Михаила Михайловича — М.В.Зеленовой и мне пришлось одной из всех родственников похоронить ее в г Риге в 1969г.

Но вернемся к семейству Павла. Несмотря на стесненные материальные обстоятельства (материальную помощь после Федора Михайловича оказывал дядюшка, контрадмирал) все дети получили образование, все окончили гимназии, причем очень успешно, Вера Павловна даже с золотой медалью (Алексей умер в возрасте около 10 лет), вообще все дочери Павла Александровича отличались большой серьезностью и глубокой религиозностью, младшая сестра Елизавета ушла в монастырь еще в молодости, другие сестры кроме Веры Павловны замуж не вышли (хотя все обладали незаурядной красотой), брат Федор Павлович был женат и имел 2х сыновей [Сергей и Лев, прим авт.]: они погибли в Вел. Отеч. Войну.

Все сестры: Елизавета Павловна, Любовь Павловна, Мария Павловна, впоследствии умерли от туберкулеза, болезнь наследственная в их семействе. Вера Павловна вышла замуж уже в не очень молодом возрасте (за 30 лет), она также собиралась в монастырь, но какой-то умный священник отсоветовал.

Муж ее Евдоким Витальевич Донов был незаконнорожденный (что в то время имело отрицательное значение), образования специального не получил, но обладал большими способностями, которые передал всем детям. Это был исключительно мягкий, благородный, чрезвычайно честный и принципиальный человек, но и чрезвычайно непрактичный (как раз под стать своей жене).

У них было 4 сыновей (Николай, Сергей, Алексей , Иван), все обладали большими способностями, особенно в математике. Семья

крайне нуждалась в материальном отношении, но дети подрастали уже в советские время и поэтому почти все (кроме старшего Николая) получили высшее образование.

Но фамильный бич — туберкулез, отягощенный постоянной нуждой, преследует и это семейство: 2 сына Сергей и Иван погибли от туберкулеза в возрасте 30 и 21 года, в детстве страдал туберкулезом и мой муж Алексей, но его удалось поместить в туберкулезную школу-санаторию, после окончания которой он с отличием закончил механико-математический факультет Ленинградского университета, затем аспирантуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звание профессора и был начальником кафедры в ЛВИА им. Можайского в звании генерал-майора (умер в 1977г в возрасте 66 лет). Старший его брат Николай Евдокимович работал гл. бухгалтером и умер в 1982г: у него осталось 2 сына Юрий и Николай, один работает в Мурманской обл, другой под Ленинградом, высшего образования, как и отец, оба не получили. У нас с Алексеем Евдокимовичем один сын Донов А. А., о себе он сообщит Вам сам.

Я сама по профессии врач.

Еще добавлю, что Вера Павловна и Евдоким Витальевич Доновы погибли во время немецкой оккупации в Пушкине под Ленинградом, где они проживали с 1910г и вместе с ними погибли все фотографии и все реликвии оставшиеся от семейства Исаевых (дом, где они проживали, сгорел от прямого попадания артиллерийского снаряда 9.09.1941 г., прим. авт).

На этом закончу. Извините за мой несносный почерк и за некоторые, возможно резкие высказывания, с которыми могут не все согласиться, но поверьте, все мои заключения построены на долгом изучении всех касающихся этих вопросов материалов, как устных, так и письменных.

С глубоким уважением Л. Донова

Сведения изложенные в этом письме требуют некоторых уточнений и дополнений.

Так, сын Федора Павловича Исаева, Сергей, закончил Константиновское военное училище в Петербурге, после революции воевал в Белой армии у Юденича. В 1921г по доносу был арестован и расстрелян в Петроградском ЧК (ГПУ).

Второй сын Лев Павлович сгорел в танке на Западном фронте под Москвой.

Сам Федор Павлович Исаев умер от голода в блокадном Ленинграде в 1942г вместе с семьей.

Младший сын Веры Павловны Исаевой-Доновой Иван был комсомольским активистом. В 1937г отказался подписать какие-то списки на арест своих однокурсников по университету и покончил жизнь самоубийством.

Мой отец, Донов Алексей Евдокимович, сын Веры Павловны, после окончания Ленинградского университета в 1940 г. был призван в Красную Армию по «ворошиловскому» набору. В Великую Отечественную войну воевал на Южном фронте рядовым. В октябре 1941 г. отозван с фронта как специалист в области аэродинамики в «контору» А.Н.Туполева. В 1953 г в звании инженер-полковника переведен в Ленинград на должность начальника кафедры аэродинамики и баллистики. Участвовал в запуске космических аппаратов на Луну и Венеру.

Сама автор письма Донова Людмила Павловна после окончания 1-го Ленинградского медицинского института в 1941г., военврач, воевала на Ленинградском фронте. После прорыва блокады в 1943 г. выехала в санитарном поезде к мужу в Москву, где работала врачом до 1953 г. Умерла в 1987 г.

Потомки Дмитрия Степановича Констант после Февральской революции в России 1917 г. вернулись во Францию.

ЭПИЛОГ

Во всем мире признают, что Достоевский — великий писатель, который приобщил Россию к высшим достижениям мировой культуры и сам вошел в сонм гениев, исчисляемых десятками за всю историю мировой литературы.

В этой книге автор старался, не выходя за пределы биографии писателя, дать по возможности полную и объективную информацию о его первой семье.

Мария Дмитриевна Достоевская, урожденная Констант, вошла в жизнь писателя, когда он был простым ссыльным солдатом. Сочувствием, женской теплотой и заботой она в меру своих физических и душевных сил старалась поддержать бывшего каторжанина, а впоследствии мужа и великого писателя в его нелегкой жизни.

Образ Марии Дмитриевны в литературных и биографических изданиях весьма расплывчив и неясен широкому кругу читателей. Сама биография первой жены писателя во многом искажена и недостоверна.

Мария Дмитриевна была непростым человеком: она быстро обижалась, ревновала, раздражалась; но столь же быстро становилась милой, умной, доброй и желанной.

Простим ей, что из-за страшной болезни она не смогла дать Федору Михайловичу полного семейного счастья.

Напомним, что Мария Дмитриевна была наполовину француженкой, волею судьбы заброшенной в далекие сибирские степи, так не похожие на живописные ландшафты милой ей Франции, в которой она так никогда не побывала.

Достоевский любил свою первую жену, достойную доброй памяти за одно только это светлое чувство.

Автор книги выражает благодарность сотрудникам музеев Ф.М.Достоевского: В Петербурге — Наталье Туймебаевне Ашимбаевой; в Новокузнецке — Татьяне Станиславовне Ашеуловой; в Семипалатинске — Наталье Ивановне Левченко и Наталье Евгеньевне Барбарат за помощь оказанную при написании этой книги.

ОТ РЕДАКЦИИ

Историю жизни и судьбы первой жены Ф. М. Достоевского Марии Дмитриевны, урожденной Констант, по своему происхождению наполовину француженки, в большинстве случаев излагали явные недоброжелатели, а нередко и откровенные невежды. Исключения единичны.

Плоский, но очень расхожий стереотип нервной, экспансивной, болезненно мнительной женщины часто использовался для объяснения многих причин неурядиц и несчастливой жизни писателя в первом браке.

В данной книге автор попытался по возможности объективно описать жизненный путь М. Д. Достоевской, ее роль в становлении литературного творчества Федора Михайловича и приоткрыть малоизвестные эпизоды сложных человеческих отношений в семейной жизни великого писателя.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГААО Государственный архив Астраханской области. Стр. 6, 11, 12.
ЦГВИА Центральный Государственный военно-исторический архив. Стр. 29.
ГАТО Государственный архив Томской области.

ЛИТЕРАТУРА

1 М. Кушникова, В. Тогулев. «Загадки провинции». Новокузнецк, 1996 г., с.19-20.

2 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.1, с.200.

3 Н. И. Левченко. «Круг знакомых Ф.М.Достоевского в семипалатинский период жизни». Материалы и исследования, т.11, Санкт-Петербург, 1994 г., с.235-246.

4 А. С Марков. «Мария Исаева — жена Достоевского». Журнал «Волга», 09.12.1984 г.

5 Л.Ф.Достоевская. «Достоевский в изображении своей дочери». Санкт-Петербург, 1992 г., с.79-80.

6 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.1, сс.279, 285, 307.

7 А.Е.Врангель «Воспоминания о Ф.М.Достоевском в Сибири 1854-1856» «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников» М. 1990 г., сс.354-366.

8 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.1, сс.199-200.

9 Там же сс.186-189.

10 Там же сс.211-219.

11 Там же сс.223-227.

12 Там же с.230.

13 Там же с.232.

14 Там же с.237.

15 А. С. Шадрина. «Двадцать два дня из жизни Ф.М.Достоевского». Новокузнецк, 1995 г., сс.35, 65-69, 124-126.

16 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985, т.28, кн.1, сс.252-254.

17 Там же сс.256-260.

18 Булгаков В. Ф. «Достоевский в Кузнецке». Газета «Сибирская жизнь», 29.10.1904 г., Томск.

19 «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников». М. 1990 г., с.310.

20 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.1, с.275.

21 А. В. Скандин. «Ф.М.Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях». Санкт-Петербург, 1993 г., сс.108-112.

22 Л.Ф.Достоевская. «Достоевский в изображении своей дочери». Санкт-Петербург, 1992 г., с.80.

23 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.1, сс.280-281.

24 Там же сс.286-287.

25 Там же сс.287-291.

26 Там же сс.293-294.

27 З. А. Сытина. «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников». М., т.1, 1990 г., сс.369-374.

28 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.1, с.484.

29 там же с.489.

30 там же с.308.

31 там же с.314.

32 там же с.317.

33 там же с.330-333.

34 там же с.335.

35 там же с.337.

36 там же с.342.

37 там же с.343-344.

38 там же сс.386-387.

39 там же с.519.

40 там же сс.367, 374.

41 там же с.377.

42 Е. Саруханян. «Достоевский в Петербурге». Ленинград, 1972 г., с.127.

43 Н. Н. Страхов. «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников». М., 1990 г., с.377.

44 Е. Саруханян. «Достоевский в Петербурге» Ленинград, 1972 г., с.133.

45 Достоевский. Материалы и исследования. Ленинград, 1985 г., т.6, с.285.

46 Литературное наследство. М., 1973 г., т.86, с.387.

47 Ф.М.Достоевский. Полное собраний сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, с.14.

48 там же сс.24-25.

49 там же с33

50 С. В. Белов. «Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь» Санкт-Петербург, т.2, 2001 г., с.270.

51 Марк Слоним. «Три любви Достоевского». Ростов-на-Дону, 1998 г., с.163.

52 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, сс.37-39.

53 там же сс.39-43.

54 там же сс.44-46.

55 там же сс.46-48.

56 там же сс.48-49.

57 там же сс.121-122.

58 там же сс.54-55.

59 Л.Ф.Достоевская. «Достоевский в изображении своей дочери». Санкт-Петербург, 1992 г., сс.83-84.

60 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, сс.56-57.

61 там же с.58.

62 там же с.62.

63 там же с.67.

64 там же сс.69-71.

65 там же сс.73-74.

66 там же сс.91-92.

67 А. П. Гроссман. «Достоевский». М., 1965 г., с.196.

68 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, сс.115-120.

69 там же с.116.

70 В. В. Тимофеева. «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников». М., т.2, 1990 г., с.161.

71 Б. Г. Герасимов. «Ф.М.Достоевский в Семипалатинске». 1992 г., с.12.

72 А.Е.Врангель. «Воспоминания о Ф.М.Достоевском в Сибири 1854-1856гг», «Две любви Достоевского». Санкт-Петербург, 1992 г., с.53.

73 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, с.190.

74 там же с.202.

75 там же сс.221-222.

76 там же с.470.

77 там же с.233.

78 там же сс.260-261.

79 там же сс.381-382.

80 там же сс.281-283.

81 там же с.284.

82 Материалы и исследования. Ленинград, т.7, 1987 г., с.237.

83 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, с.293.

84 там же с.307.

85 там же с.39.

86 там же с.40.

87 там же сс.42-43.

88 там же с.48.

89 там же сс.342-344.

90 там же с.62.

91 там же с.63.

92 там же сс.67-68.

93 там же сс.71-72.

94 там же с.73.

95 там же сс.83-84.

96 там же с.94.

97 А. Г. Шиле. «Ф.М.Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях». Санкт-Петербург, 1993 г., с.173.

98 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, с.116.

99 там же с.121.

100 там же сс.125-126.

101 там же с.128.

102 там же с.141.

103 там же сс.150-152.

104 С. В. Белов. «Ф. М, Достоевский и его окружение Энциклопедический словарь». Санкт-Петербург, т.1, с.48.

105 М. А. Иванова. «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников», М., 1990 г., т.2, с.48.

106 С. В. Белов. «Энциклопедический словарь». т.1, с.333.

107 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, с.162.

108 А.Г.Достоевская. «Воспоминания», М., 2002 г., сс.9-193.

109 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 т.28, кн.2, с.172.

110 Достоевский. Письма жене. М., с.312.

111 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, сс.173-175.

112 там же сс.176-178.

113 там же с.179.

114 там же с.181.

115 там же сс.200-201.

116 Достоевская. Дневник. с.77.

117 С. В. Белов. «Энциклопедический словарь». Санкт-Петербург, т.1, с.49.

118 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1985 г., т.28, кн.2, сс.196-197.

119 там же с.446.

120 там же сс.227-228.

121 там же сс.229-231.

122 там же сс.262-265.

123 там же с.270.

124 там же сс.270-274.

125 там же сс.274-276.

126 там же с.468.

127 там же сс.277-283.

128 там же с.470.

129 там же с.301.

130 там же с.317.

131 там же с.313.

132 там же сс.320-325.

133 там же сс.330-333.

134 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн.1, сс.8, 14.

135 там же с.22.

136 там же сс.27-28.

137 там же с.52.

138 там же с.62.

139 там же сс.71, 75, 77, 416.

140 там же сс.82-83.

141 там же сс.85-87.

142 там же с.418.

143 Сборник. Достоевский М. 1982 г., сс.408-409.

144 там же сс.415-416.

145 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений 1986 г., т.29, кн.1, сс.78-79.

146 там же сс.82-84.

147 там же сс.89-94.

148 С В. Белов. «Энциклопедический словарь». Санкт-Петербург, т.1, с.279.

149 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн.1, сс.104-105.

150 там же с.424.

151 Л.Ф.Достоевская. «Достоевский в воспоминаниях своей дочери». Санкт-Петербург, 1992 г., сс.97-98.

152 Л. С. Долинин. «Ф.М.Достоевский. Статьи и материалы». Санкт-Петербург, 1922 г., сс.440-441.

153 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн.1, с.445.

154 там же с.147.

155 там же с.166-169.

156 там же с.454.

157 там же с.177.

158 там же сс.191-194.

159 там же с415

160 С.В Белов. «Энциклопедический словарь». Санкт-Петербург, 2001 г., с.224.

161 там же с.225.

162 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн.1, с.194.

163 А. Г Достоевская. «Воспоминания». М., 2002 г., сс.196-197.

164 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн.1, с.197-199.

165 А.Г.Достоевская. «Воспоминания». М., 2002 г., сс.204-207.

166 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн.1, с.259.

167 там же сс.265-266.

168 там же сс.503-504.

169 Литературное наследство. 1973 г., т.86, с.432.

170 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн1 сс.266-268.

171 там же с.434.

172 там же сс.269-271.

173 там же с.291.

174 там же с.524.

175 там же с.362 –363.

176 там же сс.364-366.

177 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн.2, с.42.

180 Достоевский. Письма. т.4, с.364.

181 «Достоевский Статьи и материалы». Сборник 2, Ленинград, 1924 г., т.2, с.418.

182 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29, кн.2, сс.37-38.

183 там же сс.66-67.

184 там же с.229.

185 Литературное наследство. 1973 г., т.86, с.521.

186 И. Волгин. «Последний год Достоевского» М. 1986

187 А.Г.Достоевская. «Воспоминания». М. 2002 г., с.349.

188 Л.Ф.Достоевская. «Достоевский в изображении своей дочери». Санкт-Петербург, 1992 г., сс.192-199.

189 А.Г.Достоевская. «Воспоминания». М., 2002 г., сс.349-355.

190 Я Б Бретцель. «Литературное наследство». М. 1973 г., т.86, с.312.

191 Письма Е. А. и М. А. Рыкачевых. Материалы и исследования. Ленинрад, 1974 г., т.1, с.289.

192 Л.П.Гроссман. Достоевский. М. 1965 г., с237

193 Л. Н. Толстой. Собрание сочинений. М., 1984 г., т.18, с.878.

194 И.Н.Гарин. «Многоликий Достоевский». М., 1997 г.

195 Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений. 1986 г., т.29., кн.2, сс.210-212.

196 И.С.Тургенев. Собрание сочинений. М., т.11, 1958 г., с.482.

197 И.С.Тургенев. Собрание сочинений. М., т.12, 1958 г., с.559.

198 А.Е.Врангель. «Воспоминания о Ф.М.Достоевском в Сибири», «Две любви Ф.М.Достоевского». Санкт-Петербург, 1992 г., с.155.

199 Достоевский. Материалы и исследования. Ленинград, 1985 г., т.6, сс.285-286.

200 А. С. Белов. «Энциклопедический словарь». Санкт-Петербург, 2001 г., т.1 с.242

ОБ АВТОРЕ

Донов Анатолий Алексеевич — праправнук Марии Дмитриевны Достоевской, первой жены Федора Михайловича Достоевского. Родился 16 декабря 1945 года в г.Щелково Московской области в семье военного ученого-авиатора. В июне 1954 года вместе с родителями переехал в Ленинград.

После окончания в 1964 году средней школы и службы в армии поступил в Ленинградский гидрометеорологический институт, который закончил в 1971 году по специальности инженер-гидролог.

С 1971 по 1974 год — начальник гидрометеостанции на Кольском полуострове. В 1974 году вернулся в Ленинград, где работал в ряде организаций в области гидротехники и гидрогеологии. В 1981 году закончил аспирантуру при институте гидротехники им. Б.Е.Веденеева. В настоящее время работает главным инженером ООО «Инженерный центр». Имеет ряд публикаций в научно-технических журналах и периодических изданиях.

Женат, брак зарегистрирован в 1971 году в г.Новокузнецке Кемеровской области. Воспитал двух сыновей — Алексея и Павла — 1973 и 1987 года рождения соответственно.

СОДЕРЖАНИЕ

Донов Анатолий Алексеевич - праправнук Марии Дмитриевны Достоевской, первой жены Федора Михайловича Достоевского.

Родился 16 декабря 1945 года в г.Щелково Московской области в семье военного ученого-авиатора. В июне 1954 года вместе с родителями переехал в Ленинград.

После окончания в 1964 году средней школы и службы в армии поступил в Ленинградский гидрометеорологический институт, который закончил в 1971 году по специальности инженер-гидролог.

С 1971 по 1974 год - начальник гидрометеостанции на Кольском полуострове. В 1974 году вернулся в Ленинград, где работал в ряде организаций в области гидротехники и гидрогеологии. В 1981 году закончил аспирантуру при институте гидротехники им. Б.Е.Веденеева. В настоящее время работает главным инженером ООО "Инженерный центр". Имеет ряд публикаций в научно-технических журналах и периодических изданиях.

Женат, брак зарегистрирован в 1971 году в г.Новокузнецке Кемеровской области. Воспитал двух сыновей - Алексея и Павла - 1973 и 1987 года рождения соответственно.